

история/география/этнография

Андрей Боголюбский

Николай Воронин

Андрей Боголюбский

Николай Воронин

Ломоносовъ
издательство

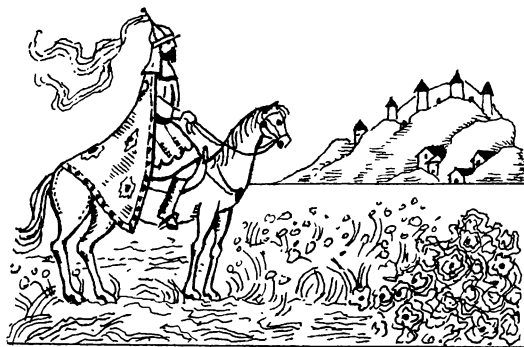

Николай Воронин

Андрей Боголюбский

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2022

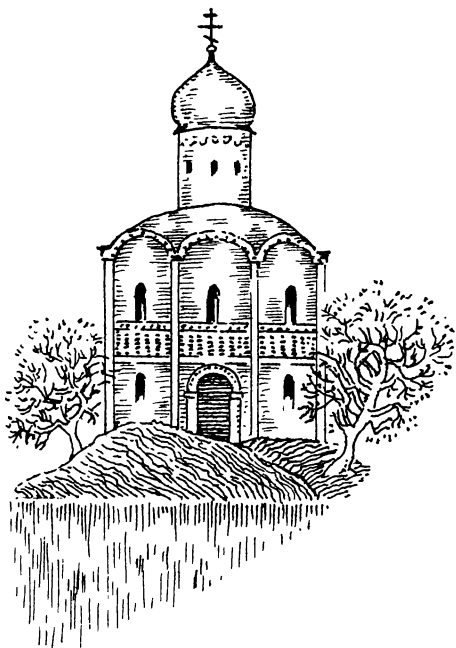
УДК 94(47).027
ББК 63.3(2)43
В75

Составитель серии Владислав Петров

*В оформлении обложки использован эскиз
Виктора Васнецова к росписи Владимирского собора в Киеве.
1885–1896 годы*

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Написание книги «Андрей Боголюбский» Н. Н. Воронин окончил в 1946 году, и, как это было заведено в то время, началось ее длительное путешествие по многочисленным рецензентам. Основные замечания касались позиции автора в оценке роли религии и церкви в развитии общественных процессов в эпоху Андрея Боголюбского. Высказывались даже обвинения в «поповщине». С рядом замечаний, не нарушающих фундаментальных позиций автора, Николай Николаевич соглашался. Согласования длились до 1948 года. Но после очередного категорического требования внести изменения в текст книги, которые для автора были неприемлемы, было принято решение отказаться от издания книги, и уже готовый набор был рассыпан.

В результате одна из главных и любимых книг Н. Н. Воронина не увидела свет при жизни автора. Но поддержать в руках напечатанную книгу «Андрей Боголюбский» Николаю Николаевичу все же удалось. Перед тем как рассыпать набор, с него был сделан оттиск. Переплетенный в темно-бордовый коленкор с золотым тиснением «Андрей Боголюбский» на обложке, он долгие годы стоял среди книг его библиотеки.

Предлагаемая читателю книга является публикацией текста того единственного оттиска «Андрея Боголюбского», в котором отсутствуют неприемлемые для автора правки, предлагавшиеся рецензентами, а по сути — цензорами.

Н. Н. Воронин (младший)

От автора

Биографии крупных исторических деятелей всегда являются живой частью истории их народа. Они поднимаются над головами предков и потомков потому, что корни их трудов уходят в прошлое, а плоды пожинают не только современники, но и люди последующих лет, а иногда и столетий.

Точно так же и биографию князя Андрея Юрьевича Боголюбского нельзя ограничить хронологическими рамками его жизни. Чтобы понять значение его дел, необходимо знать почву, на которой он строил, прошлые судьбы Владимирской земли и деятельность его ближайших предшественников: деда — Владимира Мономаха и отца — Юрия Долгорукого. Дело, начатое Андреем, его смелые культурно-политические начинания не оборвались с его смертью от рук убийц. Напротив, они были продолжены его братом Всеволодом III и племянником Юрием Всеволодовичем, которые развивали и видоизменяли установленные Андреем порядки вплоть до монгольского нашествия. Таким образом, князь Андрей предстает перед нами как центральная фигура более чем столетия исторической жизни русского северо-востока и Руси в целом: он стоит на глубокой почве прошлого, его дела

принимают потомки, неся их сквозь историю своего народа вплоть до создания русского национального государства. Эти общие соображения определяют рамки и конструкцию нашей книжки.

Материалом для нее послужил не только обычный состав фактов письменных источников: они очень скудны, еще менее полны и всегда пристрастны. Андрей был так ярок и горяч, что ни современники, ни потомки не могли остаться равнодушными: образ Андрея либо облечен сиянием святости, либо является предметом злобной иронии врагов. Настоящий, живой человек скрывается в игре этих контрастов. Раскрытию образа Андрея помогают и другие памятники: произведения архитектуры и искусства, памятники материальной культуры, древние следы современной Андрею жизни в городах, где он жил или бывал: Суздале, Владимире, Боголюбове. Все эти памятники были предметом пристального исследования как автора этих строк, так и его товарищей по теме. Поэтому в тексте встречаются отдельные выводы из предшествующих работ автора или изложение уже известных читателю мыслей.

Обращая свою книгу к читателю, знакомому с отечественной историей, автор считал излишним давать здесь общую характеристику феодального строя, его хозяйственных основ и классовой структуры, борьбы крепостного крестьянства и городских ремесленников с феодалами. Книга посвящена более узкой, конкретной теме — деятельности крупнейшей исторической фигуры XII века, «владимирского самовластца» князя Андрея Юрьевича, и судьбе его культурно-политического наследства. Едва ли при этом нужно напоминать читателю, что вся история его жизни, как и его преемников, разворачивается в условиях жестокой и грубой феодальной действительности и что сам Андрей — сын своего времени, полного кровавых насилий и непрерывной борьбы. В его фигуре для нас интересны и дороги не те *общие* черты, которыми он был похож на многих из своих собратьев, а те стороны его личности, которые *отличали* его как передового политического деятеля, противоречили феодальной косности и вели к борьбе с ней за объединение русских сил.

Наконец, последнее. Эпоха XII–XIII веков, как и все восемь столетий истории Древней Руси, проходит под знаком господства религии как главной формы идеологии: «Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности, — замечает Ф. Энгельс, — было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя». В политической деятельности Боголюбского церковный вопрос занимал особенно значительное место: борясь с силами феодального распада, поднимая руководящее значение сильной княжеской власти, усиливая политическую роль своей северной земли и ее столицы — Владимира, опираясь на прогрессивные слои своих «молодых» городов, Андрей поставил на службу своему делу и крупнейшую идеологическую силу своего времени — церковь. Владимиру готовилась роль общерусской церковной столицы; с этой целью спешно создавались новые религиозные мифы и святыни, организовывались чудеса, освящавшие дела Андрея, составлялись новые церковно-литературные произведения. Их рассмотрению в нашей книге уделено большое место. «Если во всех этих преданиях и есть что-нибудь достойное нашего внимания, — писал Н. А. Добролюбов о религиозных мифах и народной поэзии, — то именно те части их, в которых отразилась живая действительность. Самые заблуждения, какие мы в них находим, интересны для нас потому, что некогда они не были заблуждениями, некогда целые народы верили им и по ним располагали жизнь свою... Там видна жизнь своего времени и рисуется мир души человеческой с теми особенностями, какие производит в нем жизнь народа в известную эпоху...» Отбрасывая церковно-религиозную шелуху, облекающую эти произведения плотным покровом, мы находим в них золотые зерна исторической действительности, видим крепнущие мысли о национальном единении русского народа, об исторической правоте союза «князь, город, люди», вступившего в обреченную тогда, в условиях XII века, на неудачу борьбу с феодальным хаосом на Руси.

I. Родина

Ростово-Суздальская земля, где родился и вырос Андрей Боголюбский, с которой он связал свою бурную жизнь и свои широкие политические планы, была в прошлом удаленным краем раскинувшейся по просторам Восточно-Европейской равнины Киевской державы. Эту землю называли Залесской, так как она была отрезана от днепровского юга дремучими вятическими лесами, начинавшимися от Волги и смыкавшимися на западе с лесным массивом, где встречались своими верховьями реки трех великих водных систем — Волжско-Окской, Днепровской и Волхово-Ильменской.

Несомненно, что путь волоками с волго-окских верховий к Днепру был нашупан очень рано, но более прочными были связи Залесья с новгородским северо-западом и волжским «низом», а через него с миром Востока. Наличие кладов арабских монет VIII–IX веков, крупнейший из которых принадлежит Мурому, свидетельствует об этом с достаточной ясностью¹. С Волгой Ростовский край связывало и течение пересекавших его по диагонали двух рек, почти сходящихся своими верховьями около Клещина озера, — Нерли волжской и Нерли клязьменской. Одинаковое название этих рек свидетельствует об их живой связи и движении по ним, представлявшем немалые выгоды, — это был краткий внутренний путь из середины междуречья к его периферии и Волге.

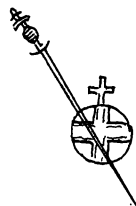
С юга между Суздалем и Клещиным озером к Нерли клязьменской подходило суздальское ополье — обширный безлесный остров плодородного чернозема, привлекавший к себе население с тех пор, как земледелие приобрело существенное значение в его хозяйстве, ослабив интерес к рыбным богатствам рек и озер и охотничьим дарам среднерусских лесных дебрей.

Этнографическое введение Повести временных лет помещает в районе двух великих озер волго-окского междуречья, Неро и Клещина, финское племя — мерю². Но меря не была единственным хозяином этого края. Длительный процесс этногонии, протекавшей в I тысячелетии, породил в Верхнем

Поволжье два этнических массива: в верховьях Волги до Ярославля оформляется восточная ветвь славянского племени — кривичи, в районе же озер и Костромского Поволжья — одно из финских племен — меря³. Память об этом племени сохранилась не только в этой географической справке летописца, но и в упоминании о том, что меря, наряду с кривичами, была обложена данью варяжскими дружинами (859), участвовала в ликвидации варяжских бесчинств (862) и в походах Олега на Киев (882) и Царьград (907). Далее имя этого племени исчезает со страниц летописи. В дальнейшем, в частности во времена Владимира Святославича киевского, при подобных случаях перечня северных племен, наряду со словенами и кривичами мы встречаем упоминание чуди, имя, которое, возможно, обозначало вообще все нерусские племена севера, уже терявшие свои частные племенные особенности, но еще не слившиеся с русским населением. Археологические данные свидетельствуют о значительной близости культуры мери со славянской, что, по-видимому, способствовало быстрому ослаблению культурных и этнических различий между этими двумя племенами. Преобладание славянского начала подкреплялось усилившейся к концу I тысячелетия кривичской и словено-новгородской колонизацией Поволжья.

Древнейшие сведения летописи о городах Северо-Восточной Руси называют здесь Ростов, Муром и выдвинутое на далекий заволоцкий север Белоозеро. Летописное сказание о захвате Киева Олегом приписывает ему начало строительства городов и организации даннического обложения Киевом и севера «по всей земли рустен: словеном, и кривичем и мери» (882).

Из Олегова договора с греками 907 года известно, что в Ростове сидел князь, находившийся в зависимости от Олега. Затем, на протяжении почти всего X века, Залесье выпадает из поля зрения летописца. Лишь под 988 годом летопись сообщает о распределении владений между сыновьями Владимира Святославича, по которому в Ростове сначала сел Ярослав, а за ним Борис, в Муроме же правил Глеб. Это известие, вызывавшее сомнение у А. А. Шахматова, весьма правдоподобно⁴.

Далее, если справедливо отнесение похода Владимира Святославича 985 года на болгар к болгарам волжским, в конце X века мы вновь видим интерес Киева к своим удаленным поволжским землям, а договор Владимира с болгарами 1006 года о беспрепятственной торговле болгарских и русских купцов во всех русских и болгарских «градах» может указывать на наличие большого количества «городов» и в смежной с Болгарией Ростовской земле⁵.

Если для Киева своего рода «медвежьим углом» был Псков, куда в 1084 году был заточен брат Ярослава Судислав, то для Новгорода такую роль играл Ростов, куда тот же Ярослав в 1019 году сослал опального новгородского посадника Константина Добрынича, убитого тремя годами позже в Муроме⁶. Неясные отзвуки древних событий, сохраненные в народных легендах, говорят о столкновениях южных пришельцев с местным населением; так, якобы князь Глеб, посланный Владимиром в Муром, вынужден был поселиться вне города «еще тогда неверни быша людие и жестоцы, и не прияша его к себе... и сопротивляхуся ему»⁷.

Археологические памятники XI–XII веков — курганные могильники, городища, селища — рисуют нам уже почти сплошное русское население Ростовской земли. Лишь кое-где наличие среди славянского инвентаря курганов, характерных для мерянского костюма «шумящих привесок» и других предметов или изредка встречающиеся рядовые «финские» могильники говорят о старых пережитках или островках мерянской культуры среди основной массы русского населения⁸.

Район течения обеих Нерлей, приозерный край, а также черноземное «ополье» были особенно густо заселены. Здесь рано начало развиваться и играть главную хозяйственную роль пашенное земледелие и появились крупные сельские поселения, оставившие обширные курганные могильники, тогда как в экономике более северных лесных районов Поволжья и Заволжья продолжали господствовать скотоводство, охота и рыбная ловля⁹. На этой почве стойко держались и архаические патриархальные порядки и старое язычество, еще не затронутое здесь христианской пропагандой. Если доверять поздней версии Жития ростовского епископа Леонтия,

действовавшего во второй половине XI века, население края еще в это время оставалось двуязычным — к общению с ними и приготовился Леонтий: он «русский и мерьский язык добре умеяше»¹⁰.

Однако местный процесс феодализации общества делал быстрые успехи, внося глубокие перемены в жизнь сельских общин. Он ощущается и в археологических памятниках X—XI веков. Так, например, большой курганный могильник на восточном берегу Клещина озера, около села Большой Бремболы, состоит из нескольких смежных кладбищ: «круглицы» — 100 насыпей, «княжие могилы» — 45 насыпей, особенно два кургана, называемые «паны», и в соседстве с ними 200 небольших курганов под названием «могилки». Отраженное в народных названиях социальное различие погребений соответствует более богатому инвентарю «княжих могил», в которых встречаются ножи с обвитыми серебряной проволокой рукоятками, секиры, богатые украшения, мониста, кости коня¹¹.

Особенно резко этот процесс социального расслоения ощущался в районах, связанных с водными торговыми артериями, где патриархальный уклад взрывался выделением зажиточной господствующей верхушки — «старой чади». На нее опиралась и установившаяся с X века система даннического обложения севера югом, находя в лице «старой чади» свою низовую агентуру и углубляя классовое расслоение местного общества.

Отмеченная летописью острая вспышка народного протеста — восстание в Суздальской земле 1024 года освещает глубину и своеобразие этого процесса. Восстание было поднято смердами во главе с языческими волхвами в связи с охватившим землю голодом. Восставшие избивали «старую чадь», которая якобы держала в своих руках общинные запасы хлеба и продуктов и усиливала голод. Часть людей пустилась вниз по Волге к болгарской земле и привезла оттуда пшеницу и хлеб, что облегчило положение. Услышав о восстании, сюда спешно прибыл с дружиной из Новгорода князь Ярослав Мудрый. Виновные в избиении «старой чади» и ограблении ее домов были схвачены и казнены. «Старая чадь» была взята

под твердую защиту княжеской власти. По словам летописи, Ярослав «устави ту землю», то есть подтвердил и узаконил крепнувшие здесь отношения господства и подчинения.

«Ярослав, — замечает Б. Д. Греков, — конечно, не мог “устанавливать” Суздальскую землю иначе, чем была “установлена” вся Русская земля, т. е. через укрепление здесь, а в некоторых местах и введение заново норм “Русской Правды”. Ему необходимо было напомнить, а может быть, кое-где и впервые сообщить о карах, налагаемых государственной властью за всякого рода правонарушения. Ведь “Русская Правда” и в Поднепровье, и в Поволжье своим острием направлена была против всяких попыток народной массы нарушить установленный властью режим. Ярослав, вероятно, очень энергично ознакомил Суздальскую землю с законом, носящим его имя»¹².

По-видимому, в том же 1024 году в Поволжье был «основан» город Ярославль, имя которого мы снова услышим через 47 лет и опять-таки в связи с еще более грозным восстанием смердов. Донесенные до нас позднейшей письменностью сказания о начале феодального Ярославля рисуют ожесточенную борьбу местного славянского населения с дружиной Ярослава, архаический быт предшествовавшего княжескому городу поселка, носившего имя Медвежий угол, и наличие здесь и в Верхнем Поволжье XI века вообще глубоких пережитков тотемистических верований, в частности медвежьего культа¹³.

Новое восстание смердов в Залесье отмечено летописью под 1071 годом. Его вождями были снова «волхвы лживые», которые возглавили мятеж в Ярославле и с отрядом восставших в 300 человек прошли по берегам Волги и Шексны до далекого Белоозера, громя в поволжских погостах «старую чадь», убивая «лучших жен», державших жито, мед, рыбу, меха и другие богатства. В Белоозере оказался со своей дружиной боярин черниговского князя Святослава Ян Вышатич, собиравший здесь дань в сопровождении священника, может быть, ведшего какую-то миссионерскую работу и убитого во время сражений дружины с повстанцами. Разгромив восстание, Ян отдал его вождей-волхвов на расправу родичам убитых «лучших жен», которые и «мстили своих» по законам

родовой мести, повесив трупы убитых волхвов на дереве, где их якобы в ту же ночь и сожрал медведь.

Таковы полные колоритных этнографических и исторических подробностей рассказы летописи о восстаниях смердов, рисующие нам и сложную борьбу формирующихся классов, и сплетение старого и нового в быту народных масс Поволжья.

Как можно заключить из этих рассказов, древнейшие крестьянские восстания Ростовской земли были связаны с Волгой, где волжская торговля ускоряла расслоение сельских миров, раздвигая их целостность ростом имущественного неравенства. Процесс этот начался, конечно, много раньше XI века, он был обострен даннической эксплуатацией X столетия, которая нашла свою опору в господствующих слоях общины и «старой чади». Эти бывшие «лучшие люди» общины превращались теперь в угрозу общине, узурпируя ее запасы продовольствия, создававшиеся, по-видимому, для культовых надобностей, используя их для закабаления общинников, а затем и для уплаты дани. Какую-то роль во владении этими запасами играли «лучшие жены» — «большухи» семей «старой чади»; можно предполагать, что и сама земля уходила из рук общинников во владение «старой чади». Защита этих новых хозяев общины князем и его дружиной лучше всего показывает, какое значение имели они в деле упрочения даннической системы. Волхвы же проповедовали возврат в золотой век патриархальной старины, утверждая, что избиение «лучших жен» вернет «обилие» земле; они звали к верности языческим богам. В XI веке мы и наблюдаем оживление медвежьего культа, старого погребального обряда сожжения и ряда языческих обычаев.

Восстания крестьянских масс северо-востока были результатом быстрого и глубокого процесса феодализации, шедшего как изнутри местного общества, так и извне — путем энергичного подчинения края власти южных князей. Субъективно-реакционные по своим устремлениям, эти восстания тем не менее сыграли определенную прогрессивную роль в истории Залесья: они способствовали сплочению в единый господствующий класс княжой дружины и местной «старой чади», ускорили переход от аморфной даннической эксплуа-

тации населения к феодальным отношениям; смерды Залесья впервые получили кровавый предметный урок феодального права, утверждавшего их бесправие; наконец, эти восстания показали необходимость новой прочной организации княжеского владения на севере.

Основными опорными пунктами княжеской власти на севере, как и на юге, были города. К сожалению, древнюю историю залесских городов мы знаем преимущественно по очень скудным указаниям письменных источников, которые называют здесь древний центр времен Олега Ростов, северное Белозеро и восточный Муром.

Ростов, как предполагают, имел своим предшественником древнее городище VIII–IX веков на реке Саре, где уже тогда концентрировалось ремесленное славяно-мерянское население¹⁴. Когда город переместился на берега озера Неро, мы не знаем, но несомненно, что в XI–XII веках, а может быть, уже и в X веке, он стоял на своем теперешнем месте.

Суздаль, впервые упомянутый в связи с восстанием смердов 1024 года, в IX–X веках, по-видимому, представлял совокупность нескольких поселений сельского облика с центральным укрепленным поселком на месте нынешнего Кремля, в крутой излучине реки Каменки. Его положение в зоне черноземного, густо населенного ополья поднимает его экономическое и политическое значение — он становится почти равным старому Ростову, и его имя вскоре обнаруживает себя в наименовании Залесья Суздальской землей¹⁵.

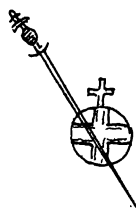
Очевидно, до вокняжения Юрия Владимировича, а может быть, и его отца — Владимира Мономаха на берегу Клещина (Переяславского) озера был основан городок Клещин, охранявший район нерльских верховьев и сохранившийся ныне в виде небольшого городища с полустертыми временем валами¹⁶.

На Волгу был выдвинут Ярославль — хорошо укрепленный город на стрелке, при впадении в Волгу Которосли, несущей свои воды из-под Ростова. Возможно, что современен Ярославлю и городок Коснятин, закрывающий вход с Волги в волжскую Нерль, может быть, основанный сосланным в Залесье новгородским посадником Константином (Косняти-

ном). По-видимому, к X—XI векам относится возникновение поволжских городов Углича и Костромы. За Волгой, в лесных дебрях, обосновались города Галич-Мерский (мерянский) и Судиславль, напоминающий нам об имени сосланного в Псков Ярослава брата Судислава.

По-видимому, к городам края стремилось не только ремесленное население, но и быстро набиравшая силу местная сельская знать, частью уходившая из погостов, выталкиваемая отсюда нарастающими противоречиями с общинниками. Усадьбы знати возникали и под городами: в народной памяти сохранилось воспоминание о выстроенном под Ростовом укрепленном жилище ростовского «храбра» — былинного богатыря Александра Поповича, которое окружал «соп», то есть земляной вал¹⁷. Так с городами связывалась старая ростовская знать, история которой, может быть, уходила ко временам походов Олега на Киев и Царьград в X веке, откуда «лучшие мужи» Залесья возвращались обогатившиеся добычей и новыми впечатлениями и навыками от общения с дружиной и двором киевских князей.

В городах эта боярская знать не оставляла своих властных обычаев и порядков, враждуя между собой и притесняя горожан — ремесленников и торговцев, стремясь превратить их в «своих» людей. Избегая неволи, некоторые горожане покидали насиженные места и уходили на новые. Возможно, таково происхождение нового городского поселения на реке Клязьме, которое вскоре получит имя Владимира¹⁸. Расположенные под городом курганы, находки в его соседстве арабских и западных монет VII—XI веков позволяют думать, что это поселение на пути из Суздаля в Муром существовало уже в начале XI века¹⁹. Еще в XII веке спесивые ростовские бояре презрительно называли владимирцев своими смердами и холопами, а по производственному признаку — пахарями, плотниками и каменотесами, а сами владимирцы, хотя и став к этому времени столичными жителями, именовали себя «мизинными», то есть маленькими, социально незначительными людьми²⁰. При этом, как можно судить по последующим событиям XII—XIII веков, позиции старого боярства были прочнее в древнем Ростове, где, видимо, установились твердые аристократические традиции. В более молодом по своей

политической биографии Суздале боярское влияние было несколько слабее, и иногда поднимала голос народная масса. Владимир же, считавшийся молодым «пригородом» Ростова, аристократических традиций почти не имел.

Так города Залесья уже в раннюю пору своей жизни становились новым узлом социальных противоречий между старой знатью и горожанами, которые сыграют крупную роль в последующей истории русского северо-востока.

Интерес киевского княжого дома к далекому Залесью усиливается во второй половине XI века. Этот край привлекает к себе своими нетронутыми богатствами, удаленностью от беспокойной кочевой степи, близостью к Волжскому торговому пути и сравнительно густой населенностью. После смерти Ярослава в 1054 году происходит раздел Киевской державы между его сыновьями. Старший, Изяслав, получает Киев и Новгород; Святослав — Чернигов и обширный комплекс земель на востоке от далекой Тмутаракани до земли вятичей, Рязани и Муром; Всеволод, вместе с княжеством Переяславля-Южного в Киевской земле, получил во владение Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Остальные братья получили сравнительно небольшие владения. Земли Святослава и Всеволода, смыкавшиеся на Оке, по-видимому, не имели точных границ: Святослав собирал дань в Белоозерском крае еще в 1071 году. Можно думать, что волостью Всеволода Залесье стало лишь после смерти Святослава в 1076 году. Позже, в конце XI века, спор о северных владениях вызвал первую на северо-востоке кровавую усобицу. Но пока владельческие права Всеволода не подвергались сомнению, в Залесье началась значительная деятельность по упрочению княжеской власти, и прежде всего развернула свою работу церковь²¹.

Первый ростовский епископ, воспитанник Киево-Печерского монастыря Леонтий²², хорошо подготовленный к миссионерской деятельности в сложной среде волновавшегося Залесья, столкнулся с упорным сопротивлением местного языческого населения в Ростове. Ему, по-видимому, пришлось даже покидать город: жители «изгнаша его вон из града», бывало и так, что «устремляешес невернии на святопомазанную его главу они с оружием, они с дреколиемь, яко

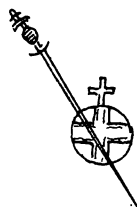
изгнати из града и убити». Эти сведения позднейшего Жития Леонтия согласуются с твердым указанием владимирского епископа Симона о том, что этот ростовский епископ был убит язычниками²³. Весьма вероятно, что гибель Леонтия была связана с восстанием смердов 1071 года.

Легендарные данные, донесенные поздним житием Авраамия Ростовского, деятельность которого В. О. Ключевский относил ко времени после гибели епископа Леонтия, рисуют Ростов в это время стойким в язычестве. Здесь был еще выделявшийся и своим этническим составом Чудской конец и якобы стоял каменный идол Велеса, с которым и вступил в борьбу Авраамий; по легенде, основанный им монастырь «множество зла подъят от неверных»²⁴. В форме острой борьбы язычества и христианства находило свое выражение сопротивление народных масс быстрому наступлению феодальных порядков, которые освящала и упрочивала церковь.

Преемник Леонтия на ростовской кафедре с 1077 года епископ Исаия продолжал миссионерскую деятельность на севере. Особое внимание он обратил на Суздаль. Пострижник Киево-Печерского монастыря, затем бывший игуменом в киевском Дмитриевском монастыре Исаия, по-видимому, и был основателем Дмитриевского монастыря и Печерского подворья в Суздале²⁵, пользовавшегося заботой и вниманием митрополита Ефрема. В Муроме в это же время уже существовала церковь Спаса.

Сложность разгоравшейся классовой борьбы увеличивалась тревожной внешнеполитической обстановкой. Постепенный рост сил Ростово-Суздальской земли, очевидно, беспокоил соседей. В 1088 году волжские болгары напали на прикрывавший Суздальщину с востока Муром и сожгли его. Рост будущего Ростово-Суздальского княжества тревожил также и соседние русские земли: оно росло на важнейших торговых артериях Восточной Европы, и было не ясно, куда направит оно свои силы и как определит свое положение в системе феодальной Руси.

Такой была Ростово-Суздальская земля к концу XI века, когда она стала владением деда Андрея Боголюбского — Владимира Мономаха.

II. Дед

Всеволод, кажется, ни разу не посетил своей северной вотчины. Во всяком случае летописи молчат об этом. Но Владимир Мономах, получивши по смерти Всеволода в 1093 году отцовскую волость, неоднократно бывал здесь. Первый из его 83 «великих путей» еще при жизни отца вел сюда. «Первое к Ростову идох сквозе вятичи посла мя отец», — рассказывает он в своем «Поучении». Эту поездку датируют 1072 годом. Можно догадываться, что она была связана с восстанием смердов 1071 года и убийством ростовского епископа Леонтия. В отличие от Ярослава, который в 1024 году успел застать мятеж в самом разгаре и учинить расправу, Мономах прибыл на север лишь на другой год. Первоочередность трудной поездки с юга на север показывает, что установление прочной княжеской власти в этом беспокойном крае представлялось делом неотложным, но нелегким и требовавшим личного ознакомления с землей и ее городами²⁶.

Став в 1093 году владельцем Залесья, Мономах решил послать сюда одного из сыновей. Рассказ «Печерского патерика» о варяге-дружиннике Георгии Шимоновиче свидетельствует, что «бысть послан от Владимира Мономаха в Суздальскую землю сий Георгий. Дастъ же ему [Владимир] на руке сына своего Георгия»²⁷. Это был еще ребенок, родившийся около 1091–1092 годов. Его матерью была вторая жена Мономаха, дочь погибшего в Гастингской битве последнего англосаксонского короля Гарольда — Гита, эмигрировавшая от преследования Вильгельма Завоевателя в Данию²⁸. Юрий Владимирович, основоположник рода северо-восточных князей XII века, отец Андрея Боголюбского и Всеволода III, попал в Суздаль вместе со своим пестуном-варягом около 1095 года, имея от роду три-четыре года. Фактическим правителем края был Георгий Шимонович.

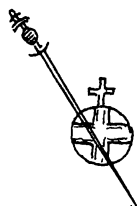
В это время с юга надвигалась гроза. Распад Киевской державы и усиление центробежных сил новых феодальных княжеств привели к хроническим войнам между ними за рас-

ширение своих владений. Эти феодальные войны сразу же захватили и Суздальщину.

В конце XI века в Поднепровье вспыхнула усобица из-за вотчины князя Олега Святославича — Чернигова, отданной Владимиру Мономаху. В 1094 году Олег пришел с половцами из Тмутаракани к Чернигову и осадил его. Владимир, не желая продолжать опустошение половецкими ордами Русской земли, согласился уйти в Переяславль. В организованном киевским князем Святополком и Мономахом походе 1095 года на половцев Олег не принял участия. В это время младший сын Мономаха Изяслав, сидевший в Курске, вторгся в муромо-рязанские земли Олега и захватил Муром. В следующем году Олег отказался приехать в Киев к Святополку и Владимиру для переговоров об организации обороны от половцев и был изгнан из Чернигова; затем он получил войско у своего брата, смоленского князя Давида, и двинулся на Муром. Изяслав собрал воинов из Ростова, Суздаля и Белоозера, но битва под Муромом в сентябре 1096 года была выиграна Олегом, а сам Изяслав погиб в бою.

Олег не ограничился возвратом Мурома. Он арестовал оставшихся дружинников Изяслава и быстро двинулся на Суздаль. Город, не ожидавший нападения, пал. Олег захватил и выслал из города приверженных Мономашичам бояр, конфисковал их земли и так же стремительно овладел Ростовом. В городах Залесья сели Олеговы посадники и начался сбор дани по всей земле. На защиту ростовских владений двинулся из Новгорода старший сын Мономаха Мстислав, за год перед тем сидевший сам в Ростове. Еще из Новгорода он обратился с посланием к Олегу и отцу с предложением мира. Однако Олег ответил отказом, рассчитывая вскоре двинуться на Новгород; но быстрое приближение полков Мстислава сорвало планы Олега.

Мстислав встретил сторожевые отряды Олега далеко от Ростова, на реке Медведице, захватив их и встреченных по пути Олеговых данщиков в плен. Олег отступил к Ростову, а затем к Суздалью, но вынужден был оставить и его. Он сжег Суздаль так, что в нем уцелела лишь стоявшая за рекой церковь Дмитрия и двор Печерского монастыря²⁹. Сидя вместе с мало-

летним братом Юрием, варягом Георгием и дружиной в испепеленном Суздале, Мстислав писал Олегу и отцу, прося их смириться: «Ладимся и смиримся, а русские земли не погубим»; от Олега он требовал возврата плененных им суздальских и ростовских бояр. Мономах ответил знаменитым посланием к Олегу³⁰, в котором просил ему гибель своего сына Изяслава, просил отпустить его вдову, предлагал порешить миром кровавый спор, причинявший страдания земле: «оже ли кто вас не хочет добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрети на оном свете души его... не хочу я лиха, но добра хочу братьи и Русьской земли». Олег сообщил о своей согласии на мир, и Мстислав распустил свою дружину по селам. Но это было лишь вероломство: Олег перешел в наступление, оказавшись неожиданно поблизости на Клязьме; в два дня Мстислав вернул из сел дружинников и стал под Суздалем. Так они стояли четыре дня, пока не подоспела посланная Мономахом помощь — русско-половецкий отряд под командованием Мстислава брата Вячеслава. Увидев во время сражения стяг Мономаха, войска Олега дрогнули и побежали. Мстислав преследовал скрывавшегося Олега в Муроме и Рязани, изгнал его оттуда и выручил заточенных там Олегом ростово-суздальских бояр. Так закончилась первая крупная феодальная война на северо-востоке³¹.

Любечский съезд князей 1097 года, собранный «на устроение мира», потрясенного усобицей Олега, выдвинул общее положение: «кождо да держить отчину свою»; здесь было подтверждено и право Владимира Мономаха на «отчину Всеволожю», то есть Переяславль-Южный с Ростово-Суздальской землей. Принцип раздробления Руси был признан совершившимся фактом. Усобица Олега содействовала уточнению границ северо-восточных волостей³².

В свете подробностей летописного рассказа об усобице 1096 года перед нами встают уже достаточно ясные очертания общественных сил Ростовской земли. Мы видим прежде всего местную знать — ростовских, суздальских и белоозерских бояр и дружинников, владеющих землей и селами, откуда они собираются, по зову своего князя, на защиту земли. Феодальное землевладение сделало большой шаг вперед: в гуще

сельского мира росли богатые имения местной знати. Эти землевладельцы уже определили свою связь с той или другой княжеской линией — ростово-суздальская аристократия пока держится Мономашичей, муромцы поддерживают Святославича Олега. Едва ли, однако, эта приверженность была прочной, определяясь главным образом реальной силой княжеской власти.

По-видимому, и среди самой местной аристократии уже были крупные и влиятельные роды, которые пытались подняться над остальными. Житие Авраамия Ростовского упоминает о многочисленных «ростовских князьях», а поздняя легенда о «князе Петре», пытавшемся водвориться в Муроме, рассказывает о сопротивлении, возглавленном боярами³³. Другая муромская легенда, имеющая в своей основе, по-видимому, сказания о брате Олега Ярославле Святославиче, также рисует сопротивление местного населения водворению князя и его дружины и христианизации. Припоминания легенды находят отклик в летописной записи о вооруженном столкновении Ярослава в Муроме с мордвой в 1103 году и его поражении³⁴.

Через четыре года после Любечского съезда, зимой 1101—1102 годов, Мономах совершает вторичную поездку в Ростовскую землю. Он верен своему правилу входить во все самому, что было особенно уместно после опустошения севера усами Олега и при управлении краем руками варяга Георгия, ставшего ростовским тысяцким, — регента при малолетнем князе.

Мономах пристально всматривался в жизнь Суздальщины, и, может быть, многое из его размышлений, вылившихся в «Поучение», написанное в третий приезд в Ростов в 1106 году, родилось во время долгих переездов с юга на север и раздумий в глуши. «Поучение» и начинается с воспоминания эпизода, происшедшего на Волге, где Мономаха нашли «слы от братьи», звавшие его на новую усьбицу.

Опыт борьбы с вторжением Олега поставил на очередь вопрос об укреплении подступов к Суздалью с востока. Готовя свой вероломный удар по Суздалью, Олег останавливался на Клязьме. Этот серьезный водный рубеж и был избран Мономахом для постройки крепости.

Начиная от устья Нерли, вверх по течению Клязьмы ее левый берег вздымался рядом высот, образовавших как бы гряды обрывавшихся к югу холмов. Наиболее высокий из них, хорошо прикрытый оврагами с востока и запада и рекой Лыбедью с севера, был уже занят торгово-ремесленным поселком. Здесь в свой последний приезд на север, зимой 1108–1109 годов, Мономах сооружает мощные земляные валы с рублеными стенами и башнями и дает крепости свое имя — Владимир. Может быть, угадывая проницательной мыслью будущие судьбы этого города, Мономах основывает рядом с ним на живописных высотах, расположенных к западу от крепости, свой княжеский двор и строит на нем небольшую каменную церковь Спаса. В древней топонимике города звучат припоминания о «матери городов русских» — Киеве: Лыбедь, Почайна, Ирпень, Печерный город. Общим своим расположением Владимир также напоминал киевские высоты над Днепром. Подобно киевским «дебрям» и княжескому «зверинцу», простиравшему свои зеленые чащи на юг от города, к западу от Владимира шел дремучий сосновый бор, сохранявший до недавнего времени имя Георгиевского и, может быть, являвшийся в древности заповедным лесом Мономахова сына, князя Юрия.

По-видимому, в самом конце XI века Мономах построил в Суздале большой каменный собор, следовавший образцу «великой церкви» — Успенского собора Киево-Печерского монастыря. В Ростове, по свидетельству «Печерского патерика», был также выстроен каменный собор. Однако ряд летописей, сообщая о пожаре Ростова в середине XII века, называет сгоревший собор Ростова дубовым, относя его постройку ко времени киевского князя Владимира Святославича³⁵. Возможно, что при Мономахе каменный собор был создан только в Суздале, который уже в это время выдвигался на первый план, оттесняя Ростов. Эти большие храмы были призваны стать основными центрами христианизации края; с их сооружением церковь приобретала прочную базу для своей деятельности. Раскопками в Суздале были обнаружены остатки кирпичных стен величественного, роскошно украшенного фресковой росписью собора, созданного при уча-

стии самого митрополита Ефрема. Собор вздымал свои стены и купола среди полуземляночных жилищ горожан, тесных и темных, являвших ему разительный контраст³⁶. Самый художественный эффект этого каменного храма, несомненно, оказывал сильное воздействие на сердца и воображение «неверных людей», с упорством которых столь долго боролись епископы и миссионеры. Помимо этого, начало каменного строительства было крупным вкладом в культуру Суздальской земли, — горожане впервые знакомились с каменным зодчеством, гончары учились изготовлению кирпича киевского типа, новые эстетические представления были вестниками великой культуры Киевской Руси, которую могучая рука Мономаха решительно внедряла в городах Залесья.

Но это было лишь началом работы, которую продолжали уже наследники Мономаха. Сам он более не касался дел Суздальщины. В 1113 году он по приглашению киевлян занял киевский престол. Своим авторитетом в среде русских князей, своей мудрой военной и дипломатической работой он смог временно задержать начавшееся ослабление Киева и поднять властный приоритет киевского престола. Он сурово карал сопротивление князей, пытавшихся играть самостоятельную роль; даже Великий Новгород признал его волю, а на границах Киевской земли уstraшенные ударами дружин Мономаха половцы надолго прекратили свои опустошительные набеги.

Росший Суздаль представлял в это время картину противоречивого сочетания старого и нового. Мощный вал смыкал свое земляное кольцо вокруг княжеского центра города и его монументального собора. Далее теснились, подобные холмам курганов, кровли полуподземных жилищ горожан и отдельные бревенчатые хоромы знати. Вне валов шли поселки полугородского типа. За рекой Каменкой обособленной группой стояли строения Дмитриевского монастыря, а дальше к юго-востоку лежал курганный могильник³⁷.

Такова была обстановка города, в котором рос сын Мономаха Юрий и старел его воспитатель варяг Георгий, живший воспоминаниями о блеске Киева.

III. Отец

Если бы перед историком была поставлена задача дать очерк деятельности Юрия Владимировича как ростово-суздальского князя, он оказался бы в трудном положении: о Юрии как правителе Северо-Восточной Руси мы почти ничего не знаем. Можно сомневаться, повинен ли в этом сам Юрий или же до нас полностью не дошли, хотя и небогатые, первичные ростовские летописные записи о его времени, тогда как южные и новгородские летописи осветили сравнительно полно, но и очень взволнованно и, вероятно, иногда страстно его деятельность на юге, и в особенности кровавую эпопею войн за Киев. Чтобы понять многие стороны государственной деятельности Боголюбского и оценить их значение, мы должны со значительной подробностью осветить правление его отца и предшественника на владимиросуздальском столе. Только при таком детальном рассмотрении всех противоречивых и сложно переплетенных дипломатических и военных предприятий Юрия с наибольшей полнотой вскрывается их действительное значение. В извилистом ходе многолетней усьобицы из-за киевского стола яснее выступает и характер самого Юрия, доставивший Андрею много поучительных наблюдений для формирования его собственного взгляда на жизнь.

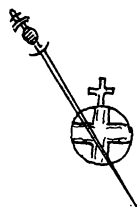
Юрий рос, не видя отца. Старый обрусевший варяг Георгий был его пестуном и воспитателем. Возможно, он своими рассказами вырастил в Юрии мечту о златокованом княжеском престоле Киева, о его богатствах и многолюдности, стремление к днепровскому югу и некоторое равнодушие к жизни и нуждам своей северной земли. Он воспитывался на идеалах уходящей в прошлое Киевской Руси, оставаясь чуждым новым принципам жизни и требовательному образцу князя-хозяина, заботливого, неутомимого строителя своей земли и «печальника» о ее нуждах, который складывался в делах и отлился в знаменитом «Поучении» Мономаха. Может быть, именно к сыну Юрию и относились слова Мономахова «Поучения», что иным «не любя будет грамотица сия»³⁸.

Окружавшая князя и тысяцкого местная знать была чужда общерусским интересам, она жила даже не столько интересами всего Залесья, сколько своих владений. Портрет суздальского боярина Василия, нарисованный в одном из рассказов «Печерского патерика», передает облик этой среды, далекой не только от мысли о судьбах Руси, но и холодно относящейся к церковному строительству княжеской власти³⁹.

Изоляция Суздальщины от Киевской земли сказывалась и в XII веке. Люди того времени все еще противопоставляли русский северо-восток киевскому югу, который и именовался собственно «Русью», «Русской землей». Когда суздальский или ростовский боярин ехал в Киев, о нем говорили, что он поехал в «Русскую землю»; когда в ростово-суздальское Залесье приезжал купец или посол из Поднепровья, — говорили, что приехал человек «из Русской земли». В сознании людей XII века Суздальщина была особой Суздальской землей, Суздальской Русью.

В 1107 году русские войска на юге нанесли поражение половцам под Лубнами; заключенный мир предполагали упрочить брачными связями. Мономах вместе с Олегом и Давидом поехали сватать ханских дочерей и «поя Володимер за Георгия Аепину дщерь Асеню внуку»⁴⁰. Мономах привез половецкую княжну в Суздаль, где она стала женой Юрия, которому тогда было 16—17 лет.

Кроме муромо-рязанской опасности, которая дала себя знать во время уособицы Олега, в конце XI века ясно обрисовался и другой, не менее опасный противник Суздальской земли — волжские болгары. Возможно, что женитьба Юрия суздальского на половчанке из дома хана Аепы имела в виду закрепление союзных отношений с половцами для борьбы с болгарам. В год свадьбы Юрия, в 1107 году болгарские войска неожиданно напали на Суздаль: «В се же лето, — читаем в летописи, — чюдо сътвори бог и святая Богородица в Суждалстен земле. Приидоша Болгаре ратью на Суждаль и обступиша град и много зла сътвориша, воююще села и погосты и убивающе многих от крестьян. Сушии же люди во граде, не могуши противу их стати, не сущю князю у них, на молитву к Богу обратишся и к Пречистей Его Матери покаянием

и слезами и затворишися во граде. И всемилостивый Бог услышав молитву их и показание: якоже древле Ниневгитяне помилова, тако и сих избави от бед: ослепиша бо вся ратныя Болгары и тако из града изшедше всех избиша»⁴¹. Характерно освещение отпора болгарам, как «чуда»: видимо, опасность была очень велика.

Стояли ли оба события 1107 года в связи, утверждать трудно. Но в 1117 году, когда Аепа и другие половецкие ханы появились в Болгарской земле, болгары угостили их отравленным питьем, и тесть Юрия вместе со своими единоплеменниками погиб⁴². Через три года, в 1120 году, мы имеем известие об успешном походе Юрия на волжских болгар⁴³. Воеводой в этом походе был «боярин большей Георгий Симонович»⁴⁴. Связь похода 1120 года с убийством Аепы весьма правдоподобна. Это был, как можно думать, не единственный поход на восток, преследовавший цель обезопасить Залесье от неожиданных вторжений, подобных болгарскому нападению 1107 года.

Важнейшей после болгарской проблемой суздальской политики в Поволжье и на Севере вообще были отношения к Новгороду, который раскинул свои заволоцкие колонии по северным границам Суздальщины и пользовался выгодами волжского транзита на низ, держа в своих руках выход с верховий Волги к Балтике, то есть к рынкам Западной Европы. Борьба за установление своего влияния в Новгороде, если нельзя было подчинить его, становится постоянной заботой Юрия.

Но главным центром притяжения интересов Юрия были Поднепровье и киевский стол, за который в 1030-х годах начинается длительная и сложная борьба.

Еще в 1098 году в непосредственном соседстве с Киевом Мономахом была построена небольшая крепость на притоке Десны Остре — Остерский Городец. История южных походов его сына показала, что это было дальновидным мероприятием. Интересно, что церковь, внимательно следившая за политической жизнью Руси, не замедлила освятить «чудесным знамением» постройку Остерского Городца. Над крепостью якобы видели «огненный столп», что сразу поставило ее

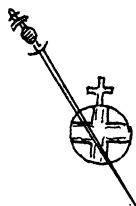
под покровительство архистратига Михаила, «покрывавшего и хранящего кровом своих крыл» русских князей⁴⁵.

Юрий, готовясь участвовать в южных делах, обращает особое внимание на Остерский Городец; он, по-видимому, дополнительно укрепляет его и строит здесь каменную церковь Михаила архангела. В 1140-х годах Юрий обладал уже здесь значительным количеством имений и городков. Это была солидная военная и хозяйственная база для непосредственного участия в вооруженной борьбе на юге.

Эта борьба разворачивалась в новой обстановке, которая сильно отличалась от условий конца XI — начала XII века.

В XI веке «старейшинство» в Русской земле более или менее связывалось с обладанием Киевом. Но княжение Владимира Мономаха было последним отблеском былой славы «матери городов русских» как общерусского центра. В XII веке он постепенно терял это значение, продолжая оставаться заманчивым как богатейший город на Руси и центр ее торговых связей. Концентрация в руках сына Мономаха Мстислава и старших Мономашичей Киева, западных волостей и земель, облежавших с севера и юга Черниговщину, ненадолго сделала эту ветвь княжеского дома подавляющей силой в политической системе Руси⁴⁶. Опираясь на любовь киевлян к Мономаху и его роду, старшие сыновья Мономаха стремились закрепить многолюдный и богатый Киев в руках своей династии. Это и послужило завязкой кровавой и долгой усобицы, в которой «раздрыса вся земля русская».

Когда, по смерти Мстислава, в 1133 году киевский престол занял его брат Ярополк и перевел из Новгорода в Переяславль-Южный Мстиславова сына Всеволода, младшие Мономашичи — ростово-суздальский князь Юрий, получивший позднее прозвище Долгорукого⁴⁷, и его брат Андрей — увидели в этом перемещении племянника угрозу своим правам на Киев и изгнали Всеволода из Переяславля. Юрий в это время был, вероятно, уже в своем Остерском Городке, так как Всеволод сел в Переяславле утром, а уже «до обеда [его] выгна Юрьи»⁴⁸. Но и сам Юрий недолго продержался здесь и был сменен Изяславом Мстиславичем. Дорожа Переяславлем как ступенью к киевскому столу, Юрий пытался

в 1135 году выменять его у Ярополка, которому он «вда Суздаль и Ростов и прочюю волость, *но не всю*» — видимо, он на всякий случай оставлял себе убежище на севере, а Ярополк рассчитывал передать Ростовскую землю племяннику Изяславу. Но вскоре Юрий раздумал меняться, и Изяслав отправился в Новгород к брату Всеволоду, дабы поднять его на войну⁴⁹. Может быть, предчувствуя осложнение отношений с Новгородом, Юрий укрепил старый городок Коснятин, закрывавший устье волжской Нерли (1134).

В Новгороде были сторонники мирных отношений с Юрием, который держал в своих руках пути хлебного подвоза к Новгороду. Как только там пошли слухи о «суздальской войне», новгородцы сильно взволновались; возможно, что пожар Торговой стороны имел связь с внутренней борьбой в городе. Однако летом Всеволод Мстиславич с братом Изяславом и новгородцами все же пошел на Суздаль. Разногласия, продолжавшиеся и в походе, заставили князей вернуться обратно, дойдя лишь до реки Дубны. Изяслав в досаде ушел на юг⁵⁰. Но упрямый Всеволод не оставил своей мысли и зимой того же года, невзирая на страшные морозы, повел свои полки на восток. Ростовскими полками командовал сын Юрия Ростислав. Они оказали упорное сопротивление и в битве на Жданой горе (1135) нанесли новгородцам поражение. В этом же году Юрий вернулся на север, а поражение на Жданой горе стоило Всеволоду новгородского стола⁵¹.

Раздоры между старшими и младшими Мономашичами облегчили захват киевского стола черниговским князем Всеволодом Ольговичем (1138—1146)⁵². Его прав на Киев упорно не признавали Владимирко галицкий и Юрий Долгорукий. Но Юрий не мог предпринять решительных действий: Новгород отказался участвовать в походе на Киев, и сын Юрия Ростислав прибежал к отцу без помощи. Разгневанный Юрий вернулся к себе и захватил у новгородцев Торжок⁵³.

После непродолжительной борьбы вокруг замещения новгородского стола между Юрием и Всеволодом последний посадил туда Мстиславова сына Святополка. Это усилило рознь в доме Мономаха: сын Юрия Ростислав был снова изгнан из Новгорода, уступив стол племяннику отца. Кроме того,

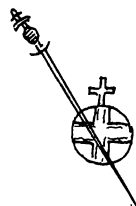
Всеволод нанес особенно чувствительный удар Юрию разгромом его южной базы — Остерского Городка и его округи⁵⁴. Но Всеволод не мог долго вести борьбу: у него не было двух опор, поддерживавших властную политику Мономаха, — сочувствия киевлян и солидарности среди черниговских князей⁵⁵. Раскол их на враждующие стороны еще более осложнил и запутал ситуацию.

Смерть Всеволода Ольговича (1146), завещавшего киевский стол своему брату Игорю, еще более разожгла феодальную войну⁵⁶.

Изяслав Мстиславович при поддержке киевлян возвратился на стол деда и отца, отстранив Игоря, вскоре убитого киевлянами. За Игоря вступился его брат Святослав Ольгович черниговский, заключивший союз с Юрием Долгоруким, тогда как ветвь Давидовичей черниговских примкнула к Изяславу⁵⁷.

Еще раньше Изяслав пытался договориться с Юрием и приезжал к нему в Суздаль, но успеха не имел. Нападение Ростислава рязанского на Ростовскую область, организованное Изяславом, помешало Юрию сразу вступить в борьбу; он послал на Рязань сыновей, Андрея и Ростислава, которые и заставили рязанского князя бежать в половецкие степи. Ослабленный отсутствием помощи, Святослав был вынужден покинуть свои города и отойти в глубь Вятичской земли; сюда Юрий прислал ему в помощь тысячу белоозерских дружинников, а затем и богатые дары. Весной 1147 года союзники начали наступление на запад. Юрий ударил по новгородским владениям, захватив Новый Торг и земли по Мете, а Святослав вошел в смоленские пределы в верховьях Протвы⁵⁸.

После знаменитого свидания и пира Юрия со Святославом в 1147 году в Москве и прихода половецких отрядов и ростовской дружины Глеба Юрьевича Святослав продолжил успешное наступление половецкими силами в Смоленщину и своими полками к югу, выбросив Давидовичей из вятичских городов и вынудив их стать на путь заговора против Изяслава. Глеб смог утвердиться в Курске и Посемьи, наладить союзные отношения с половцами, а затем возвратить столь важный для Юрия Остерский Городок и даже подойти к Переяславу⁵⁹.

Юрий не вводил в действие своих главных сил и ограничился вторжением в новгородские земли, где успел собрать дань. Новгородские полки под командой Святополка двинулись было в 1147 году на Суздаль, но распутица не пустила их дальше Нового Торга. Попытка епископа Нифонта помирить Юрия с Новгородом потерпела неудачу; Юрий не согласился на мир и лишь отпустил полоненных новоторжцев и новгородских гостей. В 1148 году он отправил на помощь Святославу сына Ростислава, но тот счел за благо предаться Изяславу, за что был посажен в Остерском Городке, откуда Изяслав к этому времени изгнал Глеба⁶⁰.

Медлительность Юрия заставила Святослава просить мира. По условиям мирного соглашения, продиктованным Изяславом, черниговские князья обязывались обратить свое оружие против Юрия в отместку за «насилие» Юрия над Новгородом. Изяслав, придя в Новгород, осенью 1148 года поднял на Юрия новгородские полки. Соединившись с Ростиславом смоленским на устье Медведицы, он прошел вниз по Волге, не встречая сил Юрия, громя и сжигая селения по обоим берегам Волги до устья Мологи. Черниговские же князья так и не двинулись из вятчских лесов, и Изяславовы дружины, повоевав и пограбив поволжские города до Ярославля, подгоняемые весенней оттепелью 1149 года, покинули землю Юрия, уведя с собой 7 тысяч пленников⁶¹.

Юрий не поднялся на защиту своей земли; он смог лишь в отместку выследить партию новгородских даньщиков и напустить на них дружину князя Ивана Берладника. Тем временем сын Юрия Ростислав, недавно изменивший отцу и перешедший на сторону Изяслава, был уличен последним в подготовке переворота, лишен всех пожалований и изгнан с юга. В простой ладье с четырьмя отроками Ростислав был отослан к Юрию. Боялся ли он гнева отца и кривил душой или в его словах была доля правды, но он сообщил ему о недовольстве киевлян и черных клобуков Изяславом⁶².

Лишь теперь Юрий решился на большую войну с племянником. Мотив мести за «сором» и отстаивание своего старейшинства, с которым не посчитался Изяслав, был внешним поводом стремления захватить богатый Киев и утвердить

свою власть в Поднепровье. Юрий в союзе со Святославом черниговским и большими силами половцев двинулся на юг. Несчастливая битва под Переяславлем была проиграна Изяславом, он бежал в Киев, а через три дня полки Юрия были уже под стенами города. Киевляне, ссылаясь на потери в битве, отказались бороться, утешая Изяслава, что они все равно не уживутся с Юрием и поддержат Изяслава, как только он вернется вновь⁶³.

Оставив в Суздале Василька, остальных сыновей Юрий посадил под Киевом: Ростислава — в Переяславле, Андрея — в Вышгороде, Бориса — в Белгороде, Глеба — в Каневе. Изяслав, ушедший во Владимир-Волынский, тем временем пытался вовлечь в борьбу с Юрием Венгрию, Польшу и Богемию. Предложение мира на условиях возврата Юрием новгородских даней и признания за Изяславом Владимира и Луцка было отвергнуто Долгоруким, который осадил в Луцке Изяслава брата Владимира. После шестинедельной осады снова начались мирные переговоры, и Юрий, наконец, согласился уступить новгородские дани и вернуть все захваченное в Переяславской битве. Изяслав же уступал ему Киев⁶⁴.

Однако Юрий не исполнил условий и не вернул Изяславовой дружине ее добра. Разгневанный Изяслав выбил из Пересопницы Юрьева сына Глеба и договорился о совместных действиях с черными клобуками. От одних этих вестей Юрий бежал из Киева и затворился в Остерском Городке. Обеспечивая свои притязания на Киев, Изяслав договорился с престарелым дядей Вячеславом, братом Юрия, что он как старший сядет в Киеве, пока Изяслав будет занят войной. Однако Изяславу пришлось отступить перед полками Юрьева союзника Владимирко галицкого и вернуться в Киев, под которым уже переправлялись войска Юрия и черниговских князей. Долгорукий снова занял Киев, а Владимирко посадил его сыновей в городах, охранявших подступы к Киевской земле с запада. Вскоре, однако, Изяслав удачным маневром захватил врасплох Белгород и с венгерской помощью занял Киев. Сидевший в Белгороде сын Юрия Борис был застигнут врагами во время пира с дружиной и попами, а Юрий — в киевском Красном дворе. Характерно, что и теперь Юрий бежал в свой

Остерский Городок лишь при одной вести о приближении Изяслава⁶⁵.

Снова Юрий поднимает черниговских князей и орды половцев, собирая их в Городке. В 1151 году разыгрался знаменитый речной бой на переправах через Днепр, и войска Юрия обложили Киев. В первом же бою Изяслав отбросил полки Юрия за Лыбедь, и Юрий начал отход к Белгороду. В преследовании Юрия приняли участие и киевляне, которые теперь поняли и оценили плохие способности Юрия как правителя и военачальника. Преследование настигло полки Юрия на реке Рут, где он потерпел позорное поражение; много людей было перебито, много утонуло в топком Руте, еще больше попало в плен. Юрий бежал в Переяславль, а его союзник Святослав — в Городок Остерский. Осажденный в Переяславле Юрий принял ультиматум Изяслава отказаться от союза со Святославом, уйти в Остерский Городок и через месяц — в Суздаль. Но и тут он нарушил слово, пробыв в Городке дольше, когда, наконец, был изгнан оттуда, оставив в Городке Глеба⁶⁶.

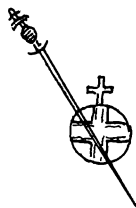
В 1152 году Изяслав разрушил и сжег Остерский Городок; гарнизон его был разогнан, валы раскопаны, рвы засыпаны. «Оже есте мой Городецъ пожгли и божицю, то я ся тому отожду противу», — сказал Юрий и снова пошел на Изяслава вместе со Святославом, рязанскими и муромскими полками и половецкими ордами. Но двенадцатидневная осада Чернигова, в котором затворился Изяславов брат Ростислав и племянник Святослава — Святослав Всеволодович, окончилась новым отступлением Юрия при первом известии о приближении сил Изяслава. Юрий ушел в Суздаль, бросив на произвол судьбы своего союзника Святослава и оставив ему, словно в насмешку, «помощь» — 50 дружинников⁶⁷.

Многолетняя борьба между Изяславом и Юрием за обладание Киевом не была только местной русской борьбой. Она находила широкий отклик на Востоке и в Западной Европе, вызывая опасения или надежды. Византия переживала тогда очень тревожное время. Второй крестовый поход 1147 года, когда западные армии оказались под стенами Константинополя и лишь с большим трудом были удалены в Азию, поста-

вил под угрозу самое существование Византийской империи. Кроме того, она вела борьбу с Венгрией, и в это втягивались западные государства и русские княжества. На стороне Византии были Юрий Долгорукий, женатый на греческой княжне, его союзник Владимирко галицкий, сын которого Ярослав был женат на дочери Долгорукого Ольге, германский император Конрад и Венеция. На стороне Гезы Венгерского был его шурин Изяслав Мстиславич, Франция и сицилийские норманны. Борьба Гезы с Византией началась задолго до 1152 года, когда он поддерживал против Мануила своих родственников — владетелей Сербии и Боснии. Византийский историк Киннама указывает, что одной из причин похода Мануила в 1152 году на Венгрию и было желание спасти своего союзника Владимирко от Гезы⁶⁸.

В этой обстановке для Византии было чрезвычайно существенно укрепление церковно-политического подчинения Руси, осуществлявшегося через киевского митрополита. Напротив, Изяслав, воспользовавшись трудным положением империи, стремился к обратному и добился поставления на митрополичью кафедру собором русских епископов 1147 года русского монаха Клима Смолятича. Изяслав, как полагают, исполнял волю киевлян, желавших русского митрополита, а Клим был популярен⁶⁹. Наиболее неприемлемыми противниками нового митрополита были грек Нифонт — владыка новгородский — и ростовский епископ Нестор; поэтому Нифонт стремился ослабить суздальско-новгородские противоречия к явной невыгоде для Изяслава. Так борьба за Киев, сплетаясь с церковной политикой, выходила за пределы Руси⁷⁰.

В течение долгих лет борьбы за Киев Суздальская земля была предоставлена самой себе. Здесь, видимо, сидели сыновья Юрия, пока их не отрывала война на юге. После смерти епископа Исаии (1090) в течение 47 лет в Залесье не было и своего епископа, и оно управлялось, по-видимому, переяславским епископом⁷¹.

Как только Юрий проявил инициативу в южных делах, на ростовской кафедре появился около 1137 года епископ — грек Нестор, видимо, немало способствовавший укреплению

грекофильских симпатий Юрия и друживший с Нифонтом Новгородским. При этом Нестор не волновал своими делами Ростовский край и, вероятно, поэтому оставил о себе хорошую память в своей не склонной к новшествах пастве⁷²; он даже не построил ни одной церкви. Не поехал Нестор и на собор 1147 года, избравший Клина Смолятича⁷³.

В княжение Юрия в Ростове появились местное летописание; записи, возможно, делались при епископском соборе. Полагают, что они кончались известием об избрании на суздальский стол сына Юрия Андрея и о достройке им церкви Спаса в Переяславле-Залесском. Главное внимание этого раннего летописца, судя по всему, было привязано к жизни Ростова, в связи с чем последующее владимирское летописание и отнеслось к нему пренебрежительно. Из-за этого летописание времени Юрия дошло до нас в виде случайных фрагментов в ряде списков летописи⁷⁴.

Все силы Суздальщины были прикованы к югу; с этим было связано усиление болгарской опасности. В 1152 году «приидоша Болгаре по Волзе к Ярославлю и оступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, и изнемогаху людие в граде голодом и жажею, и не бе лзе никому же изити из града и дати весть Ростовцем. Един же уноша от людей Ярославских нощию изшед из града, перебрел реку, вборзе доеха до Ростова и сказа им Болгары пришедша. Ростовцы же пришедша и победиша Болгары»⁷⁵. По-видимому, Юрий был еще в южном походе; как суздальцы в 1107 году, так теперь ростовцы сами отбили болгарскую рать, никакое княжеское имя не фигурирует в этих событиях.

Возврат на север в 1152 году оставлял мало надежд на Киев, и Юрий взялся всерьез за устройство своей заброшенной Суздальской земли. Под 1152 годом летопись перечисляет ряд церковных сооружений и градостроительных мероприятий. Юрий ставит взамен старого Клещина-города на Переяславском озере новую крепость Переяславль-Залесский, окружая ее кольцом валов и сооружая здесь Спасо-Преображенский собор. В черноземном ополье, при слиянии рек Гзы и Колокши, он закладывает город Юрьев-Польский с белокаменным храмом Георгия. Под Суздалем, при устье реки Каменки, отстраивает-

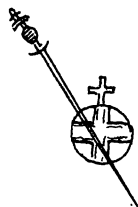
ся княжеская резиденция Кидекша с церковью Бориса и Глеба. Церковное предание утверждало, что здесь было «становище» «святых» князей, когда они шли княжить в северных городах державы Владимира. Где-то около середины XII века возник Звенигород на Москве-реке. В 1147 году в летописи впервые упомянуто имя самой Москвы — тогда богатого княжеского имения Юрия вблизи южных границ княжества; а в 1156 году здесь, по распоряжению Юрия, закладывается крепость. Наконец, по-видимому, около 1154 года возникает город Дмитров⁷⁶.

Однако все это строительство быстро обрывается подготовкой последнего похода Юрия на Киев (1154); собор в Переяславле даже оставили незаконченным: его достраивал Андрей; он же строил по приказу отца первые укрепления Москвы.

Однотипность и простота созданных в новых городах храмов свидетельствует не только о суровых вкусах этого полного военных тревог времени, но и о том, что в борьбе Юрия церковь и искусство стояли еще на втором плане, уступая силе меча. Самые мастера-строители, как можно думать, были пришлыми из союзного Юрию далекого Галича⁷⁷.

Внимание источников, прикованное к сложным перипетиям борьбы Юрия и Изяслава за Киев, совершенно не обращается на внутреннюю политику Долгорукого в Суздальской земле; относительно ее внутренней жизни мы можем строить лишь догадки.

Юрий не сел в Ростове, поручив его своему воспитателю Георгию; стольным городом он сделал Суздаль; но и отсюда его резиденция переносится сначала в пригородную укрепленную усадьбу Кидекшу, а затем Юрий, по-видимому, хотел перейти во Владимир, где рядом с Мономаховой церковью Спаса строили церковь Георгия. Это перемещение княжого двора указывает, видимо, на противоречия, рождавшиеся между владетельным местным боярством и князем, которые заставляли Юрия отдаляться от старых городов. Как мы узнаем из несколько более поздних случайных упоминаний летописца, боярство быстро набирало силу. В его руках были многочисленные богатые села, полные скота и конских табунов, бояре «работили сирот», как теперь стали называть крестьян.

Правдоподобно выглядит картина княжеско-боярских отношений, изображенная позднейшим «Сказанием о начале Москвы»⁷⁸. Владелец богатых «сел и слобод красных» боярин Степан Иванович Кучка не пожелал отдать на службу к князю своих сыновей. Юрий угрожал войной и наконец казнил строптивного боярина, а сыновей и дочь его взял силой ко двору своего сына Андрея⁷⁹. На месте боярского имения вскоре возник укрепленный княжеский город — Москва. Мотив ликвидации свободной боярской вотчины и требования верховным собственником всей земли своего княжества Юрием «службы с земли» очень правдоподобен. Кучковичи потом сыграют трагическую роль в гибели Андрея.

Если доверять сообщению В. Н. Татищева, то рядом со старым боярством и княжой дружиной при Юрии появляются и вполне зависимые от князя воины, которых Юрий вербует не только из русских, но также из болгар, мордвы, югры, заселяя ими свои новые городки и давая им «ссуду и пожалование»⁸⁰. Новые городки, населенные преданными князю людьми, сыграли большую роль в дальнейшей истории Суздальщины; они были неизменной опорой княжеской власти во всех конфликтах ее с местным старым боярством.

Так формировались элементы новой служилой знати, сравнительно мало имущей, а потому более алчной и энергичной в использовании земли и эксплуатации местного населения — крестьян и городских людей.

Судя по деятельности «суздальской» администрации Юрия в Киеве, вызвавшей в 1157 году бурное восстание, княжие люди имели хороший опыт по управлению и сборам доходов. Сельское население — «сироты» — было прочно опутано сетью феодальной эксплуатации и придавлено гнетом закона господ, и повторение крестьянских восстаний, потрясших Залесье в XI веке, было теперь надолго исключено. Можно не сомневаться, что земледелие на юрьевско-суздальском черноземе быстро развивалось. Под Суздалем чернозем понимали уже не сохой, но тяжелыми плугами, напоминавшими болгарские степные орудия пахоты. Именно в этой земледельческой зоне и росли княжеские города Юрия. Около них множились княжие и дружинные села. Все это свидетельству-

ет о дальнейшем быстром развитии феодальных отношений в Суздальской земле при Юрии.

Первая половина XII века выращивает и ту силу, которая станет опорой Андрея: быстрыми шагами развиваются городская культура, торговля и ремесло, растет городское население. Об этом говорят археологические раскопки в Суздале, Владимире, Ярославле, Дмитрове и других городах⁸¹. Владимир вел торговлю через Клязьму и Оку с Поволжьем; он к середине XII века уже значительно перерос границы Мономаховой крепости. Среди горожан, еще занимавшихся сельским хозяйством — типичное занятие для городов средневековой Европы того времени, — было уже много ремесленников разнообразных специальностей. Особый район к западу от княжеских дворов занимали гончары. Мастера по выработке стекла изготавливали красивые стеклянные браслеты и цветные перстни — любимое украшение горожан XII века. Местные ювелиры, подражая роскошным образцам киевских мастерских, выделывали изящные серебряные украшения и пытались перенять сложную технику эмали. Резчики по кости и дереву изготавливали разнообразные предметы, украшенные простой, но изящной орнаментацией. Кузнецы делали различные сельскохозяйственные орудия, косы, топоры, ножи, плотничий инструмент, огнива, рыболовные крючки, наколенники стрел, оружие и многое другое. Владимир в XII веке становится крупным торгово-ремесленным центром Суздальщины. О степени зрелости городской культуры говорит также еретическое движение, которое возникает в первые годы правления Андрея.

Впрочем, наступающий расцвет края интересовал Юрия лишь постольку-поскольку; строя городки Суздальского ополчения, он не переставал думать о богатстве и величии Киева.

В 1154 году Юрий последний раз вмешался в борьбу на юге, двинувшись со всеми сыновьями и воинской силой «в Русь». Но конский падеж и небывалый мор в людях заставили его прервать поход у Козельска и вернуться в Суздаль⁸².

Вскоре умер главный противник Юрия — Изяслав Мстиславич. Его брат Ростислав не обладал ни воинским талантом, ни политическим искусством Изяслава, и Юрий в 1155 году

занял Киев. Он снова посадил своих сыновей под Киевом: Андрея — в Вышгороде, Бориса — в Турове, Глеба — в Переяславле, Василька — в Поросье. Суздальщина снова оказалась на заднем плане его интересов; она была предназначена им младшим сыновьям — Михалке и Всеволоду⁸³.

Первым делом Юрия было восстановление нарушенного избранием митрополита Клим Смолятича порядка в русской церкви. В Киев прибыл митрополит — грек Константин, сразу же предпринявший суровую проверку русской иерархии и устранивший ненадежных епископов⁸⁴.

Мечта Юрия о киевском столе исполнилась, но напряженность отношений с киевлянами продолжала ощущаться; поэтому Юрий не забывает о возможности нового возврата на север. Здесь, во Владимире, рядом с двором Мономаха и его Спасской церковью, в 1157 году строят новый белокаменный храм, посвященный княжескому патрону Георгию и, по-видимому, предназначенный стать центром будущего нового богатого княжого двора⁸⁵.

Управление Киевом в обстановке, полной интриг, было трудным делом. Новгородскому летописцу только издали могло показаться, что с вокняжением Юрия наступил долгожданный мир — «бысть тишина в Русьстей земли»⁸⁶. Уже на другой год оформился союз недовольных им князей, в который входили брат Изяслава Ростислав, сын Изяслава Мстислав и черниговский Изяслав Давидович. Войска коалиции уже готовы были двинуться на Киев, как к ним пришла весть о смерти Юрия.

Летопись сообщает об этом так: «пив бо Гюрги в осменика у Петра в тои день на ночь разболеся и бысть болести его 5 дний и преставися Киеве Гюрги Володимиричъ князь Киевский месяца мая в 15 в среду на ночь, а заутра в четверг положиша у манастири святаго Спаса...» Прах Юрия нашел упокоение в отцовском придворном храме на Берестове⁸⁷. Перед этим столь же неожиданно умер брат Юрия Вячеслав. Ростислава известили об этом так: «Дядя твой Вячеславъ пивъ ляже, и тако не вьста»⁸⁸. Это очень напоминает обстоятельства смерти Юрия. Одновременная смерть обоих «старейших» в Мономаховом роде братьев-князей наводит на подозрение

в их насильственной смерти. Можно предполагать, что Юрий был отравлен на пиру у Петрилы. Тайное убийство князей их соперниками было в порядке вещей⁸⁹.

Запись о смерти и погребении Юрия сообщает далее о том, что «много зла створися в тот день: разграбиша двор его красный, и другой двор его за Днепром разграбиша, его же звашеть сам Раем, и Василков двор сына его разграбиша в городе; избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче...» Из этой записи мы можем заключить, что полководитель Юрий, заняв Киев, не хотел доверяться местным киевским людям, занимавшим правительственные должности и управлявшим городами и именьями. Он не хотел считаться и с интересами киевлян, которых он не раз и не без основания подозревал в нелюбви к нему. Поэтому он властной рукой сменил всю княжью администрацию, вплоть до сельских тиунов, поставив своих суздальских людей, пришедших вместе с ним. Юрий успел отстроить себе новый богатый дворец в Киеве, который называли «красным», то есть красивым, и роскошный двор за Днепром, который он сам называл Раем. Его сын Василько также обзавелся уже обширным двором в городе. Юрий пользовался благами достигнутого под конец жизни положения, он пировал со своими людьми и бывал на их пирах. По весьма правдоподобной характеристике В. Н. Татищева, он был «великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве прилежал; но все оное стояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев, и хотя, несмотря на договоры и справедливости, многие войны начинал, обаче сам мало что делал, но больше дети и князи союзные...»⁹⁰.

То, что творили суздальцы в Киеве, не было, конечно, их специфической особенностью. По-видимому, так вели себя все княжьи слуги в тех случаях, когда они чувствовали себя непрочно и спешили обогатиться⁹¹. Подобные явления были следствием одной общей причины — развития и углубления феодальных отношений. Князья усиливают эксплуатацию населения; «виры и продажи» «превращаются в окладной сбор подобный дани», полномочия княжого суда и сбора судебных пошлин и штрафов переходят в руки тиунов и мечников, ко-

торые не стесняются в средствах для искусственного создания судебных дел и увеличения своего и княжого прибытка⁹². Следовательно, и разгром Юрьевых приспешников не был выходящим из ряда вон событием, но был также в порядке вещей того времени: умер представитель одной линии княжого дома, было неизвестно, кто следующий займет киевский стол, а пока можно было свести счеты за грабежи и обиды. Если смерть Юрия была действительно насильственной, то тем более понятен разгром его людей.

Теперь, в заключение, можно дать общую характеристику Юрия.

Как Юрий, так и его противник Изяслав исходили из общих положений о правах «старшего» в роде на киевский стол; особенно упирал на это Юрий, указывавший Изяславу, что он «старейшинство еси с мене снял». Однако Изяслав, признавая «старейшинство» Юрия, указывал, что он «с нами не умеет жити», тогда как он, Изяслав, стремится «братью свою всю имети и весь род свой в правду, ако и душу свою»⁹³. Это были не только красивые слова, но и действительная программа Изяслава, в которой еще звучали заветы деда Мономаха и отца Мстислава.

Юрий был вполне чужд таких мыслей. Став ненадолго киевским князем, он не стремился к руководству делами всей Руси, не боролся за признание своего авторитета. Для этого он не пользовался должным уважением и не располагал силой, способной его внушить. Киев, как и Новгород, манили Юрия лишь как богатейшие города — источники обильных доходов. Судьбы княжого дома и Русской земли не стояли на первом плане его интересов. Это он показал всем ходом борьбы за Киев, в которой трудно проследить какую-то последовательную политику. Эта борьба фактически разрушала намеченную Мономахом линию усиления власти киевского князя.

Порой трудно различить, где в Юрии говорило обдуманное намерение, где брала верх минута аффекта. Так, разъяренный походом на его земли Изяслава и тем, что Изяслав изгнал «из Русьской земли» его сына Ростислава, Юрий заявил: «а любо сором слою и земли своей мышью, любо честь свою

налезу, паки ли а голову свою сложаю»⁹⁴. Здесь все — личные мотивы: месть за бесчестье и желание поднять свой авторитет любой ценой, без оглядки на последствия.

Высоко ценя свою «честь», сам Юрий был скор на нарушение и чести, и слова. В беде он бросает на произвол судьбы своих союзников, пугаясь даже вестей о приближении вражеских сил. Когда этого потребовали обстоятельства, он не задумался нарушить крестную клятву оказывавшему ему помощь князю Ивану Берладнику⁹⁵. В 1149 году после поражения Изяслава под Переяславлем князья договорились о возвращении награбленного — будь то стада или челядь. Однако Юрий «того всего не управи», и «мужи Изяславли» вернулись ни с чем⁹⁶.

Не приходится говорить, что еще менее мог «ужиться» Юрий с простым народом. Киевляне говорили Мстиславичам: «а вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити». Вследствие нелюбви киевлян Юрий не мог вовремя получать информацию о действиях Изяслава, которому удавалось застигать его врасплох. Справедливо оценивает Юрия Долгорукого С. М. Соловьев: он «не был похож на отца ни в умственном, ни в нравственном отношении: как правитель и как человек он не мог заслужить уважения и привязанности родичей и чужих... ненавидимый князьями, Юрий еще больше был ненавидим гражданами киевскими, в глазах которых он был выродком из доблестной семьи Мономаха, потому что, подобно Святославичам, наводил половцев на Русскую землю...»⁹⁷.

Опыт Юрия показал всю бесплодность его беспринципной и непоследовательной борьбы. Она не была оправдана никакой целостной идеей. Идея «старейшинства» была лишь поводом для борьбы с Изяславом, которая вела к своекорыстным целям без всякого интереса к общерусским нуждам земли и настроениям князей. Мало заботясь о необходимой для войн организации и обеспечении своих полков, Юрий с союзными ему черниговскими князьями водил на Русь половцев, попирая патриотические дела и заветы Мономаха.

Однако при всей хаотичности и неорганизованности деятельности Юрия, при нем получают начало важнейшие линии внутренней и внешней политики суздальских князей.

Внутри Суздальщины началась упорная борьба княжеской власти с местной знатью и наметился расцвет городов. Юрий был основателем многих из них; ему была обязана своим началом Москва. Внешняя борьба с болгарами и Новгородом, начатая Юрием, имела огромное значение для усиления Суздальщины и получила дальнейшее развитие при его сыновьях Андрее и Всеволоде III.

IV. Владимирский самовластец

Свидетелем и участником кровавой борьбы, кипевшей вокруг Киева, был и Андрей Юрьевич. Он окупился в этот поток войн и походов впервые в 1149 году, когда ему было уже около 40 лет, то есть вполне зрелым, сложившимся человеком. Все эти годы, начиная с младенческих лет и до киевских авантур отца, он провел в Суздальщине, наблюдая ее жизнь, размышляя о судьбах своей родовой северной отчины и ее месте в жизни Руси.

Андрей родился, как полагают, в 1111 году и был старшим сыном Юрия⁹⁸. В его жилах соединилась кровь русских князей, потомков Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, с кровью феодальных домов Европы и Азии: его прабабкой была византийская принцесса, матерью отца — дочь англосаксонского короля, его матерью, по воле Мономаха, стала знатная половецкая княжна из рода хана Аепы. От нее Андрей получил характерное скуластое лицо с припухшими веками монгольских глаз и упрямо выдвинутый подбородок. Может быть, в этой сложной генеалогии Андрея были заложены основные черты его контрастного и волевого характера, который ярко проявился в дальнейшем. В нем мы найдем политическую хитрость византийца, стремительность и горячность половецкого воина, русскую широту мысли и любовь к родной земле.

Мы не знаем, кто составлял окружение Андрея в его юные годы. Тысяцкий Георгий, воспитатель отца, был занят в своем Ростове; князь Юрий в перерывах между походами жил в Суздале; Андрей, как можно предполагать, жила и в своей

«волоости» — отстроенной дедом Мономахом крепости Владимире, может быть, бывая здесь вместе со своей матерью-половчанкой. Он сроднился и сжился со своим тихим краем, полюбил красоту сурового Мономахова кремля, гордо венчавшего высокий холм Владимира, и открывавшиеся отсюда бескрайние просторы пойма и дремучих лесов, среди которых сверкали крутые излучины Клязьмы. По-видимому, все здесь дышало воспоминаниями о недавних кровавых боях с Олегом, о строительстве дедовской крепости, о самом Мономахе, величавый образ которого владел умами современников. Может быть, здесь, при Спасском храме Мономахова двора, среди книг и рукописей можно было прочесть и его «Поучение», проникнутое высоким благородством духа и политических идеалов, и его горестное послание Олегу, полное поэтической прелести и теплоты. Возможно, знакомство с писаниями деда наложило свой отпечаток на мысль и характер юного князя, усилив заложенные в нем особенности жесткой прямооты и смелости, неутомимой порывистой энергии, дерзкой храбрости в бою и отношениях с людьми. Несомненно, что вообще Андрей был очень начитанным человеком и недаром сидел в своем залесском уединении. Его большая духовная культура сказалась в дальнейшей деятельности, сделав его вдохновителем и советчиком художников, зодчих и церковных витий, а также участником полемической переписки с Кириллом Туровским и самим вселенским патриархом. В сложный клубок впечатлений суздальской жизни вплетались и свежие припоминания о предках, и рассказы о далеких родичах на юге, в «Русьской земле», и половецкие песни матери, и яркие переживания охотничьих забав и воинских игр со сверстниками, и картины богатых Ростова и Суздаля, по сравнению с которыми родной Владимир казался незаслуженно бедным и простым, мало отличавшимся от городков ополья... Все это — лишь догадки, которые невольно приходят на ум, когда пытаешься представить себе ту обстановку, которая воспитала будущего владимирского самовластца.

Те же пробелы в наших знаниях старого, доандреевского ростовского летописания не позволяют установить и даты последующей биографии Андрея. Мы не знаем ни года

его свадьбы, ни имени его жены, которая была, судя по одним смутным источникам, болгаркой, по другим — дочерью московского боярина Степана Кучки, что вероятнее. Мы не знаем также дат рождения его сыновей — Мстислава, унаследовавшего воинский талант отца, Юрия — человека романтической судьбы, бросавшей его между Новгородом, Царьградом, Грузией и половецкими степями, и рано умершего Изяслава.

Первое появление Андрея на страницах летописи в 1149 году, в военных действиях Юрия против Изяслава, овеяно героической славой. Андрей шел с дружиной и половцами в передовом отряде на Луцк. Ночью случился «пополох зол», так что половцы начали было отступление, а брат Ростислав и дружина тревожно советовали Андрею поехать прочь. Андрей же не послушал их, переждал панику до утра и, посоветовавшись с военачальниками, несколько оттянул назад свои войска. В это время Юрий Долгорукий с братом Вячеславом уже осадили Луцк, завязав перестрелку с вышедшей из города пехотой. Андрей решил с ходу напасть на строй «пешцов» и, даже не поднимая стяга, ринулся вперед со своей дружиной; он раньше всех врзался в ряды врагов и сразу сломал копье, застрявшее в пронзенном противнике. Он погнался за отступавшими по рву воинами и был окружен; его конь получил две копийных раны, третий удар попал в седельную луку, со стены Луцка в него метали камни, и один «немец» уже собирался пронзить Андрея рогатиной. Но он выхватил меч и стал рубить врагов; на помощь князю пробились двое преданных, один из которых пал, защищая князя от наседавших врагов. Андрей вырвался невредимым из сечи, и «мужи отъни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче бывших всих ту», то есть они пели воинскую похвальную песнь — славу удали и храбрости Андрея. Его боевой товарищ — конь, вынесший хозяина из битвы, «язвен вельми» умер, и опечаленный князь, «жалуя комоньства его», то есть отмечая верную службу своего коня и скорбя о его гибели, повелел погребсти его над рекой Стырь. Все здесь, в этом повествовании, проникнуто древним духом русского героического эпоса, живо напоминающего своеобразный культ боевого

коня, отразившийся еще в легенде о смерти «Олега вещего»⁹⁹. Как этот, так и последующие рассказы о воинских подвигах Андрея по своей обстоятельности и деталям могут считаться написанными со слов кого-либо из близких Андрею людей, сопутствовавших ему в военных делах¹⁰⁰. Позже, в богато иллюстрированном летописном своде, созданном во Владимире в 1212 году, эта боевая эпопея нашла прекрасное отражение в ряде миниатюр, иллюстрирующих рассказ о подвиге Андрея. Едва ли не центральным героем этих рисунков является белый крутогривый конь князя¹⁰¹.

Здесь же появляется и другая черта характера Андрея. Когда Изяслав запросил мира и Юрий колебался, прислушиваясь к советам продолжать войну, Андрей решительно высказался за мир¹⁰².

Столь же беззаветно храбрым и горячим показал себя Андрей в боях за Киев в 1151 году. Когда Юрий подошел со своими силами к Киеву и завязались бои на Лыбеди, Андрей с половцами прорвался на другой берег и погнал передовые отряды, едва не долетев до главных сил противника. От него отстали даже конные половцы, и только один половчин изловчился остановить на скаку княжеского коня и заставил его вернуться «лая дружине своей зане бяхуть его остали вси половци...»¹⁰³.

В неудачной для Юрия битве на Руте, когда противник ловким маневром зашел в тыл Юрьевых полков, Андрей вырвался вперед сближавшихся полков с копьем наперевес, встретился раньше всех с противником и сломал копье, вонзенное во врага. В это время его конь был ранен в ноздри и от боли «нача соватися под ним», с Андрея слетел шлем, был сорван щит с левой руки, но он сумел остаться в живых... С храбростью Андрея в бою на Руте равнялся лишь сам вождь враждебной стороны Изяслав Мстиславич, который также первым начал бой, врезавшись в ряды противников и получив несколько тяжелых ран.

Когда, по мирному условию, побежденный Юрий мог остаться в своем Остерском Городке на месячный отдых перед возвратным походом в Суздаль, Андрей не стерпел и отпросился раньше отца в Суздаль. «Се нам уже, отце, зде у Ру-

ской земли ни рати, ничто же, а затепла уйдем...» — говорил он отцу. И сразу, после напряжения тяжелых боев, пустился в дальний и трудный путь на родной север. По другой версии, Андрей хотел соблюсти взятое с Юрия крестоцелование, — не сидеть здесь более месяца; Юрий же нарушил его и уговаривал Андрея остаться, но Андрей ответил «на том есмы целовали крест, ако поити ны Суждалю» и ушел на север¹⁰⁴. «Хитрость была противна гордой натуре Андрея», — справедливо говорит К. Бестужев-Рюмин¹⁰⁵. Имея в виду укрепить свое влияние в Новгороде, он в 1160 году посылает к новгородцам «Река им: ведомо буди, хочю искати Новагорода и добром и лихом, а крест бы есте были целовали ко мне на том, яко имети мене князем собе, а мне вам [добра] хотети»¹⁰⁶.

Храбрость Андрея стяжала ему особый авторитет у половецких войск, которые часто водил в свои походы Юрий. Может быть, здесь сказывалась и кровная связь с половецким княжеским домом. Андрея вызывали, когда эти «союзники» начинали неожиданные грабежи. Так было, например, в 1150 году под Переяславлем, когда половцы начали грабить переяславцев, так что они заперлись в кремле и боялись даже выпускать скот. Посланный на усмирение половцев Святослав Всеволодович ничего не мог сделать. Тогда был послан Андрей «и створи мир с половци...» Перед несчастной для Юрия битвой на Руте Андрей специально ездил в половецкие полки, «укрепляя их на брань...»¹⁰⁷.

Как под Луцком, так и в боях под Киевом и на Руте, воинская доблесть Андрея была бесполезна; при слабом и непоследовательном военном руководстве отца храбрость и отвага сына были «напрасной красотой», которой могли восхищаться лишь поседевшие в боях старые дружинники Юрия. Точно так же единственным проблеском настоящего воинского духа выглядит поведение Андрея на тусклом фоне двенадцатидневной осады Чернигова в 1152 году. Когда половцы взломали черниговский острог и в огне пылавших посадов завязали бой с черниговцами, осаждающие князя наблюдали за происходящим со стороны, и лишь пример Андрея, который со своей дружиной налетел на вышедший из города отряд, заставил их вступить в дело¹⁰⁸.

Высоко оценивая военные способности Андрея, Юрий при захватах Киева «сажал» его в наиболее опасных местах. Так, в 1150 году Андрей находился в Пересопнице. Изяслав пытался изнать его оттуда, как до того сделал с его братом Глебом, «но не сбыся мысль его, зане бе утвржен город и дружину [Андрей] совокупил»¹⁰⁹.

Заметим, однако, что Андрей все же не чувствовал себя прочно на юге, понимая, что население здешних городов, и Киева в первую очередь, настроено против Долгорукого и его помощников-сыновей. Из-за этого у Юрия хромала разведка, и не раз силы Изяслава незамеченными оказывались под его городами. Однажды Владимир галицкий резко сказал Андрею: «Что же это за княжение у моего свата Юрия, если вы не знаете, когда на вас идет рать, и ты, сидя в Пересопнице, не мог этого угадать. Если вы так княжите, то правьте сами...» (перевод). И уехал в Галич¹¹⁰.

Юрий в это время, видимо, начал ущемлять самостоятельность Рязани. В 1154 году он изгнал отсюда Ростислава и посадил Андрея. Однако и здесь повторилась ситуация юга: рязанцы были глубоко враждебны Андрею, и он не мог организовать должной разведки и охраны. Подобно Изяславу, не раз заставлявшему врасплох Юрия и Андрея, Ростислав неожиданно ночью нагрянул с половцами на Рязань, так что Андрей «одва, утече об одном сапозе, а дружину его овех изби, а другия засув во яму, а иные истопоша в реце; а князь Ондрей прибеже к Мурому, а оттоле Суждалю»¹¹¹. Этот позор, перенесенный Андреем по вине вероломных рязанцев, дорого обошелся потом рязанским князьям.

Заняв в 1154 году киевский стол, Юрий посадил Андрея в Вышгороде. Это был последний год пребывания Андрея на юге.

Борьба Юрия и Изяслава ясно показала крушение старых политических норм и жизненных порядков. Место высоких моральных заветов Мономаха, верившего в братские чувства князей, в их способность поставить интересы Руси выше своих частных выгод, заняла грубая сила. Стать сильнее всех или дать растоптать себя в сумятице феодальной борьбы, потерять землю и власть — такую дилемму ставила перед Андре-

ем действительность середины XII века. Обладание Киевом в этом смысле не увеличивало сил, напротив — требовало постоянной борьбы сразу на многих направлениях, а изменчивые симпатии киевлян не могли быть прочным основанием княжого стола. К тому же сам Киев понемногу терял значение первостепенного экономического центра; набеги степняков и усобицы, кипевшие вокруг киевского стола, ослабляли его силы, население покидало Киевщину, уходя в более спокойные места. Андрей дрался в бесплодных сражениях за Киев и не раз совершал тяжелые походы к Днепру, верно исполняя отцовские приказы; он закалил в них свой боевой дух, но и вырастил мысль о губительности развертывавшихся вокруг Киева княжеских распрей. Киев в его глазах превратился в причину кровавого раздора. «Мать городов русских» явно не могла стать опорой в борьбе за объединение Руси под сильной княжеской властью, которая рисовалась Андрею. Поэтому ни Киев, ни его земля не стали его мечтой.

В 1155 году, просидев в Вышгороде около года, «иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль». «Отец же его негодоваша на него велми»¹¹². Андрей отправился на север старой дорогой, которой ходили еще при Владимире Святославиче — по Днепру, затем Вазузой на Волгу; на Вазузе его застала оттепель весны 1156 года¹¹³.

В уходе Андрея из Вышгорода в Суздальскую землю летописи видят не только личный почин Андрея, но и результат действий боярства: «его же лестью подьяша Кучковичи...»¹¹⁴. Это, по-видимому, были те новые слуги Андрея, о которых говорило «Сказание о начале Москвы» и которые, видимо, были в составе его дружины, пришедшей с ним и на юг. Можно думать, что Кучковичи выражали не свою личную точку зрения, но мнение широких кругов ростово-суздальского боярства. «Ряд» Юрия выделял Суздальскую землю младшим сыновьям — Михалке и Всеволоду, ставя ее в подчиненное положение по отношению к Киеву и его городам — Переяславлю, Вышгороду, Каневу, где должны были сесть старшие сыновья — Андрей, Ростислав, Глеб и Борис¹¹⁵. При такой комбинации было вероятно, что Суздальщина, не играя самостоятельной роли, будет неизменно втягиваться в отстаивание

занятого Юрьевичами Киева, служа основным источником их военных и экономических сил. Очевидно, местное старое боярство рассчитывало путем нарушения политических планов Юрия вырвать Суздальщину из все более осложнявшейся борьбы за Киев и, получив князя, избранного «на своей воле», усилить свое политическое значение на севере. Андрей казался очень подходящим для этих планов — он долго прожил в Суздальщине, знал ее людей, и люди его знали; он только по приказу Юрия ушел на юг и, видимо, стремился скорее вернуться на родину, склоняя к этому и отца. Похоже, что у организаторов ухода Андрея из Вышгорода не было в этом отношении никаких сомнений, так как после смерти Юрия их решение было вполне единодушным: «Ростовцы и Суздальцы, сдумавши вси, пояша Андрея»¹¹⁶.

Однако суздальское боярство вскоре должно было горько разочароваться: как по своему крутому и самостоятельному характеру, так и по своим политическим взглядам Андрей менее всего был пригоден стать боярским князем, послушным орудием стоявшей за его спиной старой аристократии. Он умно и смело воспользовался боярскими симпатиями и иллюзиями для того, чтобы санкционировать актом избрания свое вокняжение в отцовской земле и в известной мере смягчить впечатление от своего самовольного отъезда из Вышгорода на север, переложив ответственность за это на «волю народа».

В отношении к местной знати Андрей продолжал тактику Юрия, который постепенно отдалялся от боярских центров. Из Вышгорода Андрей идет в молодой «пригород» Ростова, город «мизинных людей» — «град Володимерь»¹¹⁷.

Два года, с 1155 по 1157 год, мы ничего не знаем о том, что делал здесь Андрей, кроме того, что он богато украсил вывезенную им из Вышгорода икону. Все это время Андрей как бы ждет развязки княжения Юрия в Киеве. В это время он имеет возможность в тишине своей родины еще раз пересмотреть южные впечатления, взвесить задуманные мероприятия. Он особенно пристально вглядывается во владимирские холмы и овраги, оценивая их военно-оборонительные качества, присматривается к растущему на восток от Мономаховой крепости посаду, к княжеским и боярским дворам око-

ло строящейся церкви Георгия. Этот храм по распоряжению Юрия, находившегося в это время в Киеве, строился под непосредственным наблюдением Андрея. Он же осуществил, по приказу отца, постройку новой крепости Москвы в его богатом владении на Москве-реке. Может быть, в эти годы он строит на Княжем лугу под Владимиром, около Лыбеди и Ирпени, маленький Федоровский монастырь — в воспоминание о страшной битве под Луцком. В это время, а может быть, несколько раньше, к юго-западу от княжеских дворов, у пристани, где было «торговище», строится деревянная церковь Николы, покровителя торговых путешествий¹¹⁸.

Но вот наступает 1157 год, принесший весть о смерти отца и о разгроме его сподвижников в Киеве. Андрей садится в «Ростове на отни столе и Суждали»¹¹⁹. Теперь он хозяин своей родной земли. «Андрей, — говорит С. М. Соловьев, — как древний богатырь, чувствует свою силу, полученную от земли, к которой он припал, на которой утвердился навсегда...»

Вокняжившись окончательно, Андрей разворачивает лихорадочную строительную деятельность, заполняющую первые семь-восемь лет его княжения (1158—1165). В истории Древней Руси мы не найдем другой, подобной по размаху и плановости государственной стройки, кроме строительства Дмитрия Донского и царственной Москвы Ивана III и Василия III. Андрей приступает к осуществлению как бы заблаговременно продуманного обширного замысла — коренной реконструкции. Его одновременно заботят и укрепление города мощными оборонительными стенами, и украшение его новыми храмами.

Андрей видел и Киев, и Переяславль, и Вышгород, и другие города Киевской земли, с ненавистью вспоминал могучие валы Старой Рязани, он насмотрелся на прекрасные храмы и дворцы городов Поднепровья; все эти впечатления теперь ложились в основу горделивых замыслов обстройки Владимира.

На зов Андрея во Владимир приходят «из всех земель» многочисленные мастера разных специальностей. Они окружены учениками и рабочими из владимирских ремесленников. Первоначально укрепляется княжеское поселение к запа-

ду от Мономаховой крепости. Огромная полудуга земляных валов и рубленых стен ложится с этой стороны, обнаруживая удивительное умение мастеров-горододелцев сочетать овраги, врезавшиеся в городской холм с севера и юга, с искусственными сооружениями. В аристократическую часть города ведут несколько ворот. Волжские, стоящие у подножия Мономахова города, открываются на князьменскую пристань, Медные и Иринины выводят на север и северо-запад к Лыбеди, прикрывающей город с севера. Прямо на запад смотрит огромная белокаменная башня Золотых ворот с церковью Положения риз наверху — это важнейшее звено обороны города и одновременно вводящая внутрь столицы пышная триумфальная арка, замкнутая окованными золоченой медью массивными дубовыми створами. Справа — на краю обрыва к реке — стоят княжие дворы с их теремами и переходами и двумя каменными храмами. Отсюда центральная улица, пересекающая весь город, идет к поперечной стене и деревянной башне ворот Мономахова кремля, открывая по обе стороны широкие перспективы далеких полей и лесов, обступивших город. На высоком юго-западном углу кремля Андрей строит большой городской собор Успения Богоматери — идейный и архитектурный центр столицы; его ослепительно-белый и мощный массив господствует над городом и далекими окрестностями, вознося высоко в небо золотой купол. К востоку от Мономахова кремля город стремительно сужается, образуя острый треугольник; его очертаниям вторит клин валов и стен, замкнутых в месте встречи второй белокаменной башней — Серебряными воротами; через них идет дорога на Суздаль и к княжескому замку Боголюбову, который Андрей строит при устье Нерли. Так Владимир неузнаваемо преображается, расправляя могучие крылья своего плана по сторонам древнего кремлевского ядра¹²⁰.

Весьма характерно, что город выглядел особенно эффектно извне: его силуэт особенно выразителен с далеких точек зрения — со стороны дороги на Суздаль или из-за реки, с дороги от Муром и Рязани. Столица Андрея как бы обращалась к широким просторам земли, открывая ей свою молодую красоту и силу.

Не случайно в облике Владимира времени Андрея усиливаются черты, напоминавшие Киев. К комбинации кремля с вне его стоящими княжескими дворцами присоединяются Золотые ворота не только самим названием, но и композицией говорящие о киевском «образце». В архитектуре главного храма столицы и земли, Успенского собора, мы увидим дальше отражение башенной композиции киевской Софии. Во всем этом, несомненно, сказывалась глубоко продуманная и целостная идея.

В это прекрасное создание русского градостроительного искусства, несомненно, была вложена большая доля творческой мысли самого князя. Он придавал большое значение расширению и обстройке Владимира, так как красота и обширность города были веским аргументом в пользу его прав быть не только центром северо-востока, но и стольным городом «всёя Руси». К этому присоединялась и выдвинутая Андреем теория об основании Владимира не Мономахом, но Владимиром киевским, которая связывала возникновение города с временем расцвета Киевской державы и освящала его рождение именем «крестителя» Руси. По словам Никонской летописи, когда постройка Успенского собора была близка к завершению, Андрей собрал многолюдное совещание и «глагола князем и боаром своим сице: “град сей Владимиръ во имя свое созда святыи и блаженный великий князь Владимир, просветивши всю Русскую землю святым крещением, ныне же аз грешный и недостойный, божиею благодатью и помощью пречистыа Богородици разширих и вознесех его наипаче, и церковь в нем создах во имя пречистыа Богородица, святаго и славного ея Успения, и украсих и удоволих имениемъ и богатством, и властью, и селы, и в торгах десятиа недели, и в житех, и в стадах, и во всемъ десятое дах Господу Богу и пречистей Богородице: хошу бо сей град обновити митропольею, да будетъ сей град великое княжение и глава всемъ”. И сице возлюбиха и боаре его все тако быти»¹²¹. К этой стороне политической теории Андрея мы возвратимся ниже. Но несомненно, что в самом городе в 60-х годах XII века еще были живы люди, рубившие в начале века стены Мономаховой крепости, и легенда о древней истории города и Влади-

мире киевском едва ли убеждала: она могла связываться лишь с происхождением самого поселения, которое действительно уходило в глубокое прошлое. Но новая историческая концепция и обращалась в первую очередь не к местному населению и даже не к Руси; она создавала почву для внешнеполитических шагов дипломатии Андрея, замышлявшего борьбу за самостоятельность владимирской церкви.

Любопытно, что и самый символ княжеской власти — меч Андрея принадлежал к культово-династическим реликвиям Суздальщины: это был не более и не менее как меч Бориса, сына «крестителя» Руси — Владимира, первого князя Ростова. Эта священная эмблема освящала права Андрея полутора-вековой традицией. Так от крупных исторических событий в жизни князя края до подробностей княжеского обихода — все говорило об одном, доказывая исконные права владимирского Севера и древность власти его князей.

Настойчивое желание сделать Владимир как можно более равноценным Киеву по красоте архитектурного ансамбля сказалось и в том, что княжеский Боголюб-город сравнивали с киевским Вышгородом, он якобы даже был на таком же расстоянии от столицы. Здесь Андрей не был оригинален: резиденция его отца под Суздалем считалась местом «становища» Бориса и Глеба, культ которых сосредоточивался в Вышгороде. Но боголюбовская резиденция Андрея не походила на Вышгород, который был значительным городом. Боголюб-город был княжеским замком в общеевропейском значении этого слова, или, по-русски, город был создан Андреем «собе». Он занял одну из восточных возвышенностей князьменской береговой гряды в 10 километрах ниже Владимира, став поблизости от слияния Нерли и Клязьмы и выдвинув к самому устью княжеский Покровский монастырь. Суздальская водная дорога на Клязьму и на «низ» была прочно взята под контроль Андрея. В постройке замка сказалось то же мастерство горододелцев Андрея, с большим чутьем связавших валы и рвы с кручами входившего в берег оврага и откоса к Клязьме. К реке замок обращался стеной с белокаменными башнями, за которой живописно располагался также белокаменный ансамбль дворца, включавший в свой

состав прекрасный придворный храм с парадными златоверхими лестничными башнями и переходами, соединявшими храм с собственно дворцом и замковой стеной. Искусно вымощенная белым камнем площадь двора с вытесанными из камня желобами и изящной ротондой кивория (восьмиколонной шатровой сени) в центре расстилалась вокруг дворца. По ее краям в глубине замковой территории размещались жилища придворных, хозяйственные постройки, конюшни и склады оружия¹²².

Боголюбский замок — это не только каменный страж суздальской Нерли, это также место, куда Андрей мог уходить от придворного боярства и проводить свои досуги в тесном кругу близких людей — «с малом отрок». Позднейший Тверской летописный сборник сохранил весьма правдоподобное предание о том, что Андрей «любяше монастырь той (во время составления Тверской летописи о Боголюбове-городе не осталось припоминаний. — *Н. В.*) паче меры, и мнози негодоваху о том, яко оставя град и часто в селе Боголюбове и в монастыри том пребываше. Такоже и к святому Спасу на Купалище по вся дни приходяше, ловы бо всегда творяше в той стране и, на Купал иши приходя, прохлаждаашеся и много время ту безгодно пребываше, и о сем боярам его многа скорьбь бысть: он же не повеле им издiti с собою, но особно повеле им утеху творити, идеже им годно, сам же с малом отрок приходяше ту»¹²³. Это замыкание Андрея в узкой группе приближенных было отражением весьма существенных перемен, происшедших при Юрии и резко усилившихся при Андрее.

Расчищая почву для своей борьбы за гегемонию в Русской земле, Андрей должен был защитить свое положение на владимирском столе и от возможных покушений со стороны членов своего княжеского дома, которые могли быть использованы местными боярскими кругами. Особую опасность представляли младшие братья Андрея — подростки Михалко и Всеволод, сидевшие в Суздале вместе со своей матерью-гречанкой. За ними Юрий Долгорукий оставил право на Владимирскую землю, нарушенное Андреем. Андрей проявляет последовательность и в 1163 году «братью свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя (племянников

от брата Ростислава. — *Н. В.*), [и] мужи отца своего передний (бывших бояр отца. — *Н. В.*). Се же створи, хотя самовластець быти всей Суждальской земли». Был изгнан и третий брат Андрея, Михалка¹²⁴. Очевидно, что завету Долгорукого следовали некоторые члены его старой дружины и ближайшие советники, перешедшие к Андрею, — на них-то и обрушилась княжеская опала. Однако часть из них, видимо, разделявшая политические взгляды Андрея, осталась при нем. Из них мы знаем внука киевского боярина XI века Славяты — Бориса Жидиславича, который был воеводой Андреевых полков¹²⁵.

Изгнанный Михалка осел на юге, а два других брата с матерью-гречанкой уехали в Византию, где были радушно приняты императором; он дал Васильку города по Дунаю, а Мстиславу «волость Отыскалану». Это не было ссылкой в Византию, какой было, например, изгнание Мстиславом из Руси полоцких князей в 1129 году. Напротив, князья византийской крови, сыновья преданного грекофила — Долгорукого и греческой княжны, которым Юрий завещал Суздальскую землю, лишались своих законных прав и оказывались на положении бездомных изгоев. То есть Андрей совершил акт дерзкого самовластия, нарушивший не только семейно-княжескую мораль, но и подрывавший престиж Византии на Руси¹²⁶.

Вопрос о социальной опоре державной политики Андрея не раз вставал перед историками: «Если ростовцы и суздальцы были недовольны, — писал С. М. Соловьев, — если передние мужи были недовольны, если братья княжеские были недовольны, то какая же сила поддерживала Андрея?.. Необходимо предположить, что сила его утверждалась на повиновении младших новых городов или пригородов. Андрей, как видно, хорошо понимал, на чем основывается его сила, и не оставил этих новых городов, когда войска его взяли самый старший и самый большой из городов русских — Киев»¹²⁷. Соловьев правильно указал важнейшую социальную силу, поддерживающую Андрея, — это горожане новых городов и в первую очередь «мизинные люди» Владимира. Формирование этих городских слоев шло задолго до вокняжения Андрея, и, надо думать, что его «самовластество» было не столько его личной чертой, сколько выражением политических устремле-

ний горожан. Если доверять Татищеву, то Андрей заботился об увеличении городского населения Владимира, он «умножи всяких в нем жителей, яко купцов хитрых, рукодельников и ремесленников разных населил...»¹²⁸. Ниже мы увидим, как эта забота об «умножении людей» Владимира отразилась во владимирской литературе 1160-х годов, где с полной ясностью выступает формула «князь, город и люди».

Как и для времени Юрия, источники не освещают хозяйственную жизнь Владимиро-Суздальского княжества в правление Андрея. Только косвенные намеки в древних и позднейших памятниках могут сообщить нам некоторые сведения по этому вопросу.

Проведя почти всю жизнь на севере, а затем, с вокняжением, перенеся во Владимир свой стол, Андрей, естественно, должен был иметь там обширные земельные владения и хозяйство. Из его пожалования Успенскому собору виден их объем: собор получил много имения, слободы, купленные князем, и слободы, платившие дань, лучшие из княжеских сел, десятую часть княжеских стад и доходов от торго¹²⁹. Многочисленные митрополичьи села в Опольском и Боголюбском станах, известные по позднейшим источникам, располагались на север и северо-запад от Владимира. «Вероятно, — пишет С. Б. Веселовский, — это те же самые “села красные”, которые князь Андрей Юрьевич дал владимирской кафедре в середине XII века при основании Владимирской епархии». Также и владения митрополитов в округе Юрьева-Польского были, по-видимому, унаследованы ими от владимирских епископов. В числе владений собора мы встретим позже целый город — Гороховец, называемый «градом святой Богородицы»¹³⁰.

В управлении городами и селами волости была занята многочисленная княжая администрация: наместники, тиуны, мечники и детские. Эта оседавшая на местах мелкая феодальная знать, несомненно, увеличивала число зависимых земель и крестьян, обогащаясь всеми правдами и неправдами. Эксплуатацию усиливала и государственная необходимость сосредоточения в руках княжеской власти огромных средств, которых потребовала широкая политика Андрея. В событиях

1174 года мы найдем много общих черт с избиением суздальцев Юрия в Киеве в 1157 году. Но на именье алчной княжой администрации в 1174 году набросились не только горожане, но и «из сел приходяче грабяху» — поднялось, по-видимому, само крестьянство; по Татищеву — «грабили в селах дома княжие и верных его...»¹³¹. Можно думать, что и образное описание Даниилом Заточником порядков в северной деревне рисует не только ситуацию XIII века, но отношения, сложившиеся уже при Юрии и Андрее. Даниил не советует основывать село поблизости от княжого двора или дома его тиуна: «тиун бо его аки огонь трепетицею наложен [покрыт трутом] и рядовичи его аки искры; аще от огня устрежешися, но от искр не можеши устеречися и сождения порт»¹³².

В «Повести» об убийстве Андрея мы впервые встречаем термин «дворянин» и рядом с ним термин «милостыжник», известный еще в древнейшую пору, при княгине Ольге (Малюша-милостыница и ключница Ольги)¹³³. Теперь «милостыжник» обозначает не только приближенного, близкого человека, любимца князя¹³⁴, но и человека, который относится к определенной группе «служилого» люда. Милостытники получают от князя и оружие, и коней, — в Боголюбовском замке хранилось «милостыное оружие» и стояли «милостыные кони». М. Н. Тихомиров сделал убедительное заключение, что «милостыниками были зависимые княжеские люди, получавшие от князя “милость” в виде коней, оружия, а, вероятно, и землю»¹³⁵. Это был, видимо, наиболее зависимый от князя, малоимущий и в то же время близкий к нему слой новой служилой дворни. Милостыником был любимый слуга Андрея Прокопий, погибший вместе с ним в 1174 году. По названию его «паробком» можно полагать, что милостытники составляли «молодший» в прямом и социальном смысле слой княжеского окружения¹³⁶. Еще прадед Андрея Всеволод «нача любити смысл уных», а его дед Мономах предостерегал от излишнего доверия к ним¹³⁷, сам же Андрей любил жить и действовать «с малом отрок».

Упоминаемые в описании тех же событий 1174 года в Боголюбове наряду с боголюбовскими горожанами «дворяне» были, по-видимому, близкой к милостыникам группой служило-

го люда. Даниил Заточник говорит, что «всякому дворянину [подобает] имети честь и милость у князя», то есть получать у него не только коня и вооружение, но и «села»; для Даниила — человека невоинского духа — последнее было, несомненно, существеннее. Княжеское пожалование изымало человека из его прежних общественных связей; позже псковичи, поссорившись в 1228 году с Ярославом Всеволодовичем, «тех кто имал придаток [милость] у Ярослава, выгнаша из Пльскова: пойдите по князи своемь — нам еси не братья...»¹³⁸. Возможно, что как раз во время Андрея термин «милостыжник» стал заменяться словом «дворянин». Ряды милостыжников и дворян, этого служилого слоя XII века, пополнялись из рабов и холопов, образуя нечто подобное западноевропейскому министериялитету, но выслужившиеся княжьи люди могли входить и в ряды боярства¹³⁹.

Позднейшая легенда рассказывает, как Андрей путешествовал по Клязьме до устья реки Тезы, ставя в прибрежных погостах храмы, и как он «пожаловал» одного из своих слуг — зверолова Елифанку «деревней», то есть земель¹⁴⁰. В легенде об Елифанке упоминается и село Спас-Купалищи, известное уже нам по отрывку Тверского летописного сборника, цитированному выше: это ближе к Боголюбову село, красиво расположенное на правом высоком берегу Клязьмы. Если же мы проследим за ее течением вниз до Тезы, то найдем здесь в изобилии имена селений, с большой вероятностью восходящие к XII веку, к именам членов княжого дома и старым терминам быта. Таковы Глебово, Глебова, Борисовка, Михайловское, Михалково, Андрейцево, Андреевская, Княгинина, Якимовский погост, Гридино, Скоморохово и др. Среди них расположен и знаменитый Клязьменский городок — древний Стародуб, возникший в XII веке, и село Любец, связанное, подобно Спасу на Купалищах, с преданием о Боголюбском¹⁴¹. Ниже устья Тезы располагались Ярополч (Вязники) и город Успенского собора Гороховец. Нет ничего невероятного в том, что в этом районе находились не только княжеские земельные владения, хозяйственные, охотничьи и иные угодья, но и пожалования княжым милостыжникам, давшим начало служилому дворянству.

Конечно, князь жаловал своим слугам не пустую землю, а деревни и села вместе с их трудовым людом. Таким образом, крестьянское население Суздальщины все более попадало во власть больших и малых светских и духовных господ. Они были полновластными владыками в своих феодальных гнездах, им принадлежало не только право нещадной эксплуатации своих крестьян-«сирот», но и власть над самой их жизнью: землевладелец был и верховным судьей своих людей, «маленьким Ярославом» своего владения. Задавленное сидевшей на его спине иерархией господ крестьянство меньше всего могло проникнуться интересом к большим событиям русской жизни и широким планам главы господствующего класса — князя. Едва ли и борьба со старобоярской знатью, которую вел Андрей, что-либо меняла в положении «сирот»: захваченные боярские села не оставались без хозяина, а шли в раздел, и, может быть, новый владелец даже с большей алчностью использовал свое положение и давил крестьянина, нежели старый боярин.

В войсках Андрея большую роль, наряду с аристократической конной дружиной, играет пехота — «пешцы», составляющие внушительное ядро владимирских вооруженных сил. Это, по-видимому, не только крестьянские, но и городские ополчения. Позднее, в XIII веке, «гражан-пешцев», наряду с пешцами-смердами, мы встретим в войсках Даниила Галицкого, строившего свою политику, как и Андрей, на союзе с горожанами, которые стремились к нему «яко пчелы к матце». Жители городов, неохотно участвовавшие в княжеских усобицах, понимали и ценили единодержавные притязания Андрея и Даниила. В конце княжения Андрея мы встретим, наряду со старыми ростово-суздальскими и белоозерскими дружинами, отдельные владимирский и переяславский полки.

Подобно деду — Владимиру Мономаху, Андрей придавал большое значение народному ополчению, пешим «воям». Рядом со старой знатью, своевольной, способной к неожиданным нарушениям воинской дисциплины и военных планов князя, на командных должностях, очевидно, появляются близкие и преданные князю новые люди. Они не только занимали должности в княжеском дворцовом хозяйстве,

но и входили в ближайшее окружение князя во время войны. При всей условности феодальной морали эти новые княжие люди, жизнь и благосостояние которых полностью зависели от князя, были гораздо более верной и прочной опорой, нежели старобоярская знать. Сам Андрей, по отзыву современника, был «не величав на ратный чин»; он, видимо, не дорожил феодальной воинской иерархией и в молодости, как мы видели, сам сражался рядом со своими воинами, подавая им пример доблести. Все это делало владимирские полки более дисциплинированными и боеспособными; вокруг них с меньшим риском можно было организовывать силы подвластных княжеств для больших военных предприятий. Однако если горожане, купцы и служилый военный люд ощущали на деле пользу начатой Андреем борьбы за возвышение Владимирской земли и за господство ее князя в Руси, то крестьянство, составлявшее, конечно, большую часть военных сил Андрея, было решительно равнодушно к его планам. Это было одной из причин крупных военных неудач Боголюбского.

«Восточная политика» Руси в Поволжье была в XII–XIII веках местной задачей северо-восточных княжеств. Она почти не интересовала Новгород и вовсе не привлекала внимания южных князей. Молодая держава Андрея, намечавшая свою широкую общерусскую политическую программу, должна была прежде всего обезопасить свой ближайший северо-восточный тыл и сохранить в своих руках торговое движение вниз по Волге — важнейшей жизненной артерии северо-востока.

В 1164 году Андрей организует крупный поход на болгар, в котором участвуют и полки муромского князя Юрия. Вместе с братом Ярославом и сыном Изяславом Андрей повел свое войско на Волгу, сопровождаемый иконой Владимирской Богоматери. Встречный бой с болгарскими войсками закончился их разгромом, так что «князь болгарский» едва убежал с малой дружиной в Великий город. После этого были взяты Бряхимов на Каме и четыре других болгарских города. Болгарский удар по владимирскому Поволжью 1162 года был отмщен. Правда, победа обошлась лично Андрею дорого: «того же лета преставися у князя Андрея сын Изяслав, при-

шед из Болгарского бою»... Победа приписывалась «помощи» Владимирской иконы — это было в глазах современников «оружие обоюду на врагы остро и огонь попаля [ющий] противных наших, хотящи [х] с нами брани»¹⁴².

Мы и должны посмотреть, как выковывал Андрей свой духовный «обоюдоострый» меч.

V. Меч духовный

Внимательно наблюдая борьбу вокруг Киева, Андрей мог без труда определить одну из них, которая, казалось, стояла в стороне от кровавой «суеты сует» княжеских усобиц, но на деле играла в них важную роль. Это была церковь с ее непререкаемой духовной властью, за которой стоял многовековой опыт византийского православия. Уже более полутора столетий церковь вела свою работу на Руси, освящая право господ и бесправие народа. «Социальные принципы христианства, — замечает К. Маркс, — провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое Господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям...». В руках церкви находились могучие средства пропаганды: многочисленные храмы, искусство и литература. Рядом с владениями светских феодалов росли щедро умножаемые князем и боярством земли епископов и общин «непогребенных мертвецов» — монастырей. Церковь сама была крупнейшим феодалом, мощной и самостоятельной политической силой. Она пронизывала всю русскую жизнь вплоть до личного быта человека. Митрополит-грек, сидевший в Киеве, всегда знал течение дел в любом отдаленном углу Русской земли и мог оказать свое давление на его ход: Византийская империя продолжала рассматривать Русь как свою провинцию. Попытки Ярослава Мудрого, а столетием позже — Изяслава киевского поставить во главе русской церкви русского митрополита были неудачны: на русском митрополичьем престоле неизменно появлялся византиец. Простирая свою духовную власть через рубежи княжеств раз-

дробленной Руси, церковь могла бы стать сильнейшим средством ее сплочения, но усиление Руси было не в интересах Византийской империи.

Авторитет церкви, столь тяжкий и непререкаемый для темных народных масс, самими князьями оценивался не высоко. Типичный образец князя феодальной Руси — хитрый и изворотливый Владимирко галицкий, который жаловался, что теперь «ангела бог не сослеть, а пророка в наши дни нетуть, ни апостола», но при этом сам легко нарушал клятвы; ему принадлежит знаменитая фраза, сказанная, когда ему напомнили о крестоцеловании и грядущей каре за его нарушение: «Сей ли крестец малый?!», то есть «этот ли крестишко может мне угрожать?!».

Крестоцелования нарушались с такой быстротой, что «губы еще не успевали обсохнуть». Владимир Мстиславич, «вертлявый ко всей братьи своей», изменял клятве ради того, чтобы «уклониться на имение, и на села, и на стада» княгини — вдовы своего противника. Киевский князь Ростислав Мстиславич на смертном одре обобщал свою жизнь формулой, что «княжение и мир не можеть без греха быти». Освященные прошлым обычаи уступали новым. Противник Долгорукого князь Изяслав киевский пустил в оборот крылатую фразу: «Не место идет к голове, а голова к месту». Такова была циничная мораль феодала, развязывавшая личную инициативу, клонилась ли она к частной выгоде и мелким делам или к большим, широко задуманным политическим мероприятиям¹⁴³.

Андрей не уступал Изяславу ни в решительности, ни в энергии. Но он хорошо понимал, что сопротивление осуществлению его планов возможно не только внутри Владимирской земли и даже не только на Руси, но и за ее пределами. Византия зорко следила за происходившими на далеком северо-востоке Европы событиями. Перед глазами Андрея была история недавней неудачи с поставлением русского митрополита Клима Смолятича. «Империя, — замечает М. Д. Приселков, — только в дроблении сил нового сильнейшего Ростово-Суздальского княжества в это время и в ближайшие годы видела свою основную задачу...»¹⁴⁴. К тому же византий-

ский император Мануил вынашивал план непосредственного включения Руси в состав Ромейской империи: предполагая присоединить Венгрию, Мануил рассчитывал, что она сольет в единое целое с Русью территорию его державы. Эти намерения были, видимо, поняты и на Руси¹⁴⁵. Поэтому, чтобы противостоять Византии с ее огромным церковным авторитетом, кроме военной и политической силы, новые замыслы Андрея требовали освящения санкцией религии: та земля, на которую он опирался в своей борьбе, должна была приобрести «небесное покровительство» и защиту.

Владимир — столица Андрея — был молодым городом, без всяких исторических традиций: старая Ростовская земля была лишь недавно христианизирована. Политический курс Андрея был нов и необычен. Поэтому идеологическое обоснование широких прав земли и князя не могло не пойти по опасному пути создания религиозных и исторических легенд, подобно тому как этим же путем шло позже идейное оформление московского самодержавия.

Церковные же дела в середине XII века были исключительно запутанными и напряженными. Источники столь противоречат друг другу в освещении этих тонких и острых церковно-политических отношений, что не бесспорна даже хронологическая канва событий, не говоря уже о спорности самой внутренней связи между ними. Достаточно сказать, что важнейший документ, грамота патриарха Луки ХризOVERга, датируется по-разному: от 1158 до 1168 года¹⁴⁶.

Новый митрополит, грек Константин, стремившийся пресечь на будущее возможность избрания русскими епископами своего митрополита, сменил всех русских епископов, не внушавших доверия. В 1156 году очередь дошла и до ростовского епископа Нестора, который был сторонником грека Нифонта в деле Климента Смолятича, но не присутствовал на соборе 1147 года. Митрополит лишил его кафедры, а в 1158 году, на другой год по вокняжении Андрея, в Ростов прибыл епископ грек Леон. По-видимому, он ревностно взялся за запущенное Нестором церковное хозяйство и в особенности за строительство новых храмов в Суздальщине. Усиленные на логи на духовенство вызвали недовольство новым епископом,

и через год Леон был изгнан ростовцами и суздальцами, «зане умножил бяше церкви, грабяй попы». Можно предполагать, что энергичный грек грабил не столько духовенство (что было безразлично для народа), сколько саму паству, чем и вызвал протест горожан Ростова и Суздаля. На севере Леону вменяли в вину и то, что он «не по правде поставися Суждалю... перехватив Нестеров стол», когда еще Нестор был жив¹⁴⁷.

Впрочем, Леон в 1163 году вернулся в Ростов. Но за это время обстановка сильно изменилась. В год окончания постройки Успенского собора во Владимире, в 1160 году, Ростов стал жертвой пожара; сгорела и его соборная церковь: «Того же лета погоре Ростов и церкви все, и сборная дивная и великая церковь святое Богородице сгоре, якое же не было и ни будет». Совпадение дат окончания постройки владимирского собора и гибели ростовского позволяет подозревать, что пожар в Ростове был не случаен, что здесь мог быть поджог с намерением подорвать значение старого центра: теперь ростовскому епископу негде было бы даже служить. Андрей вскоре после пожара начал в Ростове постройку нового каменного храма, но это была маленькая церковь — возвеличивать Ростов в его намерения не входило. «И бе церковь основана мала, — читаем в Житии епископа Леонтия, — и начаша людие молитися князю дабы повелел боле церковь заложити едва же умолен быв повеле воле их быти». Но, видимо, Андрей не особенно заботился об этой постройке, — возведенная наспех, за один год, церковь рухнула уже в 1204 году¹⁴⁸.

Положение обретавшегося во Владимире Леона осложнялось тем, что теперь у Андрея был и свой, русский кандидат, некий Федор из белого духовенства; он, видимо, был уже наречен владимирским епископом и назывался «владыкой». Сам же Андрей думал уже не об епископии, а об особой владимирской митрополии; еще раньше он «мысляше в себе, еже бы како митрополии быти в Ростове или в Суздале, или паки град велий воздвигнути Володимерь, его же созда блаженны и великий князь Владимирь, иже крести всю Русскою землю»¹⁴⁹. Поэтому Леон — византийский агент во Владимирской земле — был при первом удобном случае снова удален, а повод представился скоро.

В праздник Рождества 1163 года, пришедшийся на постный день — среду, Андрей по совету Федора устроил пир для своих бояр; Леон, приглашенный к столу, увидев скромные, мясные яства, публично и резко указал князю на недопустимость этого по греческим правилам. При стечении большого числа гостей и придворных Федор вступил в спор с Леоном и «упре его». По-видимому, Леона поддержали мачеха-гречанка Андрея и его младшие братья вместе с некоторыми старыми боярами, — «передними мужами» Юрия. Они, видимо, отказались от княжеского стола, вызвав вспышку ярости оскорбленного Андрея. Это было формальным поводом к их изгнанию, хотя, возможно, что конфликт с мачехой, братьями и старыми дружинниками имел причиной перенос Андреем столицы из Ростова во Владимир, — это могло вызвать протест епископа-грека, мачехи-гречанки и ростово-суздальской знати¹⁵⁰. Леона Андрей сначала послал в Ростов, что теперь, после пожара, походило на ссылку. Правда, в 1164 году он хотел смягчить дело и пригласил Леона в Суздаль, снова поставив перед ним вопрос о разрешении поста по средам и пятницам праздничной пасхальной поры. Но Леон снова ответил запретом и был изгнан из Суздальской земли.

Этот спор о постах стал отражением происходившей в церкви борьбы вокруг постов. Константинопольская патриархия стояла за безусловную строгость их соблюдения. На Руси Киево-Печерский монастырь был сторонником льготных правил поста, в особенности по отношению к мирянам. Андрей и Федор стояли на этой же точке зрения. Вопрос имел немаловажное значение для людей их недавно христианизированной земли. Поэтому русский порядок был сочтен правильным, а греческая доктрина Леона объявлена «ересью леонтианской». Страстность спора вокруг этого, казалось бы, узкого вопроса свидетельствует, что в нем отразились различные взгляды на отношение к Византии и ее духовной гегемонии над Русью¹⁵¹.

Леон отправился на разбор дела в Царьград. В 1164 году перед лицом императора Мануила, находившегося в венгерском походе, состоялся спор Леона с епископом болгарским

Андрианом, который, как раньше Федор, «упрел» Леона. Запальчивый Леон забыл придворный этикет, и «слуги царевы удариша Леона за шью, и хотеша и в рече утопити». Бывший здесь же посол Ростислава киевского одновременно поставил вопрос о замещении митрополичьего престола в Киеве, на который предлагал вернуть Климата Смолятича. Но Мануил, не желавший портить отношений с дорогим для него союзником и в то же время не хотевший упустить Русь из греческих рук, ответил уклончиво. Отправленное в 1165 году второе посольство Ростислава опоздало, так как на Русь прибыл новый митрополит — грек Иоанн с императорским послом и богатыми дарами.

Столь же неудачным оказалось и посольство к Мануилу князя Андрея. Император был недоволен им из-за изгнания мачехи-гречанки и братьев. А грамоты Андрея ставили сложные вопросы — об обвинении Леона в ереси Федором и об организации новой митрополии с поставлением на нее Федора. Грамоты Андрея были прочтены патриаршим собором (1164); собор похвалил Андрея за обширное строительство храмов и за расширение города Владимира с его многочисленными храмами «во славу Бога», но в поставлении Федора отказал. Оно не могло состояться до суда над Leoном, который прежде всего подлежал компетенции киевского митрополита¹⁵². Грамота Андрея о митрополии была оставлена без рассмотрения. Что же до митрополичьего суда (по-видимому, летом 1165 года), то он оправдал Леона.

Андрей, однако, не допустил Леона на ростовскую кафедру, поскольку прочил Федора теперь уже в епископы своего княжества. Посвящение мог сделать только киевский митрополит, но он стоял за Леона, и надеяться на перемену его взглядов можно было, лишь имея достаточные средства на подкуп. Федор начал собирать эти средства, не останавливаясь перед насилием и вымогательством, чем уронил себя в глазах народа. Может быть, в это время Федор потерял и всякую меру, присвоив себе внешний знак митрополичьего сана — белый клобук, почему за ним и установилось прозвище «белый клобучок»¹⁵³.

Тем временем Леон снова явился к константинопольскому патриарху с просьбой подтвердить свое оправдание, и только

теперь Лука Хризовберг извлек из забвения послания Андрея и ответил на них. Ответ патриарха содержал теперь прямой отказ от учреждения новой митрополии, оправдание Леона и обвинение Федора; было отказано и в особой владимирской епископии и предложено, если захотят этого епископ и князь, лишь переменить местопребывание епископа на столицу — Владимир. Таким образом, Андрей оставался с ненавистным греком Леоном при непосвященном, но нареченном русском «владыке» — Федоре. Грамота патриарха, требовавшая от Андрея разрыва с Федором и отсылки его на суд митрополита, угрожала Андрею отлучением, и он был вынужден отправить Федора (видимо, в 1168 году) в Киев. Может быть, у обоих еще была надежда на благополучный исход дела. Однако митрополит проявил крайнюю жестокость, осудив Андреева любимца на мучительную казнь. Федору сначала отрезали язык, как злодею и еретiku, потом отрубили правую руку и выкололи глаза «за хулу на Богородицу». В то же время митрополит «запретил» печерского игумена Поликарпа за русскую трактовку постов. По-видимому, не только эта сравнительно незначительная «митрополичья неправда», но, конечно, и казнь Федора сделали столь беспощадным разгром Киева Андреем в 1169 году.

Леон продолжал занимать ростовскую кафедру, не проявляя, однако, более никакой инициативы. Только в дни после убийства Андрея мы можем ощутить его мстительную руку — тело Андрея оставалось непогребенным почти неделю¹⁵⁴.

Такова внешняя канва событий церковно-политической борьбы Андрея. Она окончилась неудачей, но за ее десятилетие владимирский северо-восток трудами князя и владыки Федора неизмеримо поднял свое значение, а его «святыни» заняли видное место в русском пантеоне. Прежде всего был развит и усовершенствован культ Богоматери, получившей значение преимущественной покровительницы Андрея, его стольного града, его людей, его политики. Это имело большое моральное значение — новый город «мизинных людей» Владимир вступал под защиту той же силы, что и Киев, и сам Царьград.

В Византии почитание Богоматери и ее икон получило особенное развитие с VII века. Частые нападения на империю

различных народов и в их числе славян способствовали усиленному почитанию богородичных икон. С ними духовенство обходило стены города во время осад; при императоре Ираклии они появляются на мачтах кораблей. Победы византийских войск приписывались «помощи» ее иконы. После разгрома иконоборцев этот культ возобновляется с новой силой; Иоанн Комнин, возвращаясь в Царьград из победоносного похода, с особой пышностью встречает икону Богородицы.

На Руси была особенно известна другая царьградская реликвия — «риза Богоматери», хранившаяся во Влахернском храме. В русской летописи было описано и чудо этой святыни: когда в 860 году русские дружины осадили Константинополь, патриарх Фотий после всенощной молитвы в храме вынес «ризу Богоматери» и омочил ее в водах Босфора, после чего будто бы сразу поднялась буря, которая потопила русские ладьи, и город был спасен. Фотий в этой связи составил обширный хвалебный акафист Богоматери. Особое заступничество Богородицы за столицу православия Царьград было подчеркнуто и в популярном на Руси Житии Андрея Юродивого (славянина родом).

На Руси почитание Богоматери и ее икон постепенно стало также повсеместным и приобрело характер «городского» культа. Первый каменный храм в Киеве — Десятинная «митрополичья» церковь — был посвящен Успению Богородицы. Столетием позже Успенская «великая церковь» была создана в первом русском Печерском монастыре в Киеве. Церковная легенда о «чудесной присылке» из Царьграда греческих зодчих для постройки «великой церкви», записанная в «Печерском патерике», обнаруживает новую тенденцию в русском культе Богородицы. По словам этой легенды, мастера были вызваны самой Влахернской Богородицей, которая якобы дала им «на три лета злата» и приказала идти на Русь и построить там в Печерском монастыре храм в ее честь. «Прииду же и сама видети церкви и в ней хошу жити...». Таким образом, Влахернская Богоматерь, будто бы избавившая при патриархе Фотии Царьград от русских, теперь сама «поселялась» на Руси, становясь ее специальной покровительницей. Эта печерская легенда имела весьма актуальный смысл для раз-

вития русского самосознания. По образцу Печерского храма создавались в XII веке Успенские соборы в главных городах русских княжеств, как бы символизируя распространение патроната Богоматери на все русские области. Такие храмы были созданы в Смоленске, Ростове, Суздале, Рязани, Галиче, Владимире-Волынском¹⁵⁵.

Необходимость опоры на авторитет религии была осознана Андреем еще до ухода из Вышгорода. Тогда же он начал советоваться с вышгородским духовенством об иконах, ища среди них такую реликвию, которая могла бы освятить своим именем его дела. Ему указали на икону Богоматери в храме вышгородского женского монастыря, вокруг которой вышгородские попы уже создали ореол «чудотворной» силы. Рассказывали, что она не раз даже проявляла желание покинуть Вышгород и не раз «сходила» со своего места! Это было как раз то, что требовалось для политических планов Андрея: он понял, что «сия икона прешла всех образов», то есть стала особо популярной и чтимой. Вместе с тем это было и исключительное в художественном отношении произведение византийского мастера XI века, незадолго перед тем привезенное на Русь из Константинополя. Вопреки мертвящему церковному канону Богоматерь была изображена здесь художником не в образе гордой и неприступной «Царицы небесной», но в виде глубоко страдающей о грядущих судьбах своего ребенка молодой матери. Ее прекрасное тонкое лицо с маленькими губами и полными скорби глазами склонилось к младенцу, сидящему на руках и тянушемуся с детской нежностью к лицу матери. Сама утонченная живопись этой иконы прекрасно гармонировала с ее лиризмом и одухотворенностью, — сквозь нежную смуглую кожу лица просвечивал слегка играющий румянец, скорбные глаза матери как бы сияли изнутри полным любви и тревоги чувством. Эти черты реализма и волнующей эмоциональности, прорвавшиеся сквозь отвлеченные нормы церковного искусства, усиливали культовую действенность иконы: она ударяла по чувствам молящихся живостью и человечностью образа Богородицы.

Этой иконе и суждено было стать палладиумом Владимирской державы Боголюбского. Андрей увез ее с собой. «Уход»

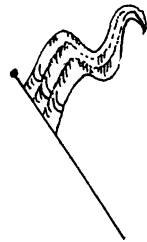
чудотворной иконы из Киевщины на владимирский север как бы продолжал развитие печерской легенды: тогда Богоматерь «покидала» Царьград для Киева, теперь она «покидала» Вышгород для Владимира. Княжеский поезд из Вышгорода во Владимир был похож на религиозную процессию, икону везли летом на сани, как, по русскому обычаю, возили новобрачных, мертвых или большие «святыни»; с иконой следовал захваченный Андреем из Вышгорода клир во главе с попом Микулой и диаконом Нестором.

Андрей и его спутники позаботились о том, чтобы еще в пути будущая главная «святыня» стольного Владимира продолжала «творить чудеса». «Сказание о чудесах Владимирской иконы» повествует, например, как был «спасен» проводник Андрея, искавший брода через разлившуюся реку Вазузу и увязший в топком дне, как при проезде через Рогожские поля взбесившийся конь сбросил ездового и подмял под ноги беременную попадью Микулы и как она избавилась от гибели¹⁵⁶. Наконец, когда княжеский поезд приближался к Владимиру и был неподалеку от устья Нерли, конь, везший сани с иконой, будто бы остановился, и никакая сила не могла его стронуть: «Ту же коня много били, а конь с того места не идет...» Это было главное из чудес, которые требовались на первых порах от новой «святыни»: здесь, на узле жизненно важных путей земли, Андрей вскоре построит свой пригородный замок. В свое время построенный Мономахом Остерский Городок, важный пункт в эпопее борьбы Юрия за Киев, тоже был освящен чудом — видением огненного ангельского столпа. Место княжеского замка на устье Нерли, сыгравшего столь важную роль в истории Андрея, также было представлено как исполнение «указания свыше», а самый замок получил название Боголюбово¹⁵⁷. Здесь был поставлен храм Рождества Богородицы, а на самом Нерльском устье — храм Покрова Богородицы — нового, установленного Андреем праздника в честь ее «заступничества» за владимирских людей и их князя. Над крутым берегом мелкой нерльской дельты был водружен путевой белокаменный крест, надпись на котором прославляла силу креста, «утверждающего» державу царей и церкви и благополучие верных им людей¹⁵⁸.

По-видимому, перенесение иконы Богоматери освящало и узаконивало в глазах современников и необычный курс Андрея на неограниченное «самовластье». Московские книжники XVI века, работающие над энциклопедией московского самодержавия «Степенной книгой», может быть, следуя каким-то историческим традициям, крепко связывали культ Владимирской иконы с «державством» Андрея: «И уже тогда Киевстии велиции князи подручни бяху Владимирским самодержцем. Во гради бо Владимери тогда начальство утвержашеся пришествием чюдотворного образа Богоматери. С ним же прииде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и державствова»¹⁵⁹.

Андрей не жалел огромных средств и для монументальной пропаганды культа Богородицы. Исключительное значение этого культа во Владимире было подчеркнуто посвящением ему новых храмов. Главный собор столицы по киево-печерской традиции был посвящен Успению Богоматери; здесь и была поставлена вышгородская икона, ставшая отныне Владимирской. Церковь на Золотых воротах посвятили празднику Положения риз Богородицы: подобно тому как церковь Благовещения на Золотых воротах Киева воспринимали символически, как предвестие славы столицы Ярослава, так и надвратный храм столицы Андрея был символом покровительства Богоматери, как бы простиравшей над своим городом свои одежды. Новому празднику Покрова Богородицы была посвящена церковь Покрова на Нерли. Рождеству Богородицы посвятили дворцовый собор Боголюбовского замка.

Князь и владимирское духовенство энергично укрепляли авторитет Владимирской иконы, ее чудеса предавались широкой огласке и служили поводом празднований и пиров. Так, после эффектно обставленного исцеления сухорукого владимирца поп Нестор «сотвори праздник и призва к себе князи и бояре, исцелевшего одаривше и пустиша и бысть радость велика во граде Владимере того дни...». Празднования Успения — престольного праздника городского собора — также устраивались как пышные впечатляющие торжества, великолепие которых поражало и ослепляло сознание народа¹⁶⁰.

Андрей, неустанно искавший новых способов приучить народные массы к мысли, что его политика находится под небесным «покровительством», не удовлетворился тем сильным воздействием, которое, несомненно, оказывал культ иконы Владимирской Богоматери. На службу этой политике был поставлен новый праздник Богородицы. Княжеские живописцы создали новый образ Богоматери, воплотив его в большой иконе Боголюбской Богоматери, где она была изображена молящейся перед Христом о заступничестве и милости. Вокруг этой иконы была также создана атмосфера чуда: рассказывали, что она «явилась» Андрею, когда он ночью молился в походном шатре над Нерлю на месте своего будущего Боголюбского замка. Этот образ и был, по-видимому, первоначальным иконографическим вариантом изображения нового праздника Богоматери — Покрова.

Уже достаточно давно признано, что праздник Покрова был установлен на Руси и праздновался только здесь, но исследователи колебались в определении места и времени его установления. Одни считали, что он был учрежден в Киеве в первой половине XII века (до 1157 года)¹⁶¹. Другие с гораздо большим основанием полагали, что праздник был установлен во Владимире в княжение Андрея Боголюбского¹⁶². Как и предшествующие церковно-политические мероприятия Андрея и Федора, этот акт установления нового праздника был осуществлен ими самостоятельно, без согласования с митрополитом.

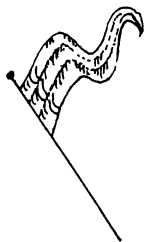
Дошедшие до нас в списках разного времени «Проложное сказание», «Служба» и «Слово на праздник Покрова»¹⁶³ с особенной яркостью раскрывают примечательные черты владимирского культа Богоматери.

Материалом для оформления праздника послужило Житие Андрея Юродивого, в котором описывалось, как во Влахернской церкви Константинополя ему «явилось видение» — Богородица, простиравшая над молящимися свое головное покрывало в знак «заступничества». Ссылка на этот сюжет жития есть в «Службе на Покров»¹⁶⁴. Поэтому и князь Андрей, устанавливая свой праздник Покрова, считал, что он не вымышляет чего-либо нового, но лишь «обновляет» забытое

без прославления «древле бывшее... чудное видение тоя»¹⁶⁵. Это давало основание для обхода митрополичьей санкции и самостоятельного установления праздника.

Как и в «Сказании о чудесах» Владимирской иконы, из строк «Службы» и «Слова на праздник Покрова» ярко встает образ города Владимира. Во владимирских церковных сочинениях получается так, что это о Владимире говорил древнееврейский пророк Исаия как о «горе Господней», увенчанной храмом; теперь-де это сбылось: «горы бо и холми украсишася многоименитыми церквами твоих [Богородицы] праздник»¹⁶⁶. А богородичных храмов во Владимире и Боголюбове было, как мы видели, очень много. Ее покровительство, по словам «Службы», простиралось не только на город, столь отмеченный ее храмами, но и на их строителя — «князя и людей»; Богородицу просили: «защити князя и люди от всякого зла», «спаси град и люди умножи, и дажь князю сдравие телеси, на поганяя победу»¹⁶⁷. Так из строк этих церковных сочинений с выразительной ясностью выступает формула «князь, город и люди», лежавшая в основе политической деятельности Андрея.

В чем же заключалась главная идейно-политическая суть «покровительства Богородицы»? Можно думать, что, кроме мысли о Богородице как специальной «покровительнице» города — мысли, развитой и в Царьграде, и на Руси, — праздник Покрова напоминал и об особом случае, когда Богородица будто бы защитила Царьград от русских при патриархе Фотии: теперь же она становилась «покровительницей» самих русских. В этом были особая острота нового праздника Покрова, его активная политическая направленность. «Покровительство» Богородицы, как свидетельствуют памятники Покровского культа, и относили к тем трудным ситуациям, среди которых прокладывал свою дорогу Андрей. В «Службе» постоянно обращение к Богородице о победе князя над врагами: «молися победу подати князю на врагы», «укрепи... славящего тя князя на противныя врагы»; ей молятся о ниспослании «мира мирови, а князем державы и утверждения...», «подати победу князю нашему и погубити на нас воюющих...»¹⁶⁸. Особенно выразительна восьмая песня канона — «гордыню шата-

ния низложи и совет неправедных князь разори, зачинающих рати погуби... и верному князю нашему рог [силу, крепость] възнеси»¹⁶⁹. Во всех этих строках молитв совершенно ясно звучит мысль о борьбе с феодальным хаосом, о жестоком сопротивлении, которое встречало тогда это рано начатое дело, вызывая заговоры и шатания «неправедных князь», зачинающих усобицы. Против всего этого было необходимо усиление княжеской власти, что было выражено здесь библейским оборотом «вознести рог». «Слово на праздник Покрова», составленное, по-видимому, в XII же веке, но дошедшее до нас в переработке XIV века, еще ярче формулирует эту основную политическую линию праздника Покрова. Богородица защищает своим покровом «от стрел летящих во тьме разделений нашего», от одного его [покрова] прикосновения «всяк союз злых решится [рушится] » и низлагаются «советы помышляющих злая на души наша и телеса»¹⁷⁰. Здесь особенно ясно и образно раскрыто основное зло, с которым боролись Андрей и наследники его дела, московские князья, — «тьма разделения нашего», рознь русских сил.

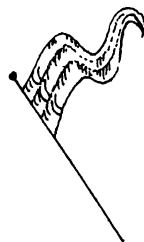
Так в стихах церковных песнопений и богослужебных текстов отражались насущные практические мысли и государственные заботы Андрея, а культ Богородицы приобретал острополитическое содержание и целеустремленность. Все эти тонко отточенные средства идеологического воздействия — высокое архитектурное совершенство храмов, красота новых икон, слова молитв и песнопений, прославлявших свой, владимирский культ Богородицы, — оказывали могучее давление на сознание народных масс, владимирских горожан и крестьянства. Народ проникался мыслью, что действительно за спиной их князя стоит непобедимая сверхъестественная сила. Зная это, можно понять реальную действенность этого культа и увидеть в записях летописи о том, что Богородица «гражаны свои [владимирцев] укрепляет»¹⁷¹, не только церковную риторику, но и действительную идеологическую опору.

Однако культ Богоматери при всем своем подчеркнуто «владимирском» характере отнюдь не приобрел узко местного значения. Напротив, во владимирских церковно-лите-

ратурных памятниках с не меньшей настойчивостью звучит идея «покровительства Богородицы» над всей Русской землей. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы» так же ясно стремление приписать ей покровительство и над широкой территорией всей Руси. Ее сила якобы проявлялась и в Твери, и в Муроме, и даже в далеком Переяславле-Южном¹⁷². В «Службе на Покров» автор призывает «все концы земля» почтить новый праздник, который князь и люди прославили не только в своем княжестве, но и «в рустей земли». Здесь, пожалуй, впервые суздальский северо-восток был охвачен понятием единой Русской земли, которое в позднейших переработках «Службы» закономерно зазвучит как «Российская земля». В практической борьбе с «тьмой разделения нашего» кристаллизовалась идея национального единства Русской земли¹⁷³.

Развитие владимирского культа Богоматери как очень популярного общерусского культа, видимо, вызывало беспокойство соседей. Так, в Новгороде, в противовес культу Владимирской иконы, выдвигается культ иконы Знамения Богоматери, которая будто бы помогала новгородцам, осажденным в 1169 году войсками Андрея. По словам позднего новгородского сказания, Богоматерь «верным же своим рабам [новгородцам] дерзновение дарова: по своем бо граде Богородица поборающе без крови победу показа». Так земная борьба переносилась на небо¹⁷⁴.

Таким образом, по своим развитым национальным идеям владимирская литература стоит посредине между литературой эпохи Мономаха — его «Поучением» и Повестью временных лет — и великим «Словом о полку Игореве». Она как бы связывает эти казавшиеся столь оторванными друг от друга моменты развития мысли о национальном единении Руси.

Развивая пропаганду культа Богородицы, Андрей и его церковные сотрудники, видимо, хорошо учитывали ту аудиторию, к которой обращались и рассказы о чудесах, и богослужебные песнопения. В них культ Богородицы был менее всего мистическим и отвлеченным, ее делали простой и повседневной участницей жизни города, помощницей в бедах простых людей. «Сказание о чудесах Владимирской иконы»

нарочито наивно, незамысловато, — икона будто бы больше всего помогает больным женщинам, избавляет от беды проводника-крестьянина, какого-то безвестного паралитика, каких-то владимирских людей, задавленных сорвавшимися тяжелыми створами только что отстроенного здания Золотых ворот, и т. п.¹⁷⁵

Укрепляя владимирскую церковь и прославляя ее «святыни», князь Андрей и епископ Федор не стеснялись приблизить к земле самое божество. И они достигли своей цели: культ Владимирской иконы приобрел широкую популярность и крепко завладел сознанием людей. Это сказалось, например, в любопытной детали болгарского похода 1164 года: когда Андрей с дружиной хотел воздать иконе благодарственное моление, оказалось, что она находилась «на полчищи» среди «пешцов», то есть той городской части его полков¹⁷⁶. Интересно, что аналогичный по своему характеру культ Покрова культ Богоматери *Misericordia* (Милосердие), возник на Западе позднее, в атмосфере расцвета коммунальных вольностей итальянских городов XIII—XIV веков. В Византии же того времени русский праздник Покрова не был признан.

Если справедливо относить к Андрею учреждение празднования Спаса 1 августа в связи с победой над болгарами¹⁷⁷, то и этот праздник был обращен главным образом к той же «покровительнице» Владимирской земли — Богородице. К ней направлены читавшиеся в этот день моления о «победе на враги», ибо она «все елико хошет свершает невозбранно и может». Что владимирский культ Богоматери действительно был разящим оружием в руках Андрея, лучше всего свидетельствуют рассказы летописи об острой ненависти к владимирскому Успенскому собору и его главной святыне, например, рязанских князей, которые в краткие минуты своего торжества как бы мстили храму Андрея его ограблением.

Но всей этой работы по развитию и владимирской локализации культа Богоматери было недостаточно. Одним из важнейших условий успеха начатой Андреем церковной политики могло стать доказательство древности христианства на северо-востоке и наличие местных «подвижников» церкви. На это и обращается особое внимание князя и епископа.

Мы видели, что, утверждая исторические права своей молотой столицы, Андрей выдвинул мысль о первоначальном основании города Владимиром киевским: «Свершен бысть град Владимир Залешский Володимером Манамахом, и созда в нем церковь камену святого Спаса, а заложил его бе прежде Володимер Киевский»¹⁷⁸. В указании летописи, что Андрей дал своему Успенскому собору «десятину», звучит явное припоминание о построенной Владимиром в Киеве церкви Богородицы, также обеспеченной десятиной от княжих доходов¹⁷⁹. Десятинная церковь Киева была «митрополъей», таким же мыслил Андрей и свой «десятинный» Успенский собор во Владимире. Андрей как бы сознательно подчеркивал сходство своих действий с работой «равноапостольного» предка. Поэтому не вызывает особых сомнений и цитированный выше рассказ Никоновской летописи о том, как Андрей держал торжественную речь к своим боярам при освящении Успенского собора, указывая, что он лишь «обновляет» город митрополией, так как право на нее уже дает принадлежность Владимира к числу первокрещенных русских городов, и он лишь восстанавливает это древнее право. Здесь встретились политическая и церковно-историческая концепции Андрея. Жизнь еще не давала ясного ответа о путях движения вперед, к объединению феодальной Руси. Зато позади был пример могучей державы Владимира и Ярослава. Начиная свою объединительную работу, Андрей «заимствует костюм» Владимира киевского и считает себя его продолжателем; идя вперед, он смотрит назад. Современник Андрея германский император Фридрих Барбаросса, стремясь к расширению своего государства и упрочению своей власти, также считал себя преемником императоров Рима и стремился подражать создателю «Священной Римской империи» Оттону, которого он и канонизировал в 1165 году.

Но если установление ранних связей Суздальщины с именем Владимира киевского находило опору в княжении его сыновей Бориса (в Ростове) и Глеба (в Муроме), а связанные с ними воспоминания особенно подчеркивались («становище» Бориса и Глеба на Кидекше), то гораздо сложнее было доказать давнюю христианизацию края, так как деятельность

первого ростовского епископа Леонтия была слишком близка и хорошо памятна. Но его «мученическая» смерть от руки «язычников» была очень выигрышным моментом в истории христианизации северо-востока. Когда в 1161 году на месте сгоревшего ростовского собора стали копать рвы для малой каменной церкви, то «обретоша мертвых много»; среди них, видимо, трудно было определить епископские останки. Однако одно погребение было признано могилой преемника Леонтия — Исаии. Затем, при рытье рва для передней стены храма, «обретоша гроб, и бе покровен двема дьскама... и отверзоша гроб, и видеша лицо великого Леонтия, светящеся яко свет...»

Так были «открыты» столь нужные для планов Андрея «мощи» местного пастыря церкви. Событие было обставлено с подобающей помпой. Андрей прибыл сам в Ростов и «целова святое тело и вси мужи его». Князь публично благодарил Бога, «яко сподобил мя еси сиецево съкровище в области моего царствия явити ми»¹⁸⁰.

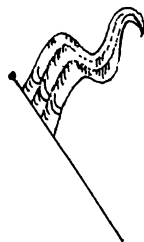
Естественно, что канонизация Леонтия не могла осуществиться в связи с острыми отношениями Федора и митрополита. Однако сразу же, между 1164 и 1174 годами, было составлено первичное «Сказание» о Леонтии. Самым существенным в этом «Сказании» было утверждение, что Леонтий — не первый епископ ростовский. Еще при Владимире якобы непосредственно от патриарха сюда были поставлены один за другим два епископа-грека Федор и Иларион, которые, однако, бежали, — Федор был просто изгнан «неверными», а Иларион «не стръпевшу же ему пребыти в Ростове — бежа...»¹⁸¹. Таким образом, был составлен «документ», утверждавший, что ростовская епископия искони была подведомственна непосредственно патриарху и имела все основания оставаться автокефальной. «Политическая тенденция автора (Жития Леонтия. — *Н. В.*), — пишет исследователь, — сказывается в желании поддержать попытку Андрея Боголюбского получить для Владимира самостоятельную, независимую от Киева епископскую кафедру»¹⁸². Хотя Леонтий был канонизован лишь при Всеволоде (1190), Андрей сразу же по открытии мощей начал заботиться о его церковном прославлении. При Боголюбовском дворце он построил по-

священную ему небольшую церковь¹⁸³. Есть основания думать, что в верхней комнате лестничной башни дворца была фреска, изображавшая Андрея, коленопреклоненного перед Богородицею, и стоящего позади нее епископа Леонтия. Открытие мощей и пропаганда культа Леонтия имели и особый политический смысл для внутренней борьбы Андрея со старобоярской знатью. Леонтий был убит ростовцами, а Андрей начал его прославление: в борьбе с оплотом знати — Ростовом на сторону Андрея становились и усопшие ростовские епископы.

Так одна за другой создавались церковные и политические легенды, направленные к одной цели — вящей славе Владимирской земли и утверждению древних корней христианства и княжеской власти на северо-востоке.

Это энергичное мифотворчество Андрея и владыки Федора не может нас удивлять. По-видимому, иной была и психология людей того времени, не искушенных точным знанием фактов своего прошлого и воспитанных в слепой вере церковному слову. В середине XII века, чреватой напряженной церковно-политической внутрирусской и международной борьбой, создавались и более смелые легендарные версии древней истории, например легенда о «посещении» Руси апостолом Андреем Первозванным. Этот миф углублял историю христианизации Руси до времен начального христианства, делая второстепенным «вторичное» крещение при Владимире, а следовательно, и роль Византии. Русский вариант легенды об Андрее Первозванном, явно носящий антивизантийский характер, делал его римским апостолом, а Рим — центром христианства. С большой вероятностью предполагают, что он вышел из кругов, сочувствовавших русскому митрополиту Климу Смолятичу, а может быть, даже и был составлен самим Климом. «Католическая» направленность легенды была особенно чувствительна в обстановке середины XII века. В 1169 году на Русь приходило посольство от папы Александра III, имевшее, возможно, целью обратить союз Ростислава киевского с Польшей против врага папы и Мануила Комнина — германского императора Фридриха Барбароссы¹⁸⁴. Но в этот момент на Киев уже шло войско Андрея Боголюб-

ского, и, может быть, этот поход был продиктован среди прочих и внешнеполитическими соображениями. Не исключено, что на Западе было известно о конфликте между патриархом и Андреем, и посольство направлялось не в Киев к Ростиславу, а к Боголюбскому¹⁸⁵. Не случайно к своему владимирскому строительству он привлек каких-то романских зодчих или русских мастеров, хорошо знавших романскую архитектуру: отталкиваясь от Византии, Андрей смотрел на Запад.

Но это не значило, что Андрей имел какие-либо намерения заменить патриарха папой, а Византию — Римом. В этом отношении он был, конечно, подобен князьям Галича. Известный Бернард Клервоский, намеревавшийся проповедовать католицизм в Галичской земле, получил от краковского епископа Матфея следующее расхолаживающее разъяснение: «Он (русский народ. — *Н. В.*) не желает сообразоваться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделяясь от той и другой, не превышает ни с одной в общении таинств...»¹⁸⁶. Андрея Боголюбского прежде всего интересовала самостоятельность Русской земли: поворот на Запад был лишь умным политическим маневром в тяжелой борьбе с византийским влиянием — не больше.

Итак, трудами князя и владыки Федора церковный авторитет Владимирской земли был поднят высоко: история христианства и церкви здесь была «обоснована» с помощью местных легенд. Владимир обладал теперь своим палладиумом — Владимирской иконой, а Северо-Восточная Русь — своим святым, епископом Леонтием, гробница с «мощами» которого была поставлена в новой ростовской каменной церкви. Церковно-политическое значение владимирского Успенского собора теперь было усилено превращением его в главную усыпальницу княжого дома и епископов. До того такой родовой «гробницы» не было. Прах Юрия приняла под свои своды Берестовская церковь в Киеве. Сын Юрия Борис и его жена были погребены в Борисоглебской церкви в Кидекше, — здесь их пышные затканые золотом погребальные одежды рассматривал в 70-х годах XVII века любознательный суздальский воевода Тимофей Савелов¹⁸⁷. Во владимирском Успенском соборе Андрей похоронил своих сыновей Изя-

слава (1165) и Мстислава (1173), брата Ярослава Георгиевича (1166), а в 1174 году был похоронен сам.

Оценивая заманчивую перспективу освобождения от власти киевского митрополита, владимирская церковь оказывала активную помощь Андрею в непосредственно политической сфере. Взятый им курс на резкое усиление своей личной власти и подчинение ей остальных русских князей был слишком необычен, чтобы не нуждаться в верховной санкции церкви. И он нашел опору в сочувствовавших его политике местных церковных кругах. Новое учение о княжеской власти выразилось ярче всего в «Повести» о кончине Андрея. В ней, видимо, были подытожены те идеи, которые кристаллизовались в процессе длительной предшествующей работы церковной мысли в его княжение. Здесь право Андрея на единодержавную власть оправдывается авторитетом апостольских посланий и отцов церкви: «всяка душа властей повинуется, власти бо от Бога учинены суть; естеством бо царь земным подобен есть всякому человеку, властью же сана вышши, яко Бог; рече же великий Златоустец иже кто противится власти, противится закону Божью, — князь бо не туне носить меч, Божий бо слуга есть...». Так писал автор «Повести», проклиная убийц князя и осуждая восстание против него, которое произошло — лишь потому, что восставшие не знали известной истины: «идеже закон — ту и обид много»; это «оправдывало» и жестокие законы феодального строя, и бесчинства княжих слуг, и их необузданный произвол. Как увидим, и в описании поражения войска Андрея под Новгородом в 1169 году изворотливая логика владимирского летописца-церковника придала этому нелестному для Андрея сюжету благовидное религиозное истолкование и представила дело так, что рука Андрея была «Божьим орудием», которым небо хотело лишь припугнуть клятвопреступников-новгородцев¹⁸⁸.

Таким образом, церковь услужливо обставляла «самовлажество» Боголюбского ссылками на божественные книги, подводила фундамент церковно-монархической теории под его действия, укрепляя его авторитет в глазах народа. Любопытно, что даже автор злобного памфлета на казненного в 1168 году епископа Федора счел нужным польстить Андрею,

обмолвившись о его «царской» деснице, которая покарала «ложного владыку».

Эпитет «царский» и термин «царь», идущий из греческого, применялся в XII веке к тому или иному князю либо в фигуральном смысле для образного определения его реальной силы или авторитета, либо в виде откровенной лести. Так, Юрий Долгорукий с подчеркнутым самоуничижением предлагал в 1149 году своему племяннику и врагу Изяславу «царствовать» в Киеве. Воины Изяслава величали его «царем», «царем» назван он и в летописном некрологе. Именование «царем» усопшего князя было обычным в надгробном причитании вдовы-княгини («царю мой благодатный, кроткий, смиренный, правдивый»). «Держава самовластна ко Богу изваяная славою паче звезд небесных» — это наиболее изысканный комплимент в панегирике князю¹⁸⁹. В «Службе» на праздник Покрова порой слово «князь» заменяется «царем»¹⁹⁰. В устах же автора «Повести» о смерти Андрея отождествление княжеской власти Андрея с царской звучит уже не как литературный трафарет, но как сознательно выдвигаемая теория. Не случайно позже владимирское летописание присвоит Всеволоду III титул «великого князя». Таким образом, церковная мысль довольно ясно понимала скрытую тенденцию политики Боголюбского, может быть, еще не вполне ясную и ему самому, и укрепляла ее всеми доступными ей средствами.

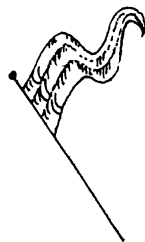
Но если ореол власти Андрея мерцал уже «царскими» тонами, то это не могло не затронуть более широкого вопроса о соотношении с властью византийских императоров. В иерархии чинов Византии русские князья обладали весьма незначительным рангом, приравниваясь к начальнику округа¹⁹¹. Единственным же «царем ромеев» во всей вселенной согласно буквальному толкованию слов Священного Писания: «Бога бойтесь — царя чтите» — был византийский император. Поэтому, например, узурпировавший императорский титул Фридрих Барбаросса в глазах византийцев не имел никаких прав на это¹⁹². Таким образом, перед Андреем возникла необходимость идти дальше и создать новую легенду — об известном равноправии с византийским императором Мануилом. Это было вдвойне сложно потому, что Андрей не мог похвалиться

близким родством с императорским домом, которое ставило, например, в особое положение его деда, сына греческой принцессы — Владимира Мономаха и в особенности сводного брата Андрея от мачехи-гречанки — Василька, которого византийский историк Киннама именовал «старейшиной русских князей»¹⁹³. А в жилах Андрея текла русско-половецкая кровь! Но это его не остановило.

Проповедь идеи о богоустановленности власти на земле началась на Руси до Андрея. При этом церковь, естественно, развивала ее по отношению именно к тем князьям, которые обладали наибольшим авторитетом. Еще о Владимире киевском епископы говорили, что он «поставлен от бога на казнь злым, а добрым на помилование». Митрополит Иларион называл Ярослава «сотворенным Богом наместником» Владимира. Митрополит Никифор в своем послании Мономаху писал, что его «бог издалека проразумел и предповелел... из утробы освятил и помазал». Но это все — намеки; в отношении же власти Андрея проводится полностью византийская концепция о ее «божественности», то есть теория, уравнивающая его с византийскими кесарями¹⁹⁴. Это, по сути, та же мысль, которая лежит в основе «одиннадцатого чуда» Владимирской иконы.

Этим «одиннадцатым чудом», вынесенным в «Сказание о чудесах Владимирской иконы» на первое место как особо важное, была победа Андрея над волжскими болгарами. Рассказывалось, что она якобы совпала с победой императора Мануила над «срачинами», в связи с чем оба властителя решили установить праздник Спаса и Богородицы 1 августа. Андрей, «благочестивый царь наш и князь», выступает в «Сказании» как лицо, почти равноправное ромейскому владыке «отцу Маноилу», с которым Андрей живет «мирно и в братолюбивии». Все это имело под собой столь же мало исторической почвы, как и позднейшее московское «Сказание о князьях Владимирских»; мысль автора понятна: если приравненный начальнику городского округа русский князь не имел никаких прав на участие в делах церкви, то некоторое, пусть вымышленное, приближение к императору создавало прецедент прав на самостоятельное учреждение митрополии. Позже, в XIII веке, во введении к повести об Александре Невском

(«Слово о погибели русской земли»), возникшей в той же Владимирской земле, «кюр Мануил цесарегородский» будет превращен в современника Владимира Мономаха, которому он «великия дары посылаша», «опас имея... абы под ним великий князь Володимер Царя-города не взял...». Так развивалось на владимирском северо-востоке представление о русско-византийских отношениях, создавая основание для позднейших генеалогических легенд «царственной Москвы»¹⁹⁵.

Само идеологическое оформление похода 1164 года как похода на неверных, напоминает о крестовых походах Запада, которые наполняли своим шумом Европу и которым, может быть, сознательно подражал Андрей. Даже византийская культура этого времени была сильно проникнута романским влиянием, а император Мануил, «этот западник и рыцарь на троне Константина», был любителем рыцарских турниров¹⁹⁶. Участие Владимирской иконы в походе Андрея было в то же время и явным подражанием обычаю византийских императоров: там была специальная икона, которую возили в походы. Мануил после победы 1167 года над паннонцами торжественно ввез эту икону в Константинополь. Таким образом, совершенно ясно демонстративное усвоение Андреем императорского византийского военного обычая.

Вся эта идеологическая работа по освящению власти Андрея и приданию ей характера власти феодального монарха шла наперерез старым феодальным представлениям и существующим междукняжеским отношениям. Князья Руси поняли это позднее, когда спор Андрея с Ростиславичами выявил его стремление низвести их на роль простых «подручников»-вассалов. Но это же усиление княжеской власти встретило горячее сочувствие горожан, видевших в нем залог успешной борьбы с феодальной рознью и усобицами. Это единство — «князь, город и люди», отразившееся, как мы видели, с такой силой в «Службе на Покров», наиболее ярко свидетельствует, что Андрей, подобно королям Запада, опирался на союз с горожанами и прокламировал его в церковно-служебных сочинениях.

Теперь, после того как перед нами прошла вся церковно-политическая жизнь 1160-х годов, мы можем вернуться к лю-

бимцу и помощнику Андрея епископу Федору. Для нас сейчас не важно, был ли он формально посвященным епископом, или был лишь наречен, или же правы враждебные ему источники, именующие его «лживым владыкой». Важно другое, — что грек Леон, фактический епископ ростовский, был почти все это время вне Владимирской земли, а когда ненадолго пребывал там, то всячески притеснялся и вскоре изгонялся Андреем, поддерживавшим Федора. Несомненно, таким образом, что, кроме соборного духовенства — попов Микулы и Лазаря и дьякона Нестора, — во всей этой литературно-политической и церковной работе руководящую роль играл Федор. Он был правой рукой князя во всех этих делах и нес ответственность за их последствия. А они были, как мы видели, весьма значительны и в церковном, и в политическом смысле и дерзко нарушали интересы не только русских князей и киевского митрополита, но и самого «восточного Рима».

Как же оценивалась эта деятельность Андрея и Федора их современниками? Источники, как правило, оставляют в тени эту сторону жизни Владимирской земли. Тем не менее в наших руках есть сочинение писателя и проповедника XII века епископа Кирилла Туровского, бросающее яркий луч света на происходящее.

По-видимому, в связи со своей церковной политикой Андрей обратился к Кириллу с посланием об интересовавших его вопросах церковного права и догмы, и Кирилл, по словам его Жития, «Андрею Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророческих указаний, и яже суть на праздники Господския слова и ина многа душеполезная словеса и си вся и ина множайшая написа и церкви предаде»¹⁹⁷. В каком тоне и о чем писал Андрею туровский епископ специально по делу Федора, ясно говорит другое место того же Жития: «Федорца же, еретика епископа, за укоризну тако нарицаемого, сего блаженный Кирилл ересь обличи и проклят его...»¹⁹⁸.

Из числа обличительных «слов» Кирилла Туровского, направленных против Федора (если полагать, что их было несколько), известна «Притча о человечестве души и о телеси, о преступлении Божия заповеди, и о воскресении телес че-

ловечь, и о будущем суде, и о муце». В этой притче остроумно использован сюжет о слепце и хромце, которые, поставленные охранять виноградник, решили обокрасть «вся благая» своего господина: слепой посадил хромого на плечи, они совершили кражу, но господин узнал об этом и изгнал обоих. Под слепцом весьма открыто разумеется Андрей, споспешествовавший хромцу — Федору. Внимательно вчитываясь в текст притчи и разбирая сложный смысл ее символических толкований и отступлений, можно получить новые строки для истории епископа Федора. Кирилл, видимо, не напрасно направляет искусно отточенные стрелы своего поучения против тщеславных, которые угождают большим людям, а многих меньших презирают своей «буестью»; Бог отнимает у таких гордецов данный им «талант». Но ничто так не мерзко Богу, как самоуверенная гордость того, кто дерзнет взять на себя духовный сан «не о бозе», — вот основной мотив поучения Кирилла! Он подчеркивает, что одному из героев притчи уподобляется некий церковник, который «через закон (то есть помимо закона. — *Н. В.*)... священническаа ищет взяти сана» и который, будучи недостоин даже иерейства, «имени деля высока и славна житиа, да епископский взыти дерзну сан». Собственно из этого пренебрежения Федора к законному пути посвящения в епископский сан Кирилл выводит мысль и о его ереси — «разумном грехе». Никто из правоверных не дерзнет принять священнический сан «не о бозе», то есть не по церковным правилам, так как все правоверные боятся кары своей душе на Страшном суде. Так дерзновенно преступать церковные каноны может только человек, считающий свою душу «суетным паром», который развеет ветер, и не думающий о воскресении мертвых. «Горе в разуме согрешающим!» — восклицает Кирилл. «Древа разумения зла и добра» вкусил Адам и был изгнан из рая, того же древа вкусили еретики, которые думали, что своей злохитростью знают правый путь души, но заблудились и без покаяния погибли. Отсюда рукой подать до отрицания бессмертия души! Есть единственный путь спасения — раскаяние в совершенном грехе и изгнание лживого епископа. К этому идут все витиеватые доказательства и толкования Кирилла. Рассказ

о плачевном финале истории о слепце и хромце, Кирилл угрожающе восклицает: «Разумейте же ныне, безумнии сановницы и буи в иереих! Когда умудритесь? Господь бо... измещает нечестивых из власти, изгонит и нечестивых от жертвенника, никый же бо сан мира сего от муки избавит, преступающих Божия заповеди»¹⁹⁹.

Из этого литературного памятника совершенно ясно, как реагировали некоторые крупнейшие деятели церкви на деятельность Андрея и Федора. Кириллу была ясна «историческая ценность» слагавшихся во Владимире произведений. Именно поэтому он и не стесняется сопоставить Андрея и Федора, «буих» «сановника» и «иерея», с обманщиками и ворами — «хромцом и слепцом». Это говорит о глубине развязанных политических страстей. Кирилл, призывая прислушаться к выводам его притчи, в то же время предвидит и такого читателя, который «зол слух имать» и «не ищет, что бы ему на ползу обрести, но зазирает чимже бы нас потязал и укорил». Иными словами, идеи, лежавшие в основе политики владимирского князя и церкви, встречали не только противников, но и таких сочувствующих, которые могли со знанием дела разобраться в «притче» Кирилла и выступить с возражением. Думается, что таким оппонентом был прежде всего сам князь Андрей.

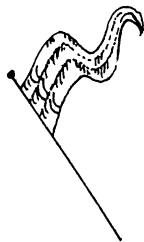
Церковная политика Андрея и его верного помощника — «ложного владыки» Федора вызвала столь яростную ненависть митрополита и русских князей, не желавших усиления власти Андрея, что самые сведения об этой стороне владимирской истории были вытравлены из летописания. Лишь под 1169 годом в Лаврентьевской и под 1172 годом в Ипатьевской летописях мы находим пространную вставку, рвущую ткань примыкающих рассказов и повествующую о конце епископа Федора. Это, собственно, даже не повествование, а озлобленное обличение, направленное против сраженного врага, чья память еще пугает и должна быть искажена. Этого автор достиг при помощи тяжких обвинений Федора и со вкусом сделанного описания чудовишной казни, поучительно грозной для единомышленников Федора. Приводим эту вставку почти целиком. «В тот же год чудо сотворил Бог и свя-

тая Богородица новое во Владимире городе: изгнал... злого, и пронирыливого, и гордого обманщика лживого владыку Федора из Владимира от Златоверхой церкви святой Богородицы и от той всей Ростовской земли. Не захотел [Федор] получить благословения [от митрополита], удалялся от него, и так этот нечестивец не захотел послушаться христолюбивого князя Андрея, велевшего ему идти ставиться к митрополиту в Киев... Бог, когда хочет показнить человка, — отнимает у него ум, так и над этим сотворил Бог, отняв у него ум. Князь же хотел ему только добра. Этот же [Федор] не захотел поставления от митрополита, но и церкви все во Владимире затворил и ключи церковные взял, и не было ни звона, ни пения по всему городу. [Так же] и в соборной церкви, в которой чудотворная Матерь Божия и все другие ее святыни... и эту церковь [Федор] дерзнул затворить и так разгневал Бога и святую Богородицу и был изгнан в тот день месяца мая, в 11 день на память святого Ивана Богослова. Много пострадали от него люди в его правление, и сел лишились, оружия и коней, другие же попали в рабство, заточение и были ограблены. Не только простым людям, но и монахам, игуменам и иереям он был беспощадным мучителем: одних он обезглавливал или резал бороды, иным выжигал глаза и вырезывал язык, иных распинал на стене, мучая немилостиво, стремясь овладеть всех их имением; имением же он не мог насытиться подобно аду. Послал же его Андрей к митрополиту в Киев; митрополит же Константин обвинил его во всех преступлениях и повелел его сослать на Песий остров, и там его обрубili и отрезали язык как злодею еретику, отсекали правую руку и ослепили, так как он произнес хулу на святую Богородицу. Грешники истребятся на земле, как будто их не было... Так же и этот не имел покоя до последнего издыхания, — уподобившийся злым нераскаявшимся еретикам погубит свою душу и тело. И погибла память его с шумом — так чтут бесы почитающих их, так и этого довели бесы, вознеся мысль его до облаков, и сделав из него второго Сатанаила, и сведя его в ад. Обратилась болезнь на главу его, и на верх его снизошла неправда: ров изрыл, ископал яму и сам упал в них. Так зло испроверг он свою жизнь». Далее следует молитва «кротких людей» Ро-

стовской земли, «озлобленных... от звероярдивого Федорца». «Это мы написали, — заключает автор свой текст, — чтобы некоторые не наскакивали на святительский сан, но только те, кого позовет Бог... Кого благословят люди на земле — будет благословен, а кого люди проклянут — будет проклят. Так и этот Федорец — не захотел благословения и удалился от него: злой зло и погибнет» (перевод)²⁰⁰.

Эта вставка и теперь способна волновать своей горячей напряженностью. Невольно кажется, что ее автор только что вычеркнул неугодные записи летописи и затем, удовлетворенный, внес в нее свой отравленный ядом ненависти рассказ. Но его страстность и ярость подрывают наше доверие ко многому в этом тексте. В нем бесспорно одно — Федор не захотел пойти на благословение к митрополиту. По правилам церковный суд над духовным лицом не карал смертью; Федора же, видимо, считали просто самозванцем и мирским человеком. Но это все же не убеждает в справедливости свирепой казни; отсюда необходимость такой меры клеветы на Федора, которая оправдала бы зверство расправы над ним. Так появился устрашающий перечень его злодейских мучительств, запретов богослужения, грабительства и мздоимства. Мы знаем, что владимирская церковь была щедро награждена за свою работу широкой рукой Андрея. Лучшие села округа были в руках епископа Федора, в его казну стекались огромные богатства. Федор был крупнейшим феодалом, и нет оснований думать, что он стеснялся эксплуатировать своих смердов. Он был типичным в своем роде представителем той жестокой эпохи. Можно не сомневаться, что Федору приходилось прибегать к крутым мерам в борьбе с противниками князя и своими. Вероятно, что среди духовенства во Владимире и его крае были сторонники митрополита, и Федор налагал запрет на их церкви. Может быть, он додумался до своего рода инквизиции; более чем вероятно, что он прибегал к вымогательствам и угрозам. Но самый подбор слов (и, в частности, эпитетов), налитых желчью и злобой, стремление всеми средствами очернить имя Федора заставляет нас осторожно отнестись к сведениям этого документа. Он должен был оправдать в глазах современников

жестокость палачей и, вероятно, сильно сгущал краски в характеристике Федора.

Можно думать, что и самый конфликт Андрея и Федора сильно преувеличен. В «Притче о слепце и хромце» Кирилл очень откровенно соединяет Андрея и Федора, обличая их общий грех против церковных преданий и правил. Федор мог возражать князю, даже спорить с ним, но Андрей слишком дорожил своим любимцем, чтобы предать его. На это могли подвигнуть князя лишь безнадежность борьбы и страшная для средневекового человека угроза анафемы.

Нужно подчеркнуть, что не владимирцы страдали от Федора. Его враги были там же, где и враги Андрея, — в Ростове. Энергичный, «звероядивый Федор» «озлобил» «кроткие люди ростовской земли». Среди них были и духовные — вероятно, сторонники митрополичьего права, и обладатели имений, коней и оружия — знатные ростовские бояре.

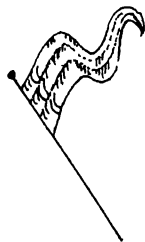
Мы не знаем, в чем заключалась «ересь» Федора, который якобы «измолвил хулу» на саму «святую Богородицу». Федор был по натуре крайне дерзок; как предполагают, он, даже будучи наречен епископом, не разошелся с женой. Может быть, это послужило поводом для длинных рассуждений в грамоте патриарха Луки Хризверга о преимуществах «девства» над браком. Возможно, что в пылу спора Федор и оступился в этом вопросе. Но вероятнее другое объяснение. Федор мог воспротивиться решению Андрея послать его на митрополичий суд и в виде протеста затворил владимирские церкви и Успенский собор — в этом и была его «хула на Богородицу»²⁰¹.

Любопытно, что автор мрачного повествования о деяниях Федора как бы стремится позолотить явно неприемлемые для владимирцев клеветнические строки. Он называет Андрея, уже уступившего в борьбе с митрополитом, «царем», льстя его мудрой карающей «царской руке». Если Федор действительно, сопротивляясь решению Андрея, наложил интердикт на Владимир и его храмы, то это дало удобный повод, чтобы само изгнание Федора объяснить как «новое чудо» Владимирской иконы, которая якобы «извергла» Федора, создателя славы этой самой иконы: «чудо сътвори Бог и святая Богородица новое Володимири городе, изгна Бог

и святая Богородица Володимирская... лживого владыку Федорца из Володимирия...». Есть основания думать, что вставка о епископе Федоре, напоминающая изложение судебного следствия над ним и описание его итога — казни, внесена во Владимирский летописный свод 1177 года по указанию самого митрополита²⁰².

Все это повышает наше доверие к показаниям о Федоре позднего Никоновского свода, проникнутого большим спокойствием в его оценке. Скептицизм исследователя к этому тексту едва ли вполне оправдан²⁰³. В литературе не раз указывалось на вероятность каких-то старых источников этого свода. В его рассказе о Федоре есть и реальные черты, которые едва ли могли быть «сочинены» редактором XVI века. Федор был, если верить ему, сестричич (сын сестры) боярина киевского Петра Бориславича, постригшийся в Печерском монастыре в Киеве²⁰⁴. По-видимому, это был умный, властный, смелый и яркий человек, красивый внешне и блестящий оратор: «бе же сей дерзновенен зло и безстуден, не срамляше бо ся сей ни князя, ни боарина, и бе телом крепок зело и язык имеа чист, и речь велеричиву, и мудрование кознено, и вси его боахуся и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати, неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху». Подобная фигура была под стать Андрею — вместе они образовали могучую и напористую в своей энергии силу. Едва ли случайно образ Федора, связанного с деятельностью Боголюбского, имеет в Никоновской летописи общие черты с образом знаменитого «лживого владыки» XIV века Митяя, которому покровительствовал Дмитрий Иванович московский.

Судьба епископа Федора и ярость обрушившегося на него суда станут нам понятны, если мы вспомним историю русских ставленников во главе русской церкви за XI—XII века. Если митрополит Иларион избежал кары, то второй ставленник Ярослава, новгородский епископ Лука Жидята, был подвергнут суду Иларионова преемника, митрополита-грека Ефрема. Лука был популярен в Новгороде, а материалом для обвинения послужила лишь клевета одного из епископских холопов²⁰⁵. Постановлением Клим Смолятича собором

русских епископов Изяслав удовлетворял также, очевидно, желаниям киевлян; Клима был столь любим ими, что с ним должен был считаться и его противник Юрий Долгорукий. Сменивший Клима грек Константин сурово расправился с его сторонниками, ряд епископов был смещен и заменен греками или отлучен от церкви, часть их лишили сана. Софийский собор был заново освящен как оскверненный службой схизматика Клим (испровергше Климову службу); наконец, покойный князь Изяслав, любимец киевлян и инициатор избрания Клим, был предан торжественной анафеме²⁰⁶. «Можно представить себе, какое впечатление должны были произвести на русских, в особенности на киевлян, эти первые шаги нового митрополита-грека. Все были посажены на скамью подсудимых, начиная с мирян и кончая епископами и князьями... Для киевлян такие акты нетерпимости со стороны митрополита-грека едва ли могли представляться справедливыми...»²⁰⁷.

Для византийской политической системы была характерна теснейшая связь власти императора и церкви, причем церковь подчинялась светской власти. Но столь откровенное для Руси объединение меча политической власти и «меча духовного», которое оказалось реализовано в деятельности Андрея и Федора, вызвало острое сопротивление митрополита и Византии. Этот союз церкви и князя делал несравненно более мощным союз князя и горожан, а следовательно, умножал силу новой Владимирской державы, что никак не входило в планы императора и патриарха. В иных условиях, двумя веками позже, когда Византия быстрыми шагами пойдет к упадку, — московские митрополиты Петр и Алексей за действительную помощь объединению Руси получают нимб святых. В XII же веке их предшественник владыка Федор погиб в муках как еретик и самозванец, предрешив и кровавую трагедию смерти Боголюбского.

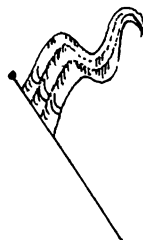
В свете всех этих обстоятельств становится еще более понятен масштаб «митрополичьей неправды», определившей ярость разгрома Киева войсками Андрея.

VI. Литература

Теперь, после того как мы познакомились с общим характером и направлением церковно-политической жизни 1160-х годов и ее письменными памятниками, мы должны обратиться к их литературно-художественным особенностям и памятникам андреевского искусства, которые позволят нам еще глубже войти в идейный мир этого времени.

Как ясно из предшествующего изложения, литературные интересы времени Андрея были сосредоточены на разработке тем, связанных с его церковно-политическими мероприятиями. Литература была замкнута в скорлупу церковных задач: прославления чудес палладиума русского северо-востока — Владимирской иконы Богородицы, оформления церковно-служебными произведениями нового праздника Покрова, подготовкой материалов для канонизации нового местного «святого» — ростовского епископа Леонтия. Далее на очередь становится организация владимирского летописания, но и оно на этом начальном этапе находится в руках церковников, и история облекается в церковные тона, изображается как проявление «чудесной силы» тех же владимирских святых.

Но кипучая политическая жизнь 60-х годов XII столетия врывается и в этот замкнутый и мертвый мир, не только вводя злободневные идеи в само содержание новых церковных мифов, но налагая свой отпечаток на стиль и саму художественную фактуру этих сочинений. Направленные вместе с искусством на всестороннюю обработку сознания народных масс в духе воспитания слепой веры в силу и непогрешимость княжеской власти, стоящей под защитой небесных сил, в правоту ее политической работы, владимирские церковные витии рисовали идеализированный, лучезарный мираж полного единства интересов князя и народа. Это было весьма важно для упрочения союза «князь, город и люди». Это неизбежно требовало всемерного приспособления литературных произведений к пониманию народа, отхода от сухих, мертвящих

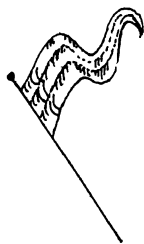
трафаретов и форм к простым образам, к живости и красочности народного языка.

Как и искусство времени Андрея, литературное творчество этой поры исходило из киевского наследия. Автор жития Леонтия Ростовского «всецело следовал киевской агиографической традиции, текстуально приближаясь к анонимному “Сказанию о Борисе и Глебе” и к “Слову о законе и благодати” киевского митрополита Илариона»²⁰⁸. Авторы «Сказания о чудесах», «Службы» и «Слова на Покров» знали произведения киевской гимнографии, посвященные памяти княгини Ольги и Владимира киевского, и учились на этих образцах. Но они внесли и много нового, своего. Оригинальными чертами были аргументация русского значения культа Богоматери и переработка его в преимущественно русский культ. Призванный упрочить позиции Андрея и дать массе владимирских «мизинных людей» уверенность в правоте его действий, этот культ неизбежно приобретал новый отпечаток. Связанные с ним произведения литературы и искусства должны были стать понятными непросвещенным людям, затрагивать их кровные интересы и волновать их чувства, и владимирские писатели и художники сумели решить эту тонкую задачу, поставленную всей политикой Андрея и преданного ему духовенства.

«Сказание о чудесах Владимирской иконы», по-видимому, было значительно обширнее, чем тот его текст, который уцелел в поздних рукописях и был издан В. О. Ключевским. Несомненно, что в первоначальный цикл рассказов включался и важнейший по значению рассказ об остановке коня, везшего икону, на месте будущего Боголюбовского замка. Упоминание об этом в Новгородской летописи носит характер заимствования из «Сказания», с которым был явно знаком летописец, называющий и главных вышгородских спутников Андрея — Микулу и Нестора²⁰⁹. Возможно, что и ряд мотивов, отразившихся в Никоновской летописи, в частности, уже цитированный рассказ о совете Андрея с боярами об организации митрополии, также включался в «Сказание». На это может указывать ряд общих словесных штампов в обоих памятниках (например, формула «Князь Андрей глагола

к боярам») ²¹⁰. Может быть, рассказ о Федорце и его казни, помещенный в летописи, также предполагалось позже внести в ряд чудес «Сказания» — в рассказе особенно подчеркивается, что изгнание Федора было «чудом» Богоматери; однако свежесть памяти о стараниях Федора прославить Богоматерь и ее Владимирскую икону не позволила сделать этого. После смерти Андрея духовенство продолжало создавать новые чудеса иконы, приписывая ее помощи удачу важных политических дел. Их усердно записывали и в летопись; таково «чудо новое» «помощи» Владимирской иконы горожанам Владимира во время междоусобицы, а затем «явление» иконы во время похода Всеволода III на Мстислава и ростовцев. Возможно, что они вписывались в особый сборник чудес также и при Всеволоде: они находятся в их общем составе в позднейшей «Повести на сретение Владимирской иконы» в «Степенной книге»²¹¹. Таким образом, есть основание думать, что «Сказание о чудесах» было и более пространным и более насыщенным злободневными темами владимирской жизни. Предполагают, что уже при Андрее оно составляло особое собрание записей о чудесах Владимирской иконы, составленное преданными Андреем людьми²¹². Но основной цикл чудес, составляющих «Сказание», сложился, очевидно, в тех же пределах до 1165 года, когда оканчивается и строительство во Владимире и Боголюбове.

Что касается самого текста «Сказания» в том виде, как он издан В. О. Ключевским по позднему списку середины XVII века, то мы полностью разделяем и его вывод, что это «памятник северо-русской литературы XII века», и его аргументацию этого заключения. Это «древнейшая серия чудотворений образа, которые в этом изложении сохранили свой наивный первобытный вид»; самый язык и орфография текста убедили Ключевского в том, что писец XVII века, переписывая более древний оригинал, пощадил и часть этих особенностей. «Эти особенности, простота изложения и, наконец, отношение автора к действующим лицам рассказа, о которых он выражается так, как будто они известны всем, для кого он составлял свою повесть, — все это дает некоторые основания догадываться, что рассказчик был очень близок к рассказыва-

емым событиям». Таким образом, мы имеем право говорить и о литературных особенностях «Сказания» как особенностях XII века²¹³.

Мы уже отмечали, что культ Богоматери во Владимире, обращенный ходом политической борьбы в средство сплочения вокруг Андрея поддерживавших его «мизинных людей», должен был стать доступным их пониманию и утратить черты отвлеченности. Это особенно ярко выразилось в самой художественной фактуре текста «Сказания». Язык его десяти рассказов очень выразителен и ясен, насыщен точными бытовыми терминами того времени, например, в описаниях одежды и убора. Самые рассказы о чудесах просты по построению и кратки, в них нет никаких нарочитых литературных украшений и искусственных приемов, столь характерных для торжественного и витиеватого литературного стиля церковных писателей того времени — таких, как, например, Кирилл Туровский и Клим Смолятич. Эти рассказы кажутся бесхитростными записями современника, почти не переработанными для какого-либо официального употребления, резко отличаясь в этом смысле от сложного построения рассказа о болгарской победе, насквозь надуманного, тенденциозно направленного и обоснованного приведенной тут же летописной цитатой. Придерживаясь разговорного течения мысли, эти «сказания» уподобляются народным сказам, создавая впечатление реальности чудес, умело и тонко вплетенных в ткань бытовой обстановки, связанных со знакомыми местами города и известными людьми.

Вот, например, удивительные по лаконизму и почти летописной деловитости рассказы о «четвертом» и «шестом чудесах». «По неколицех же временех пришедшу празднику госпожину дни. Князь же Андрей на каноне стояше во церкви, пения лики сотворяя, а сердцем боляше: бе бо княгиня его боляше детиною болезнию — два дни напрасно боляши. Яко по каноне бысть, омывше водою икону пресвятыя Богородица, посла ко княгине. Она ж вкуси воды тоя и роди дитя здраво и сама бы [сть] здрава том часе молитвам святыя Богородицы». Или: «Чудо шестое. Боляшет некая жена в Муроме сердечною болезнию. И слышавши о иконе святей Богороди-

цы бываемая чудеса и посла в Володимерь кунсь (драгоценности. — *Н. В.*) к святей Богородицы в клирос и воды взяти от святыя Богородицы иконы. И яко принесоша воду, вкусивши и бысть здрава, и нача не чюти сердечныя болезни»²¹⁴. Если эти два рассказа слишком кратки и скупы на жизненные подробности, то замечательным образцом живого, реалистического короткого рассказа является «второе чудо» — о Микулиной попадье: «Князю же сущу на Рогожских полах, се же Микулиная попадья еха на колех (повозке. — *Н. В.*) со снохою своею. Бывшими же има на истоце и соидоста с кол: бе бо попадья Микулиная не праздна туне. Яко хотеша минути конь и нападе бес на конь и зби повозника с себе и ногу ему изломи. И порази попадью Микулину передними ногами, и завертешася ему копыта в кортли (женская одежда. — *Н. В.*) и се на мног час яд্যাшет ю [ее], мниша бо [ее] мертву сущу. И возвестиша попу Микуле, яко попадья твоя мертва есть. Он же, возрев на икону пречистыя Богородицы, и рече: “Госпожа, пречистая Богородице владычице, аще ты не избавиши ея от смерти — се уже мертва есть...” Конь же исторг нозе из кортля и бежа в лес и завис и стал. [Тогда] вопрошиша ю (попадью. — *Н. В.*) о ядении коня, и [она] рече, яко здрава есмь молитвами пресвятыя Богородица, жал ми увисла же отлог, еже изъяде конь (“я-то молитвами Богородицы здорова да вот жаль платье, которое изгрыз конь...” — *Н. В.*). И приеха в Володимерь благородный князь Андрей, и созда церковь во имя пресвятыя Богородица, украсив ю всяким благочестием и поставиша в ней чудотворную икону пресвятей владычицы нашей Богородицы...”»²¹⁵. Таков этот замечательный по своей изобразительной выпуклости рассказ, заставляющий нас своим крепким образным языком и сквозящим меж строк народным юмором вспомнить лучшие страницы «Соборян» Н. С. Лескова. По словам летописи, Андрей богато украсил икону «въскова на ню боле 30 гривен золота проче серебра, проче камени дорогого и великого жемчюга»²¹⁶.

Любопытно, что «Сказание о чудесах» не содержит рассказов о прямой помощи самому князю; икона помогала главным образом простым людям, а князь и его окружающие были лишь благодарными свидетелями ее чудес. Икона по-

могала при женских недугах, особенно при тяжелых родах; в этом она помогла и жене самого князя Андрея; она исцелила какого-то сухорукого, жившего около Владимира, далее — отравившегося испорченным яйцом отрока, ослепшую внучку боярина Славяты в Переяславле-Южном, «сердечную болезнь» некоей Евфимии и «некой жены» в Муроме и т. п. Просто передается и обстановка этих чудес. Мы видим, например, попа Лазаря, гостящего в Твери у боярыни, которая мучилась родами и затем, отдав «златые косы и серязи свои ко иконе», «исцелилась»; разговор Лазаря передан живо и выразительно: «она же вопроси попа о здравии, он же рече: “здравы есмы, но не велми: болярыня наша в кончине есть”...»²¹⁷. В этой беседе как бы слышится народная поговорка: «здоров, да не очень». Во всех этих особенностях текста ясно звучит народная просторечная основа «Сказания», выступают его фольклорные корни.

Народную фольклорную основу имеет и чудо с остановкой коня, везшего икону, на устье Нерли. Так, в мордовской сказке о богине домашнего очага Юртаве рассказывается, как один мордвин, переезжая на новое место жительства, забыл взять с собой Юртаву. Его лошадь стала, а колеса повозки перестали вертеться. Старухи объяснили это обидой Юртавы и велели парню заложить тройку и плакаты; телега сначала едва шла, так как села юртава, потом по просьбе парня она сошла на землю, и кони пошли вскачь²¹⁸.

Эти явно народные черты литературного оформления рассказов о чудесах Владимирской иконы, может быть, связываются с теми стихийно складывавшимися песнями и «славами» в честь «защитницы» владимирских людей, которые, например, пелись, по словам летописи, после победы над болгарами 1164 года.

Особенное развитие культа Богородицы на северо-востоке выдвигает также вопрос — не имел ли он своих корней еще в языческом культе севера?

Характерно, что все игравшие видную роль в народном быту богородичные праздники (кроме Благовещения) сосредоточены в осенние месяцы, после окончания полевых сельскохозяйственных работ²¹⁹. Праздник Покрова в народных

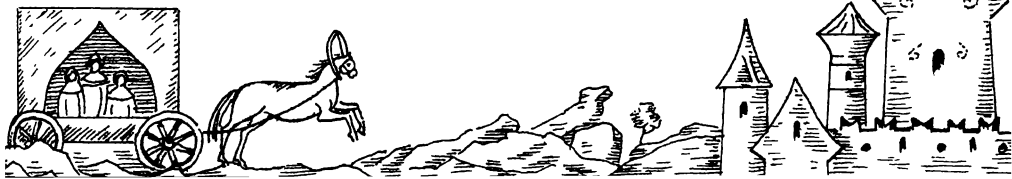
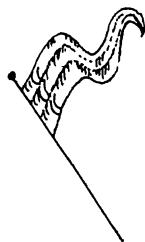
поверьях считался праздником невест, и к нему приурочивались свадьбы²²⁰, а из одиннадцати чудес Владимирской иконы шесть занимают исцеления женщин.

Так прорвавшееся в узкий мир церковной литературы свежее народное течение превратило традиционную церковную тему в сборник занимательных рассказов, доходчивых до простого слушателя и многими чертами напоминавших ему привычные произведения народной поэзии. Легко допустить, что горожане черпали в этих рассказах уверенность в правоте дела Андрея, и их силы умножались верой в чудо.

Эти черты владимирских церковных произведений чрезвычайно усиливали их популярность и остроту воздействия на сознание народа. Тем самым должно было прочнее внедряться убеждение в полном единстве интересов князя и церкви с народом, а острота классовых противоречий прикрывалась картиной всеобщей, единодушной радости и патриархального блаженства.

Те же черты свойственны и памятникам Покровского культа, которых мы уже касались не раз. «Служба», «Проложное сказание» и «Слово похвално на святой Покров» — произведения, рассчитанные исключительно на церковно-служебный обиход; поэтому их литературная форма традиционна и определена. Однако владимирские литераторы приложили много усилий к тому, чтобы всеми средствами поднять мажорный, жизнеутверждающий тон этих произведений. Они насыщают текст умело подобранными выпуклыми образами и красочными эпитетами. Само отвлеченное понятие «покрова», «защиты» материализуется в виде плата (платка, покрывала), который светится «паче солнечных лучей», простираясь над людьми в руках Богоматери, стоящей «на воздухе светле», а сама она сопоставляется с высокой сверкающей горой. Как в «Сказании о чудесах», так и в этих церковно-служебных памятниках авторы стремятся снизить отвлеченность церковного содержания текста, сделать его эмоционально-разительным, привлекательно-сказочным и живым для простого слушателя.

Но если и объяснять оптимистический характер праздника Покрова влиянием народной стихии, все же нельзя забывать,

что оптимизм этот был выражен в религиозной форме. Рост феодального гнета, насилия и произвол местной княжеской администрации и алчных мелких землевладельцев делали жизнь народных масс все более тяжелой. В этих условиях жизнерадостная окраска праздника Покрова была, в сущности, обманчивой. Низы города и деревни, бессильные перед растущим социальным гнетом, искали утешения в религии, — в том, что, беззащитные на земле, они имеют могущественную «заступницу» на небе. Праздник Покрова в том и состоит, что Богородица молится «за крестьяны», избавляя их «от печали и напасти», рассеивая «тьму грехов», «пременяя» «на радость печаль», являясь «надежей крестьянам».

В «Службе» особенно ярко подчеркивается преимущественное право на защиту Богородицей тех, кто установил и прославил в Русской земле праздник Покрова — «людей, славящих твоего покрова праздник»: «за град и люди, Богородице, молися твой славящих честный праздник». Это — владимирцы и их князь. Подчеркнут также специально городской характер культа Владимирской Богоматери: «молися избавити град твой и людей...», «за град и люди, Богородице, молися...», «Господь спасет град и люди на тя надеющихся...» и т. д.

«Проложное сказание» и «Слово похвальное» проникнуты теми же идеями и сотканы из тех же образов, что и «Служба». Можно думать, что они составлены на ее основании.

Литература, связанная с культом Покрова, может быть, была не только в церковно-служебном обращении, но и просто читалась грамотными людьми, как об этом может свидетельствовать заимствование отсюда ряда оборотов и штампов, например, автором «Моления Даниила Заточника» («силу князю нашему укрепи» и др.).

Целостность идейного и стилистического выражения упомянутых церковно-литературных произведений позволяет предполагать, что они вышли из-под пера одного автора или группы авторов, тесно связанных между собой общностью мыслей и взглядов или же объединявшим их труд руководством. Что касается «Сказания о чудесах», то можно предположить, что его непосредственными авторами были лица,

о которых ясно говорит само «Сказание». Это прежде всего вышгородский поп Микула и дьякон, а затем поп Нестор. Но к Владимирской иконе особенно близко стоял поп Успенского собора Лазарь, который упоминается в ряде рассказов о ее чудесах²²¹. Живость и непосредственность рассказов, их деловитый, но изобразительный язык показывают, что эти участники литературной работы Андрея близко соприкасались с простым человеком, могли без труда отойти от церковной условности речи и свободно говорили на простом и ярком языке народа.

Но за ними столь же ясно обозначается фигура самого князя Андрея, который также близко стоит к чудесным историям «Сказания». Некоторые черты литературных памятников, связанных с богородничным культом, позволяют допускать и его прямое в них авторское участие.

Это предположение первый и единственный раз было высказано И. Е. Забелиным²²². В позднем, XVI века, списке «Пролога», принадлежавшем Забелину, был помещен текст «чуда о болгарской победе» и установлении праздника Спаса 1 августа. В нем сказано, что этот праздник «установлен бысть худым и грешным рабом Божиим Андреем князем, сыном Георгиевым, внука Мономахова именем Володимера царя и князя всея Руси». А в заключительных строках молитвы к Спасу и Богородице говорится: «так и мне грешному и недостойному рабу твоему Андрею приложена неизреченная милости своя свыше посылающе»²²³. В списке «Сказания о чудесах», изданном В. О. Ключевским, в рассказе о победе над болгарями есть подобная, но безымянная фраза: «и мне, грешному, дай, Господи, прежде конца покаяние, зане согреших паче Содомы и Гоморы, прогневах твое человеколюбие...»²²⁴. И здесь и там характерен уничиженный тон. В других рассказах «Сказания» Андрей представлен как требовательный к себе, боящийся греха человек. Так, когда тонул в Вазузе проводник Андрея, князь якобы обратился с молитвой о его спасении «яко повинен есмь смерти его, Госпоже»; когда «золотые врата» придавили людей, князь также «признал» в этом свой грех: «аз бо грешный повинен бых смерти их»²²⁵. Если в рассказах о чудесах эти штрихи характера Ан-

дрея можно счесть литературным трафаретом для изображения облика «боголюбивого» князя, то в вышеприведенных, как бы «авторских», ремарках, сделанных от имени самого Андрея, не могла ли отразиться действительная черта его глубоко противоречивого морального облика?

В «Службе на Покров» восьмая песня носит особенно личный характер. Здесь говорится об особой защите людей, прославивших праздник Покрова в Русской земле, о погублении зачинающих рати и разорении союзов неправедных князей, о «вознесении рога князю нашему». Здесь же есть и явно авторская фраза — личное отступление: «Многими отяготихся грехи и недоумею по достоянию написать твоего, Богородице, Покрова похвалы»²²⁶. Автору явно непривычен литературный труд, он, может быть, и не духовное лицо. В следующей, девятой песне снова присутствует просьба спасти град, умножить населяющих его людей и дать князю здоровье и победу на поганных. Молитва о победе князя в четвертой песне звучит так: «Укрепи, владычице, славящего тя князя на противных врагы, яко Давида на Гольяда, да ти веселящегося воспеваем: Радуйся, покрове снятый и заступнице роду нашему...»²²⁷. В последних словах можно видеть указание не на «род людской», но на «род княжеский», род Мономаха, который положил начало широкой пропаганде культа Богородицы на севере и северо-востоке.

Примечательно, что те же личные моменты мы встречаем и в двух других произведениях, связанных с Покровом, — в «Проложном сказании» и «Похвальном слове». В «Проложном сказании» после краткого рассказа о «видении» во Влахернском храме говорится от имени какого-то лица: «Се убо егда слыша, помышлях: како страшное и милосердное видение, паче наше надеяние и заступление бысть без праздника?» Затем это лицо вспоминает молитву Богородицы о всех, славящих ее память, и заключает: «Тем словеси надеяся, въсхотех да не без праздника останет [ся] святыи покров твой, преблагая; но яко же ты хощещи украсити честный праздник твоего покрова, всемилостивая, украси...»²²⁸. Точно так же и в «Похвальном слове» есть кусок текста, который напоминает скорее какой-то официальный церковный до-

кумент, аргументирующий причины введения нового праздника Покрова, — почему «подобает и нам достойная таковому празднику торжествовати»: во-первых, он «обновляет» память о «чудном видении» во Влахернах; во-вторых, к защите Богородицы всегда обращаются при всех угрожающих союзах врагов, — это важно, как «дыхание животу»; в-третьих, покров Богородицы защищает «от стрел, летящих во тьме разделения нашего»²²⁹.

Спрашивается: кто же мог от своего имени столь властно заявлять в «Проложном сказании» о личном решении установить новый богородичный праздник? Кто мог так обстоятельно и твердо обосновывать и мотивировать необходимость этого акта в «Похвальном слове»? Наконец, чья личная уничижительная фраза могла быть сохранена в восьмой песни «Службы» — в церковно-служебном тексте? Конечно, это не может быть один из вышгородских клириков, участников составления «Сказания о чудесах». Это и не владыка Федор, шаткое положение которого едва ли позволяло осложнять его личными приписками столь важные церковно-политические сочинения. Думаем, что мы имеем основание предполагать в этом властном лице и участнике литературной работы 1160-х годов самого князя Андрея. Можно также с большим доверием отнестись и к позднему забелинскому списку, где сохранилось и прямое указание на причастность к этому литературному труду «худого и грешного раба Божьего Андрея».

Можно не сомневаться, что он был человеком широко образованным для своего времени. Его младший брат Михалка «с греки и латины говорил их языком яко русским». Самому Андрею приходилось иметь дело с послами и гостями из греческого и романского мира и соседних нерусских стран. Он был инициатором и участником переписки с Кириллом Туровским, затрагивавшей тонкие вопросы церковной догматики и права. Наконец, он писал свои послания патриарху Луке ХризOVERгу. Это позволяло Андрею и непосредственно руководить работой соборного духовенства — Микулы, Нестора, Лазаря, объединяя их труд идейной целеустремленностью и усиливая звучание политических мотивов в церковных произведениях.

Сопоставление рассмотренных церковно-литературных памятников позволяет уточнить время их составления. Очевидно, что прежде всего стали записывать чудеса Владимирской иконы. Возможно, что первые записи были сделаны еще в Вышгороде, где икона была прославлена, как «чудотворная», еще находясь в храме вышгородского женского монастыря. Последнее, «десятое чудо» — о падении золотых врат, если оно относится к владимирским Золотым воротам, оконченным в 1164 году, датируется этим годом; если же в рассказе шла речь о «златых вратах», то есть писанных золотом дверях Успенского собора, оконченного в 1161 году, то окончание записи основного цикла рассказов падет на 1161 год. К нему в 1164 году было присоединено одиннадцатое «чудо новое» — рассказ о победе над болгарами, а в дальнейшем, может быть, были попытки продлить этот цикл внесением повести о Федоре и о других случаях «помощи» иконы владимирцам. «Сказание о чудесах» уже содержит намеки на наличие культа Покрова и на знакомство с его литературой. В рассказе о победе над болгарами в уста князя вложена фраза: «аз раб твой, Госпоже, имею тя степену покров»²³⁰. Наиболее же прочная дата создания «Службы» — 1165 год — дата постройки над рекой Нерлю первой на Руси церкви Покрова. Таким образом, церковно-литературные памятники Владимира создаются в первой половине 1160-х годов, на которую падает и напряженное строительство Андрея.

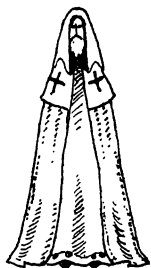
Промежуточное положение между церковно-литературными произведениями и летописанием занимает Житие Леонтия, которое сочетает повествовательные элементы с точными летописными цитатами и справками. Житие Леонтия — в отличие от «Сказания» и памятников покровского культа — имело не только внутреннее церковное, но и внешнеполитическое значение; поэтому требовалась особенно точная документация истории «первого мученика» на русском северо-востоке.

Если создание церковной литературы во Владимире было делом неотложным и потому проводилось в тех же стремительных темпах, что и обстройка столицы и княжеской резиденции в Боголюбове, то к другому литературному труду

подход был более основательный. Речь идет о постоянном владимирском летописании, которое должно было запечатлеть для потомков труды и дни Андрея и важнейшие события в жизни Владимирской земли²³¹. На смену отрывочным записям ростовского летописца времени Юрия теперь должна была прийти систематическая летопись. Однако владимирская летопись не сразу прониклась интересами княжеской политики Андрея.

В рассказах летописи о воинских подвигах Андрея на юге мы чувствуем руку светского человека, понимающего толк в военном деле и, видимо, близко стоящего к князю. Но в дальнейшем летописание переходит в руки церковников. С 1158 года оно велось при Успенском соборе, и его непосредственным исполнителем был, возможно, «игумен святой Богородицы» Феодул. Центром внимания летописи соответственно была жизнь собора и чудеса его святыни — Владимирской иконы Богоматери. Самый ход исторических событий рисовался летописцем как проявление силы и помощи этой покровительницы Владимира. Церковник, далекий от княжеского двора, он был, чужд его интересам, и даже события в княжеской семье мало привлекали его. Поэтому о деятельности Андрея мы можем судить с большей полнотой лишь по ее пристрастным отражениям в новгородском и южном летописании. Видимо, Андрей, погруженный в другие дела, не уделял на первых порах достаточно внимания труду своего историографа, и в результате летописание получило тот же церковный характер, что и собственно церковные произведения 1160-х годов.

Только к концу княжения Андрея, после 1169 года, началась работа над созданием Владимирского летописного свода, который должен был сочетать историю Владимира с историей остальной Руси. Это важное предприятие, по-видимому, уже было взято под надзор князя, так как свод отразил со значительной полнотой и силой политическую линию Андрея. Привлекая ростовские записи времени Юрия до 1157 года, сводчик все свое внимание сосредоточил на молодом городе Владимире. Основная мысль свода — перенос политического центра Руси во Владимир, который воспринимает не только права Ростова на севере, но и Киева на юге. После разгрома

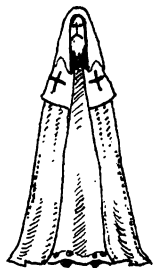
Киева войсками Андрея его жизнь освещается как отражение владимирской, а киевские усобицы — как результат неподчинения южных князей воле Андрея. Отсюда — беглое изложение южных событий и малое внимание к сюжетам ростовских записей. Летописец стремится доказать приоритет Владимира над Ростовом и Суздалем и особое «покровительство неба» новой столице.

Исходя из политических интересов, был избран и источник сведений по истории русского юга. Киевские летописные труды, которые могли попасть во Владимир вместе с книгами, захваченными в 1169 году в библиотеках Киева, не могли быть использованы, так как они давали враждебное освещение деятельности Юрия и Андрея. Поэтому владимирский летописец привлек летопись Переяславля-Южного, вотчины Мономашичей, где сидели братья Юрия и Андрея. Эта летопись сочувствовала их делам и, кроме того, давала в своем изложении не узко местную, но более широкую картину переяславско-киевских событий. Владимирский сводчик с большим талантом ввел в ткань южнорусского повествования и сохранившиеся рассказы о подвигах Андрея на юге, сообщенные его близким человеком и овеявшие имя Боголюбского громкой воинской славой.

Но эти светские воинские сюжеты лишь резче оттеняют общий церковный стиль мысли и работы владимирского летописца. Он постоянно пускается в поучительные рассуждения, уснащает повествование церковными цитатами. Этот стиль был, однако, как нам кажется, не столько личной особенностью сводчика — духовного лица, сколько выражением особой концепции свода: он не только доказывал превосходство Владимира над Киевом и Ростовом, от которых этот город должен был перенять общерусское политическое главенство, но и «божественную природу» единоличной власти Андрея. Этот лейтмотив свода позволял изобразить противодействие политике Боголюбского как «неповиновение Богу», а все дела самого Андрея — как «проявление божественного промысла». Поэтому естественно, что и личность самого князя, и его реальные дела летописец окружает сиянием чудес и молитвенными отступлениями.

Свод, как предполагают, не был закончен до 1174 года, и его завершение падает на 1177 год — уже на время Всеволода III. Созданная в эти годы «Повесть» о смерти Андрея была включена во Владимирский свод в сокращенном виде. Зато особенно подробное освещение получили события времени междукняжия, в которых с не меньшей силой, чем в церковно-литературных произведениях 1160-х годов, была выдвинута на первый план политическая роль владимирских «мизинных людей» — горожан. Полагают, что подобно «Повести» об убийстве Андрея этот рассказ о «борьбе старых и новых городов» был особым сказанием и именно в этом виде оказался включен в летопись²³². Возможно, что он, как мы говорили, входил и в серию рассказов о чудесах Владимирской иконы, так как в начале его ясно говорится: «Мы же да подивимся чуду новому и великому и преславному Матере Божья, како заступи град свой от великих бед и гражаны свои укрепляет». К. Н. Бестужев-Рюмин справедливо отметил особенности этого рассказа, выделяющие его среди династических и церковных известий, — в нем «являются деятелями целые массы», его характер позволяет приписать авторство не церковнику, но горожанину — патриоту Владимира. М. Д. Приселков полагал, что обе повести (о смерти Андрея и о борьбе городов) принадлежат тому же автору, который составил и внес в летопись рассказы о военных подвигах Андрея на юге²³³. Уже по завершении свода (1177) в него были включены сведения о деле епископа Леона и «ереси» и казни епископа Федора. По предположению М. Д. Приселкова, эти интерполяции были сделаны по настоянию киевского митрополита²³⁴.

В заключение коснемся вопроса о времени внесения в летопись «Поучения» Владимира Мономаха и связанных с ним письма к Олегу и молитвенного заключения. Как известно, этот комплекс литературных произведений сохранился лишь в северо-восточном, Лаврентьевском списке летописи, где он помещен под 1096 годом, вслед за обстоятельным рассказом об убоице Олега, захватившей Ростово-Суздальский край. А. А. Шахматов полагал, что эта группа писаний Мономаха попала в летопись еще в 1118 году, при составлении третьей редакции Повести временных лет. Составитель данной редак-

ции был, согласно этой гипотезе, киево-печерским монахом, близким к сыну Мономаха Мстиславу Владимировичу; его перу присваивается внесение в Повесть и рассказа об усобице Олега на севере²³⁵.

Наличие всех этих фрагментов вместе только в северо-восточном списке Лаврентия позволяет поставить вопрос: не могли ли они быть внесены в том же XII столетии, но уже в ходе развития владимирского летописания? По остроумной гипотезе Н. В. Шлякова, Мономах передал свое поучение в 1118 году своему сыну Андрею Доброму, когда последний пошел княжить во Владимир-Волынский. От него рукопись перешла к его сыну Владимиру Андреевичу, союзнику Андрея Боголюбского по разгрому Киева в 1169 году²³⁶. Владимир Андреевич умер в 1170 году. В его погребении принял большое участие печерский игумен Поликарп, который, как мы знаем, был немаловажной фигурой в грозных событиях 1169 года: его «запрещение» митрополитом в связи с практикой постов было, в представлении летописца, одним из мотивов разгрома Киева. Не мог ли через Поликарпа попасть на север список «Поучения» Мономаха?

Как «Поучение» Мономаха, так и, в особенности, его письмо к Олегу имели первостепенный интерес для владимирских князей. В послании к Олегу 1096 года шла речь о владетельных правах младших Мономашичей на Ростово-Суздальскую землю. Там говорилось, что старший сын Мономаха Мстислав, пришедший на выручку захваченной Олегом Суздальщины, потом сидел в Суздале «с малым братом своим (Юрием. — *Н. В.*), хлеб едучи дедень», — обычная формула вотчинных прав, указывавшая на Всеволода как первого отчича этой земли. История же первой усобицы на северо-востоке, которую освещала «грамотица» Мономаха, естественно, должна была привлечь особый интерес как владимирских летописателей, так и их читателей. Она имела глубоко поучительный смысл, особенно для времени Андрея, вступившего в борьбу с феодальными распрями. В. Л. Комарович полагал, что включение письма Мономаха в текст летописи произошло «скорее всего в одном из северо-восточных летописных сводов конца XII или начала XIII в.»²³⁷. Вероятная история списка «Поучения»,

намеченная выше, позволяет думать, что впервые «Поучение» и письмо к Олегу вошли в летопись именно при составлении владимирского свода 1177 года. Появление этих новых очень важных документов произошло, по-видимому, тогда, когда свод был уже доведен до поздних событий; поэтому «Поучение» и письмо к Олегу столь «случайно» легли в текст 1096 года, хотя и были очень ценным дополнением к летописному и, вероятно, местному рассказу об усобице Олега. Эта интерполяция произошла, как думаем, еще при жизни самого Андрея. Об этом, нам кажется, позволяет догадываться также и следующая в Лаврентьевской летописи за письмом Мономаха к Олегу примечательная вставка молитвенного содержания.

Исследователи, изучавшие «Поучение» Мономаха, до сих пор колеблются в отнесении этой молитвенной вставки к авторству последнего²³⁸. Она, во всяком случае, не связана органически ни с его «Поучением», ни, тем более, с его письмом к Олегу. Один из историков назвал этот молитвенный текст «неизвестно откуда взятым обращением к Богородице»²³⁹. Это — покаянная молитва. Ее автор обращается к своей совести с призывом к покаянию: «Всклонися, душе моя, и дела своя помысли, яже здеа, пред очи своя принеси, и капля испусти слез своих, и повежь яве деянья и вся мысли Христу, и очистишься». Затем автор обращается с мольбой о заступничестве и спасении души к Христу, Богоматери и Андрею Критскому, покаянный канон которого был особенно популярен на Руси. Но наиболее характерно пространное обращение к Богородице о заступничестве за «ее город»: «Град твой сохрани, Девице, Мати чистая, иже о тебе верно царствует, да тобою крепимся и тебе ся надеем, побежаем вся брани, испрометаем противныя... спаси ны, в скорбех погружающася присно, и сблуди от всяко [го] плененья вражья твой град. Богородице! Пошади, Боже, наследья твоего... Спаси мя, погыбшаго, к Сыну ти вопиюща...» Эти строки близки к тексту «Службы на Покров». Еще более интересно, что и в молитвенном обращении к Богородице автор называет ее просто «покровом» («надеже и покрове мой, не презри мене, благая...»). Если все тексты этой молитвы, как доказано Шляковым, восходят к молитвам из «Триоди постной» и частью

к акафисту и канону Богородице²⁴⁰, то последний фрагмент находит аналогию лишь в «Службе на Покров». Все это убеждает нас в принадлежности рассматриваемой молитвенной вставки Владимирскому Андреевскому своду 1177 года; обращение же к Андрею Критскому и личный характер самой молитвы могут наводить на мысль о причастности самого князя к ее составлению и внесению в летописный свод, в подготовительной работе над которым Андрей, видимо, принял участие. Чтение, еще до внесения в свод, «Поучения» Мономаха и письма к Олегу произвело на Андрея глубокое впечатление, и он добавил к высоко поэтичным и мудрым писаниям великого деда свою покаянную молитву. Сравнивая полный надежд и оптимизма текст «Службы на Покров» с тревожным настроением этой молитвы «погибшего» человека «в скорбех погружающаяся», мы с большей остротой воспринимаем ощущение Андреем надвигающейся катастрофы и тревоги за судьбу его любимого Владимира.

VII. Искусство и культура

Войти еще глубже в мир идей эпохи Боголюбского помогает анализ памятников архитектуры, украшавших стольный город Андрея и его Боголюбовский замок.

И литература, и искусство служили одним и тем же целям, поставленным политическим курсом Андрея. Архитектура была связана целиком с его обширным церковным и дворцовым строительством. Но это не значит, что она была оторвана от народа. Огромный объем княжеского строительства требовал участия многочисленных владимирских строителей, каменосечцев и мастеров других специальностей. Здесь перед ремесленниками — строителями и, в особенности, декораторами открывалась возможность широко проявить свое дарование и свой вкус. Высокое художественное совершенство и одухотворенность памятников времени Андрея обязаны таланту этих художников-горожан.

Мы видели, какое значение придавал Андрей делу обстрой-ки своего города, стремясь сделать его соперником Киева,

как Киев в свое время был соперником Царьграда. Он прекрасно оценивал огромную убеждающую идейную силу монументального искусства. Летопись рассказывает, что Андрей любил вводить на хоры своего дворцового собора гостей и послов из других стран и от соседних народов и показывать им великолепие своего храма. В «Повести» о смерти Андрея киевский священник Кузьма (Кузьмише) вспоминал: «Теперь тебя, господин, не хотят знать даже твои слуги. А было время, когда приходил гость из Царьграда, или из иных краев Русской земли, или из латин, из христианских или языческих стран, и ты говорил: “Введите их в церковь и на хоры, пусть видят истинное христианство и крестятся”. И так и было: и болгары, и евреи, и все язычники, видевшие славу Божию и украшение церковное, еще больше оплакивают твою кончину» (перевод)²⁴¹.

Каждый памятник андреевского зодчества проникнут определенным идейным содержанием, связанным с общим направлением и духом первых лет княжения Андрея²⁴².

Когда мы смотрим на Успенский собор Владимира и представляем себе его первоначальный облик, какой был создан мастерами Андрея в 1158–1161 годах, нас поражает первое и основное впечатление царственной, державной красоты этого храма. Она связана и с самим господствующим положением Успенского собора в городе и природе: он стоит на высоком углу Мономахова среднего города, видный с далеких путей, ведущих от Суздаля, Муром и Юрьева. Белоснежный, блещущий позолотой наружных украшений и золотым шлемом главы, он подобен издали сверкающей короне, венчающей городской холм. Храм как бы осеняет город своей сияющей красотой, но он же подобен величавому каменному стражу столицы, золотой шлем которого сверкает, уходя в небо. Наружное убранство храма исполнено благородной сдержанности. В поясе стройных колонок, обнимающем тело собора, были фресковые изображения «святых», павинов и растений. Отдельные резные камни оживляли белизну стен; сочная листва резных капителей как бы шевелилась, полная внутренней силы. В отделке деталей главы и порталов была применена вызолоченная медь.

Собор стоял среди зданий епископского двора, но его двери были открыты для горожан и пришедших издалека богомольцев. В праздник Успения соборяне развешивали на двух натянутых «вервях» драгоценные ткани, пелены и облачения. Этот многоцветный, колеблемый ветром коридор сверкавших красками узорчатых тканей начинался перед собором от владычных сеней и входил в храм, вводя паломников и молящихся внутрь собора. Здесь, около царских врат, сияла золотым убором икона Владимирской Богоматери, — «небесной покровительницы» города, горожан и князя. Внутри храм поражал своими удивительно стройными пропорциями. Легкие столбы, казалось, без усилия несли могучие своды и залитый светом огромный 12-оконный барабан купола, как бы висящего в сиянии лучей. Украшенный золотом и серебром амвон возвышался перед входом в полный драгоценной утвари алтарь. Золотые и серебряные хоросы и паникадила, опускавшиеся на цепях со сводов, струили свет бесчисленных свечей. Их мерцание повторяла зеркальная поверхность цветного майоликового пола. Стены, столбы и своды покрывала превосходная фресковая роспись. Под сводами княжеских хор была размещена картина Страшного суда, ада и рая — центральная дисциплинирующая тема росписи²⁴³.

Таков был созданный Андреем главный храм Владимирской земли.

В его плане ясно ощутима схема Успенского собора киевского Печерского монастыря; лестничные башни, придающие особую величавость силуэту, напоминают о лестничных башнях киевской Софии; общая конструктивная система крестовокупольного храма восходит к Византии. Но эти основные «образцы» глубоко переосмыслены. Иные пропорции, иная техника кладки из белого камня, дающая исключительный эффект, иная, чрезвычайно богатая декоративная система, вводящая в убранство фасада резной камень, фреску, вызолоченную медь, — все это решительно изменяет облик храма, далеко уводя его от киево-византийских образцов.

Этот отход от старых эстетических принципов был весьма решителен. Андрей приказал сломать храм Спаса на Мономаховом дворе, построенный киевскими пришлыми мастерами

еще в начале XII века: он, видимо, не удовлетворял вкусам нового времени своей строгостью и простотой. На его месте в 1164 году Андрей построил изящный белокаменный храм, родственный по стилю Успенскому собору.

Но лучшее творение зодчих Андрея — храм Покрова Богородицы на реке Нерли (1165), созданный в честь нового праздника «покровительницы» Владимирской земли. Мастера здесь руководились теми же конструктивными и декоративными принципами, что и в Успенском соборе. Однако этот храм особенный. Он не сравним с тяжеловесными мужественными и простыми храмами Юрия, посвященными Спасу и культу воинов — Георгия, Бориса и Глеба. Его тело проникнуто женственной стройностью и изяществом, его пропорции легки и летучи — он как бы стремится к небу. Может быть, в нем нашло отражение представление о самой Богородице, которая изображалась в литературных памятниках «вельми высокой». Изысканно немногосложное резное убранство храма, в нем трижды повторен образ царя-псалмопевца Давида, «пророчествовавшего» о Богородице, а ряд женских ликов, сопутствующих посвященным ей храмам, и здесь напоминает о ней.

В этом гениальном произведении андреевских мастеров нас поражает чуткость, с какой их искусство откликлось на темы, волновавшие мысль современников, и ставило свои средства на службу энергичному церковно-политическому строительству Андрея. «Сия церкви еще не глаголы, но вещьми прославляаше пречистую Богородицу», — говорится в «Слове на Покров»²⁴⁴. Но в декорации Успенского собора и Покрова на Нерли налицо и прямая их связь с теми «глаголами» литературы 1160-х годов, которая развивала культ Богородицы. Изображение царя Давида связывается с Житием Андрея Юродивого, в котором доказывалось, что «госпожа молитвенница написана в стисех» псалмов Давида; Андрей Юродивый и Давид упоминаются и в «Службе на Покров»²⁴⁵. С культом Богородицы связаны и женские маски, проходящие как скульптурный лейтмотив в декорации всех трех фасадов Покровской церкви. Изображения же львов и голубей, входящих в центральную композицию резного убора, по-видимому,

навеяны образами Псалтыри, столь близкой по своему содержанию мыслям самого князя Андрея. Здесь, в Псалтыри, мы видим символическое уподобление врагов Давида льву, а душа пророка постоянно уподобляется голубю или орлу. Образ же зайца или ягненка, терзаемого крылатым зверем грифоном, связанный с образами той же Псалтыри, может восходить к древнейшим сюжетам звериного стиля. Таким образом, можно думать, что искусство и литература 1160-х годов развивались в теснейшем взаимодействии, оплодотворяя и обогащая друг друга: литература приобретала нечто от гармонии архитектурного образа, а архитектура насыщалась глубоким идейным содержанием.

Те же зодчие создали Боголюбовский замок князя Андрея с его белокаменным дворцом и пышным придворным собором Рождества Богородицы (1158–1165). Здесь нас снова поражает богатство архитектурной мысли зодчих и широта замысла князя. В многосложности ансамбля сказывается типичная особенность композиции русских хором. Храм — в центре, островерхние лестничные башни-терема — по бокам, далее — крылья переходов, соединяющих храм с дворцом, с одной стороны, и с замковой башней — с другой; такова композиция дворца, стоящая в историческом процессе между княжескими теремами Киева X–XI века и причудливым Коломенским дворцом XVII века. Композицией своих частей Боголюбовский дворец может напомнить и резиденции западноевропейских государей XII века, свидетельствуя об определенной общности путей развития феодального быта на Западе и во Владимирской земле. Но это все лишь общие черты и параллели. Андреевские зодчие создают и в этой области архитектуры свое, новое и столь прекрасное, что Боголюбовский дворец равно вызывал изумление и современников-летописцев XII века, видевших это чудо архитектурного искусства, и археологов, открывавших в наши дни его развалины.

Дворцовый собор — также посвященный Богоматери — похож на Покров на Нерли, но, как придворный храм, он значительно торжественнее, а его пропорции массивнее. Внутри храма появились расписанные под мрамор круглые колонны

с гигантскими позолоченными листовными капителями — небывалый в русском зодчестве прием, усиливающий парадность храмового пространства. Роскошные полы были сделаны из создающих эффект золота плит меди, залитых оловом; на хорах и в анфиладах переходов полы были майоликовые. По словам летописца, богатство утвари и внутреннего убранства дворцового Боголюбовского храма равнялось сокровищам Успенского собора. Сложная наружная декоративная отделка собора и всего ансамбля резным камнем, в том числе круглой скульптурой, а также фресковой росписью и золоченой медью, свидетельствует о высоком мастерстве строителей и оригинальности их творчества²⁴⁶. По своей красоте и архитектурному мастерству Боголюбовский дворец не уступает лучшим памятникам дворцовой архитектуры средневекового Запада.

Таковы главнейшие памятники андреевской архитектуры и их наиболее примечательные особенности. В них мы наблюдаем удивительно своеобразный, сложный и органический сплав различных по своему происхождению и историческому возрасту художественных и бытовых элементов. Андрей организовал свое строительство по-русски широко. По словам летописи, «приведе ему Бог из всех земель мастеры». Таков был обычный прием больших средневековых строителей, на которых объединялись мастера разных специальностей из разных мест и стран.

Декоративные приемы свидетельствуют об участии в строительстве зодчих, близко знакомых с романским искусством. В. Н. Татищев даже указывает, что зодчие для строительства 1158–1165 годов были присланы по просьбе Андрея императором Фридрихом Барбароссой; возможно также, что это были западноевропейские зодчие, уже работавшие перед тем в Галиче у Ярослава Осмомысла²⁴⁷. Во всяком случае, Андрей искал мастеров не в Киеве, жившем византийским наследием. Это была не случайная прихоть, но принципиальная позиция, которая подчеркивала стремление сбросить византийскую опеку и утвердить право Руси на свою дорогу. В этом смысле Андрей как бы предвосхищал художественную политику Ивана III.

Во Владимире рядом с пришлыми зодчими продолжали работать и совершенствовать свое мастерство владимирские зодчие и ремесленники, строившие еще при Юрии. Всей этой обширной строительной работой руководил сам князь. Высокое качество архитектурных памятников строительства Андрея свидетельствует о том, что они — плод напряженной творческой работы, в процессе которой отбрасывались неудачные модели и совершенствовался окончательный проект. Этот отбор, конечно, происходил при ближайшем участии князя. Андрей мог уверенно давать зодчим свои указания — он видел храмы и дворцы Киева, Вышгорода, Переяславля-Русского и других городов Русской земли. Мастерам были предложены для руководства эти «образцы» и освященные двухвековой давностью русские архитектурные приемы. Они ясно сказались во Владимире в плановой и конструктивной схеме храмов, в торжественной двухбашенности соборов, наминавшей Софию, в композиции дворцового ансамбля по принципу многочленного строения русских хором. В далеком Галиче уже был в это время подобный, но деревянный дворец. Все это чрезвычайно ограничивало роль пришлых зодчих: они были не творцами, но техническими исполнителями построек, дух которых определялся замыслом князя, исходившим из опыта русского искусства, и участием в строительстве своих, владимирских «каменосечцев». Характерной чертой русского гения, проявившейся с исключительным блеском во Владимире и Боголюбове, было высокое чувство архитектурного ансамбля и связи архитектуры с ландшафтом, неизмеримо обогащающее и повышающее художественный эффект постройки.

Народная любовь к декоративной украшенности здания была благодарной почвой для использования романских элементов. Но они легли на русскую архитектурную основу и так органично связались с ней, что приобрели вполне своеобразный русский характер и прошли отсюда через все русское зодчество вплоть до XVII века. Мы видим, таким образом, что с пришлыми зодчими произошло то же, что с иноземцами на Руси в XV и XVI веках — они были столь властно захвачены русской стихией, что памятники, созданные при их участии,

оказывались неизменно русскими по духу. На обширном строительстве Андрея владимирские зодчие закончили свою «школу» и стали вполне самостоятельными мастерами своего высокого искусства. Золотые ворота во Владимире были, несомненно, постройкой молодых владимирских архитекторов. Рядом с ними выступают и владимирские скульпторы, руку которых мы можем проследить в убранстве андреевских храмов.

Владимирская школа зодчих к концу княжения Андрея была настолько сильной и значительной, что Андрей собирався послать их в Киев для постройки церкви на Ярославом дворе. Гибель князя помешала исполнению его замыслов. Но показательно самое намерение принести на древнюю почву Киева новое искусство Владимира как свидетельство того, что Владимир оказался достойным наследником художественной культуры Киевской Руси и уже претендовал стать общерусским законодателем художественного вкуса.

Осуществление задуманной Андреем грандиозной строительной программы было возможно лишь при условии высокого развития материальной культуры его земли и, в свою очередь, ускоряло ее прогресс. Достаточно указать, что лишь заготовка и выделка камня для сравнительно небольшой церкви Покрова на Нерли требовала 7303 рабочих дня, в том числе 3428 дней на выработку резного и фигурного камня. А общий объем строительства 1158–1165 годов был в 15–20 раз больше, и владимирцы с ним успешно справились. Не случайно они стяжали себе позорную в глазах спесивых ростовских бояр кличку «каменщиков», тем более что они упрочивали своим высоким искусством власть ненавистного боярам «самовластца» Андрея. Кроме каменосечцев, на постройке зданий работали гончары, изготавливавшие тысячи плиток для майоликовых полов храмов и дворца. Metallисты лили тяжелые медные плиты, которыми был опаян «помост» дворцового собора в Боголюбове, и изготавливали тонкие и гибкие золоченые листы для оковки крестов и деталей зданий. При Боголюбовском замке работали княжеские ювелиры и златокузнецы, изготавливавшие драгоценную утварь храмов и предметы княжеского убора.

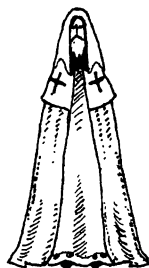
Развитие литературы и искусства предполагало общее развитие просвещения. Андрей, несомненно, заботился об умножении книжных богатств своей столицы. Они особенно расширились после похода на Киев 1169 года, из храмов которого было вывезено на север много книг. Владимир в этом отношении становился «Киевом» для русского северо-востока. Рязанский князь Глеб во время набега на город захватил и вывез в Рязань библиотеку Успенского собора, но после своего поражения был вынужден вернуть ее. Во время пожара собора 1185 года наравне с драгоценностями ризницы спасали его книжные сокровища. Просвещение и грамотность проникают и в среду городского населения; это в известной мере объясняет активное участие горожан в перипетиях церковно-политической борьбы.

Бурное развитие Владимира, его обширное строительство и рост населения происходили одновременно с расширением его торговых и культурных связей. Волжские ворота Владимира указывают на важнейшее направление восточных связей города — Клязьмой и Окой на Волгу, к рынкам Волжской Болгарии. Андрей заботился о поддержании судоходности речных путей; на них применялись речные суда типа западноевропейских галер — «галеи», оставившие свое имя в названии прибрежного урочища под Владимиром, где по соседству с торгом стояла деревянная церковь Николы, покровителя путешествующих купцов. Здесь бывали болгары, евреи, константинопольские греки, иноземцы из стран романо-германского мира, не говоря уже о русских купцах из других княжеств; при дворе Андрея встречались половцы и черкесы²⁴⁸.

Татарский разгром, уничтоживший сокровищницы знати и храмов, оставил нам мало памятников прикладного искусства и предметов, которые приносил поток торговли во Владимирскую землю из стран Запада и Востока. Но, по рассказам летописей, мы знаем, что число их было велико. Да и драгоценные восточные и византийские ткани, тяжелый аксамит, затканый изображениями грифонов, и тонкие шелковые паволоки, из которых сделаны погребальные одежды Андрея, выразительно свидетельствуют о торговых связях его земли.

Сама личность Андрея многое говорит о культуре Владимирской земли XII века. Старое и новое причудливо переплетается как в характере князя и его политических и моральных взглядах, так и во внешних формах княжеского быта. Андрей как бы придает новое звучание морально-этическим заветам Мономахов. Личная воинская доблесть приобретает черты рыцарства, с которым связано высокое понимание княжеской чести и верности клятве. По-видимому, при Андрее складываются многие обрядности, нашедшие позже отражение в миниатюрах Владимирского свода 1212 года. Там мы видим, например, очень напоминающие западное Средневековье сцены инвеституры, символически выражающейся в передаче меча²⁴⁹. Держава Андрея получает свой геральдический символ: наряду со старой родовой «тамгой» Рюриковичей, которая еще служила в княжеском хозяйстве и которой пользовались княжьи строители, появляется весьма символический герб, изображающий поднявшегося на задние лапы и готового к прыжку могучего льва²⁵⁰. Есть позднее указание, что над гробом любимого сына Мстислава Андрей сделал скульптурное портретное надгробие, какие входили в XI—XII веках в моду и в Западной Европе²⁵¹. Все эти штрихи дополняют выразительную картину своеобразного и яркого расцвета культуры в княжение Боголюбского.

Долгое время было принято думать, что период феодальной раздробленности вел к решительному падению с высот культуры Киевской Руси²⁵². История Владимирской земли и биография ее ярчайшего деятеля Андрея Боголюбского ставят под сомнение эту оценку. Широкое распространение достижений киевской культуры и их проникновение в удаленные от Киева области Руси было глубоко прогрессивным фактом. Это справедливо отметил А. Е. Пресняков: «Идет процесс децентрализации русской жизни, но запасы культуры, накопленные Киевским государством, тем самым проникают в глубь народной массы, втягивая ее плотнее в движение новых форм быта, хозяйства, права, религии, господство которых утвердилось на социальных верхах общества»²⁵³. Этот процесс децентрализации отнюдь не привел к серости или вырождению культуры, но вызвал к жизни огромное

разнообразие оттенков культурного творчества в различных русских княжествах. На особом месте среди них и впереди них стоят Владимирское, а несколько позднее — Галицко-Волынское княжества, которые рано поняли необходимость борьбы с распадом Руси. Они создали в ходе этой борьбы культурные ценности, не уступавшие киевским, и выдвинули таких высоко поднимавшихся над современным обществом властителей, как Андрей Боголюбский, Всеволод III, Роман и Даниил галицкие.

VIII. «Русская земля»

Мы видели, что первый большой поход Андрея на болгар в 1164 году был организован тогда, когда он закончил в главных чертах большую строительную работу во Владимирском княжестве. Остальные крупные военные предприятия падают уже на вторую половину 1160-х годов.

Однако авторитет Андрея стоит очень высоко уже в самом начале этого десятилетия. Именно к Андрею обращается в 1160 году князь Изяслав Давидович, искавший киевского стола, занятого в 1159 году Ростиславом смоленским. Изяслав сватал дочь Андрея за своего племянника Святослава Владимировича вщижского, прося кроме того военной помощи, так как Святослав сидел во Вщиже (город в Черниговской земле), осажденный ратью «русских князей». Андрей посылает на помощь своего сына Изяслава со всеми владимиро-суздальскими полками и муромской «помочью». Осаждающие князья, «слышавше идуча Изяслава Андреевича с силою мноюю Ростовскою, убоявшеся и даша ему (Святославу. — *Н. В.*) мир...»²⁵⁴.

В год смерти Юрия Долгорукого брат Андрея Мстислав Юрьевич был изгнан с новгородского стола, а в 1160 году Андрей открыто заявил свои властные притязания на Новгород²⁵⁵. В это время в Новгороде сидел сын Ростислава Святослав Ростиславич смоленский, а в Новом Торге его брат Давид. Уже при Юрии, благодаря его мероприятиям, новгородское право выбора князя было сильно расшатано, и в Нов-

городе образовалась «суздальская партия», заинтересованная в мирном сожительстве с Суздалем, державшим в своих руках пути низовой торговли и хлебного подвоза. Андрей действует еще более решительно, он хочет окончательно вырвать Новгород из сферы влияния смоленских и других князей.

После совещания на Волоке с князем Изяславом Давидовичем Андрей посылает предупредить новгородцев, что он хочет «искать Новгорода и добром и лихом» и требует от новгородцев клятвенного подтверждения своих верховных княжеских прав на Новгород. После этого Новгород пришел в волнение: «начашась Новгородци мясти и вече часто начата творити»²⁵⁶. В результате Святослав был вынужден вывести брата Давида в Смоленск, а затем новгородцы захватили его самого и выслали в Ладогу (откуда он, правда, вскоре сбежал). Это был среди прочего чувствительный удар по сидевшему в Киеве Ростиславу, выгодный как Андрею, так и Изяславу Давидовичу.

Новгородцы тем временем попросили у Андрея на княжение его сына. Он сначала предложил им брата Мстислава, княжившего у них раньше, но они его не захотели. Андрей все же не исполнил их желания — не дал сына и послал в Новгород племянника Мстислава Ростиславича. Однако на другой год сам решил вывести Мстислава из Новгорода. Возможно, что причиной были какие-то осложнения внутри Суздальской земли: уже в 1163 году, как мы знаем, Мстислав был изгнан Андреем и отсюда. Что же до Новгорода, то Андрей договорился с Ростиславом киевским, чтобы снова вернуть в Новгород Святослава, и новгородцы под давлением Андрея Святослава приняли. Но как только Ростислав умер, они снова его прогнали. Тогда, получив помощь от Андрея, Святослав сжег Новый Торг, а его братья сожгли Великие Луки. Сам Андрей в это время со смоленскими и полоцкими войсками двинулся в Новгородскую землю и закрыл все пути, перерезав связь с Киевом. Он упорно настаивал на возврате готового признать его верховенство Святослава: «Святослава силою местяче в город». Но новгородцы перебили его сторонников, а затем новгородский воевода Даньслав Лазутинич нашел путь в Киев и в 1168 году «привел» в Новгород

от Мстислава киевского его сына Романа²⁵⁷. Таким образом, Новгород уходил из-под влияния Андрея, и Киев снова оказался поперек его дороги.

Летопись отмечает, что Андрей «не имея любви к Мстиславу», и не удивительно, что у него находит поддержку враг Мстислава князь Владимир Мстиславич, которого Андрей отправляет в Рязань, обещая в дальнейшем наделить волостью²⁵⁸. В этом же году суд киевского митрополита, как мы видели, сразил владимирского владыку Федора. Все десять лет после смерти Юрия Киев продолжал быть местом непрерывных усобиц, сеявших смерть и несших оскудение стране. Все это приводит Андрея к тому, что он решается на неслыханное дело — разгром Киева. Теперь ему не нужен Городец на Остре, в котором нуждался Юрий для сбора там своих союзников. Андрей мог вести свои войска через все княжества и везде получать усиливавшие их новые полки.

Момент для удара по Киеву был избран Андреем очень удачно. Сидевший в Киеве Мстислав не только был враждебен Андрею, но не пользовался расположением и других южных князей. Назначение в Новгород его сына Романа оттесняло от Новгорода Ростиславичей и упрочивало их союз с Андреем.

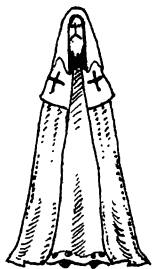
Мстислав, видимо, не думал, что беда так близка; в это время, занимаясь судьбой Романа в Новгороде, он послал к нему на помощь младшего брата Андрея Михалку с черными клобуками. Однако Михалко был перехвачен Ростиславичами смоленскими. Судя по поведению Михалки, можно думать, что он рассчитывал закрепиться на юге и вел свою независимую от Андрея политику²⁵⁹.

Войско Андрея во главе с Мстиславом Андреевичем и воеводой Борисом Жидиславичем по пути к Киеву быстро увеличивалось. К нему примкнули братья Андрея Глеб Юрьевич из Переяславля-Южного и вернувшийся из Греции юный Всеволод Юрьевич²⁶⁰, племянник Андрея Мстислав Ростиславич, князья Роман смоленский, Владимир дорогобужский, Рюрик Ростиславич овручский, его братья Давид и Мстислав из Вышгорода, северские князья Олег и Игорь Святославичи. Соединившись под Вышгородом, войска остановились

под Киевом на Доргожичах, около Кириллова монастыря, и, разойдясь отсюда, обложили Киев. Осада продолжалась три дня, пока ловкий маневр отборного отряда дружинников, ударивших на город с тыла и ворвавшихся внутрь, не заставил Мстислава бежать²⁶¹.

Никто не вышел навстречу победителям — это не было очередной сменой одного князя другим, это было взятие вражеского города со всеми его последствиями. И действительно, описание в летописи разгрома Киева не уступает картинам монгольского завоевания: «Взят же был Киев месяца марта в 8 на второй неделе поста в среду. За два дня ограбили весь город: Подол и гору, и монастыри, и Софию, и Десятинную Богородицу. И не было помилования никому и ниоткуда; церкви горели, христиан убивали, других вязали, женщин уводили в плен, насильно разлучая с мужьями; дети плакали, глядя на своих матерей. И взяли именья множество и церкви обнажили: иконы, и книги, и ризы, и колокола — все унесли смольняне, суздальцы, черниговцы, и Олегова дружина; вся святыня была взята. Зажжен был погаными и монастырь Печерский святой Богородицы, но Бог молитвами святой Богородицы сохранил его от такой напасти. И было в Киеве у всех людей стенание, и туга и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные. Все же это случилось грех ради наших» (перевод), — заключает летописец²⁶².

В других версиях этого рассказа и, в частности, во Владимирской летописи, разгром Киева объясняется как наказание за «митрополичью неправду» в связи со спором о постах и «запрещением» печерского игумена Поликарпа. Мы уже говорили, что это был бы слишком незначительный повод для столь страшного удара. «Митрополичья неправда» — это была прежде всего казнь владыки Федора. В этой связи интересно сообщение Никоновской летописи, что владыка Федор был родственником киевского боярина Петра Борисовича, который во время осады Киева войсками Андрея якобы изменил киевлянам и, перейдя к Андрею, выдал ему слабые места киевской обороны²⁶³. Но и самый характер разгрома Киева лучше всего говорит, что это был удар не только по его политическому престижу, но, главным образом, по престижу цер-

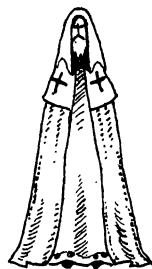

ковному. Киев лишали прежде всего его церковных сокровищ, книг, утвари, облачений, колоколов, реликвий и т. п.; сами церкви беспощадно поджигали, так что едва не пострадал единомысленный Андрею и Федору Печерский монастырь.

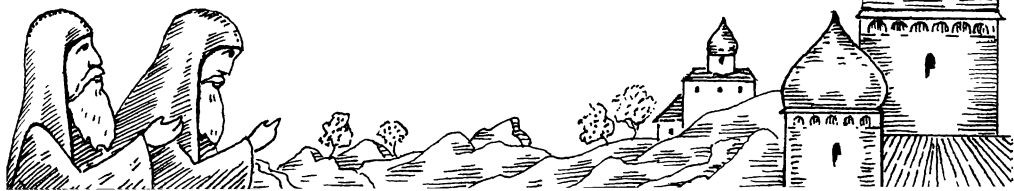
Разгром Киева северным князем, который был впоследствии прославлен церковью и получил прозвище Боголюбского, приоткрывает характерную черту религиозности феодалов тех времен. Андрей, конечно, был религиозен; но тот факт, что он, столь много сделавший для возвышения церкви на своем владимирском севере, вложивший столько сил и мысли в создание прекрасных по своей форме храмов, не остановился перед уничтожением знаменитых киевских «святынь», показывает, насколько преобладала в его сознании идея своей политической власти; перед нею должны были отступить все другие, в том числе и религиозные, соображения. Здесь сказался, вероятно, и большой личный опыт Андрея. Недаром он выдержал такую долгую политическую борьбу с южными церковными владыками. Он совершенно сознательно использовал все средства религиозного воздействия, чтобы усилить свой политический вес. Создатель крупных центров религиозного культа, он, разумеется, относился к ним иначе, чем простой верующий люд. И поражающая нас жестокость, проявленная им в разгроме киевских «святынь», логически вытекала из его взгляда на них прежде всего как на оплот политического влияния противника. Для осуществления своих решительных политических планов он не постеснялся пустить на эти «святыни» даже самих «поганных» — половцев.

Киев не только терял значение русской столицы. Город, являвшийся престолом ненавистного византийского митрополита, был лишен всего церковного благолепия, и никакая «небесная помощь» не защитила Киева — так, в глазах летописца, был отягчен грехами этот город. Теперь над Русью должен был ярче и горделивее гореть золотой купол владимирского Успенского собора — храма Богоматери, «покровительницы» дел Андрея и его людей: у его ног лежал не только испепеленный пожаром и брошенный старый Ростов, но и сам стольный Киев.

Интересно сопоставить отражение в летописи событий 1169 года и не менее тяжкого разгрома, который совершил в Киеве в 1203 году князь Рюрик Ростиславич. По содержанию и образам эти описания почти одинаковы: и тут и там почти монгольская ярость и жестокость. Но в первом случае летописец как бы оправдывает тяжкое деяние Андрея: оно обрушилось «за грехи наши», «за митрополичью неправду» — было какое-то понимание внутренней правоты этого события. Разгром Киева Рюриком — совсем иное дело. Он был изгнан из Киева Романом галицким с согласия и с помощью Всеволода III владимирского; оба князя, продолжая политику Боголюбского, стремились помешать возрождению Киева. Горожане Киева и других городов теперь, видимо, понимали смысл трагической судьбы Киева; через его унижение шел путь к замирению усобиц, к установлению сильной власти и порядка. Горожане покинули Рюрика и стали на сторону Романа. Рюрик понял безнадежность своего положения и в ответ подверг недоставшийся ему Киев мстительному разгрому — взяв с Ольговичами и половцами Киев, он отдал его на волю «поганных», которые сожгли и ограбили город, перебив или уведя в полон его жителей²⁶⁴. Беспринципность и низость этого поступка Рюрика отразились в характерной оценке летописца: «И створися велико зло в русстей земле, якого же зла не было от крещенья над Киевом...»²⁶⁵. Оговоримся, однако, что тут мы можем заподозрить северного летописца в пристрастии в оценке дела, связанного с интересами Всеволода.

Осадой и разгромом Киева в 1169 года руководил любимый сын Андрея, храбрый и удачливый в войнах Мстислав. Сам Андрей даже не приехал посмотреть на поверженный к его ногам великий город; он не сел на его древний стол и не отдал его сыну-победителю. В Киеве был посажен брат Андрея Глеб Юрьевич. Эта дерзкая демонстрация показывала, что Андрей пренебрегает Киевом, что Киев отныне должен стать рядовым городом Руси. Годом позже летописец вложит в уста обращающихся к сидящему в Киеве Глебу половецких князей формулу, живо напоминающую теорию богоустановленности самовластия Андрея: «Бог посадил тя и князь Андрей...»²⁶⁶.

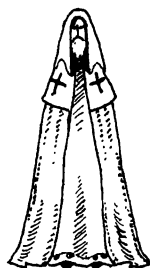
В старой историографии это событие получило значение поворотного пункта русской истории²⁶⁷. Киев перестал быть столицей Руси, и ее политическим центром стал северный Владимир. Но формулировали это и иначе: «Андрей впервые отделил старшинство от места»²⁶⁸ или резче: «старшинство признавалось за Андреем, а не за его городом Владимиром на Клязьме»²⁶⁹, то есть факт переноса столицы отрицался. С этим мнением никак нельзя согласиться.

Во время Андрея Киев менее чем когда-либо до того был политическим центром Руси. Но он был центром кровавых общерусских усобиц. «Старшинство» Киева было уже фикцией, которая лишь мешала начатой Андреем объединительной работе, поэтому он и нанес свой сокрушительный удар. Все говорит о том, что современники Андрея на севере и юге прекрасно оценивали особое значение Владимира и политическое существо его демонстративно богатой обстройкой. Мы видели, что сам Андрей отчетливо формулировал мысль об общерусском значении Владимира как политической и церковной столицы. Не удивительно, однако, что сила инерции была велика, и новые политические порядки ассоциировались прежде всего с личностью князя, а не с территорией его княжества и его столицей. Да и саму землю, которая уже при Андрее стала фактически «Владимирской», еще при Всеволоде продолжали по привычке называть «Суздальской». Послов с юга, из Новгорода и Смоленска посылали к Андрею и Всеволоду в Суздаль, хотя принимали их в роскошно обстроенных Владимире и Боголюбове, по сравнению с которыми Суздаль был теперь захудалым провинциальным городом. Епископы, носившие титул Ростовских, также жили во Владимире, но киевский митрополит упорно не признавал главенства Владимира на севере²⁷⁰.

Таким образом, ясно, что Владимир действительно, на деле становился политическим центром Руси. Это отлично понимали и ощущали на своем опыте князья XII века, но в силу традиций, выгодных для их самолюбия и политических намерений, этот факт упорно замалчивался и прикрывался старой терминологией. Поэтому наследнику и брату Андрея Всеволоду III пришлось, продолжая обстройку стольного

Владимира, ревниво пресекать всякую попытку возрождения Киевщины.

«Киевщина, — говорит А. Е. Пресняков, — оказалась не в состоянии сыграть роль территориальной базы и материальной основы для объединения русских земель в одной и более прочной государственной организации. Ей не было суждено сыграть роль Московского княжества Даниловичей или Иль-де-Франса Капетингов...»²⁷¹. Если продолжить и уточнить это сравнение, то нужно вспомнить, что между Киевом и Москвой стоял Владимир Андрея, — его земля прежде всего и стала «русским Иль-де-Франсом». Москва как город созрела в лоне Владимирской земли, национальное значение которой в XIII и последующих веках так мудро предвидел Боголюбский, а Московское княжество Даниловичей было лишь продолжателем владимирских культурно-политических традиций.

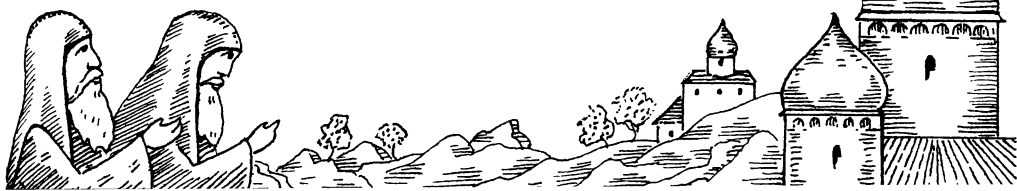

Разгром Киева и изгнание Мстислава Изяславича с киевского стола делали опасным положение его сына Романа в Новгороде. Решительная схватка с Андреем не замедлила разразиться.

В 1169 году на Северную Двину отправился за данью Даныслав Лазутинич, сумевший в свое время добыть Новгороду князя Романа. С ним было 400 новгородцев. Андрей решил захватить Даныслава и отправил на север семитысячный отряд. Столкновение произошло на Белом озере. Но Даныслав показал большое воинское искусство, обратив отряд Андрея в бегство, уничтожив якобы 1300 человек и потеряв всего 15 своих. После этого Даныслав закончил сбор дани, прихватив еще дань и с пограничных суздальских земель²⁷².

Андрей решил ответить ударом по Новгороду. К владимиро-суздальским полкам присоединились смоленские, полоцкие, муромские и рязанские силы. Рать двинулась под предводительством победителя Киева, князя Мстислава Андреевича и воеводы Бориса Жидиславича. По словам летописца, было такое множество войска, что оно казалось бесчисленным. По пути войска Андрея захватывали и жгли села; мужчин убивали, а женщин, детей, скот и имущество забирали. Роман сел в осаду и упорно отбивал атаки. Четыре приступа были

отбиты; в последний из них Мстислав Андреевич уже въехал в ворота города, заколов нескольких новгородцев. Но все это не дало успеха. В осаждавших войсках к тому же распространились конский падеж и эпидемия. Пришлось отступить. Многие шли пешком, так как голод заставил есть коней; войска шли по опустошенным уже ими районам, многие умирали от голода. Преследуя отступавших, новгородцы захватили такое множество пленных, что торговали ими по небывало низкой цене — по две ногаты за голову²⁷³.

История этой борьбы «суздальцев с новгородцами» получила особую актуальность в XV веке, когда противостояние Новгорода и Москвы вызвало к жизни воспоминания о славном новгородском прошлом. Сложившееся в это время «Сказание о битве суздальцев с новгородцами» дает несколько иную картину и борьбы за Волоком. Даньслав имел 500 дружинников — «от пяти конец по сту муж», Андрей же послал всего «тысящу ратных ратник избранных»²⁷⁴; таким образом, гиперболическое соотношение сил 400 новгородцев и 7000 суздальцев является, очевидно, патриотическим преувеличением новгородского летописца. Зато в осаде Новгорода, по словам «Сказания», якобы участвовало «всех князей семидесят и два со многими силами»²⁷⁵.

Под пером владимирского летописца-церковника крах похода Андрея нашел благовидную мотивировку. Он говорит, что еще за три года до похода Андрея в трех новгородских церквах «плакала» икона Богородицы, моля Бога о помиловании «клятвопреступников»-новгородцев, так как они все же «хрестьяне суть». За этот-то грех Бог и «навел [беду на новгородцев] и наказал [их] по достоянью рукою благоверного князя Андрея», но «милостью своею избави град их»²⁷⁶.

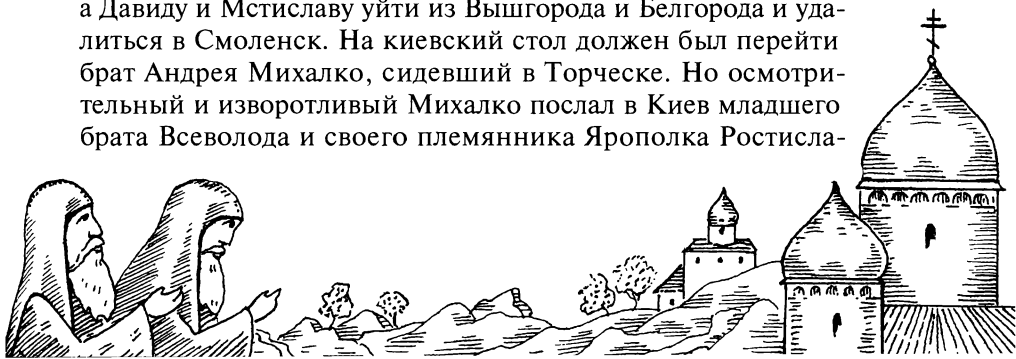
Но Новгороду, несмотря на, казалось, полный триумф, пришлось все же идти с повинной к Андрею: его воины опустошили новгородские деревни, хлеб вздорожал, а Андрей прервал подвоз жита с низа, и «новгородьци... сами послаша к Андрееви по мир — на всей воли своей». «После такой неудачи, — замечает М. П. Погодин, — Андрей должен был отказаться от своего намерения, уменьшить свои требования, смягчиться. Нет! Смирились новгородцы, несмотря на свой

успех... Так верно были рассчитаны действия суздальского князя, что ему неудача не причинила никакого вреда, и сила его не ослабла...»²⁷⁷. В довершение всего Мстислав киевский умер, и Роману пришлось покинуть Новгород. Его ненадолго сменил посланный Андреем Рюрик Ростиславич²⁷⁸.

Появление на киевском столе Владимира Мстиславича «не любо бяше» Андрею, и он посылал к нему, требуя уступить престол Роману Ростиславичу. Смерть Владимира разрешила конфликт. Андрей послал к Ростиславичам сказать: «вы меня нарекли своим отцом, и я хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев». Роман был торжественно встречен киевлянами, братьями, митрополитом, печерским игуменом и прочим духовенством. Брат Романа Рюрик вышел из Новгорода, а новгородцы приняли от Андрея его сына Георгия²⁷⁹.

Казалось бы, достигнуто было то, к чему стремился Андрей. В его руках были важнейшие столы — в Киеве и Новгороде. Ростиславичи смоленские послушно исполняли его волю, из своего Владимира на Клязьме он направлял жизнь на Днепре и Волхове, не считаясь с старшинством князей и постепенно взламывая традиции старого княжого права. Впрочем, в глазах союзных ему Ростиславичей он продолжал оставаться названным «отцом».

Не знаем, что послужило толчком к разрыву Андрея с Ростиславичами. Предполагают, что Ростиславичи были недовольны появлением в Новгороде Георгия Андреевича. Может быть, Андрей теперь хотел занять и киевский стол своими братьями и стать «самовластцем» не только на севере, но и «в Руси», или он поддался на чью-то клевету. Так или иначе, но он обвинил Ростиславичей в насильственной смерти на киевском столе брата Глеба и потребовал выдачи подозреваемых в этом людей. Ростиславичи не оправдывались, но и не исполнили приказания. Тогда последовал суровый ответ: Андрей велел Роману оставить киевский стол, а Давиду и Мстиславу уйти из Вышгорода и Белгорода и удалиться в Смоленск. На киевский стол должен был перейти брат Андрея Михалко, сидевший в Торческе. Но осмотрительный и изворотливый Михалко послал в Киев младшего брата Всеволода и своего племянника Ярополка Ростисла-

вича. Изгнанные Ростиславичи сложили крестное целование Андрею, но он ответил на это молчанием. Тогда Ростиславичи вошли в Киев, захватили Всеволода и Ярополка и их людей и посадили в Киеве Рюрика. Затем они осадили в Торческе Михалку, и он пошел на мир с ними, получив к Торческу Переяславль. Так Михалка «лишился Андрея, брата своего... а к Ростиславичем приступи»²⁸⁰.

Узнав о ссоре Андрея с Ростиславичами, черниговские Ольговичи стали подстрекать его к вооруженной борьбе, предлагая в его распоряжение свои полки. Гнев Андрея на ослушников его воли все нарастал. Он послал к Ростиславичам своего мечника Михна, приказав им передать: «если вы не ходите в моей воле, то ты, Рюрик, иди из Киева в Смоленск к брату в свою отчину, а Давиду скажи — ты иди в Берладь, не велю тебе оставаться в Русской земле, а Мстиславу скажи — ты зачинщик всему, и тебе не велю быть в Русской земле». Но Мстислав, по словам летописи, был не пуглив с юных лет и боялся только Бога. Он приказал схватить Михна, обстричь ему голову и бороду и передать Андрею такой ответ: «мы тебя до сих пор имели по любви как отца, а ты с такими речами прислал не как к князю, но как к подручнику и простому человеку. Делай, что задумал, — Бог все видит».

Этот знаменитый «обмен нотами» вскрывает всю глубину разницы в политических взглядах Андрея и Ростиславичей, устами которых говорила старая Русь. Андрей был правильно понят, может быть, даже точнее и правильнее, чем он сам оценивал свои дела. «Надеяся плотной силе и множеством вой огородився», Андрей «исполнился высокоумья и разгордewся велми» — так оценивает летописец его ультиматум Ростиславичам. Он считал себя теперь «королем», верховным сюзереном Руси, а остальных князей своими вассалами, или, по-русски, — подручниками. Так князья могли относиться к своим «простым людям», но это было недопустимо в отношениях старшего князя к младшему, которые еще облакались в ветхий покров семейно-родовой морали. Андрей знал цену этой морали и пользовался ею, когда считал нужным, но шел, попирая ее, прямым путем к единодержавной власти, спо-

собной подчинить бунтующую феодальную стихию. Но она не хотела уступать без боя²⁸¹.

Андрей, увидев своего опозоренного, стриженного посла и услышав принесенный им ответ Ростиславичей, изменился в лице «и бысть образ лица его попуснел, — говорит летописец, — и възострися на рать, и бысть готов». Андрей немедленно собрал ростовские, суздальские, владимирские, переяславские и белоозерские полки, присоединил к ним войска рязанские и муромские и приведенных сыном Георгием новгородцев. Во главе с Георгием и воеводой Борисом Жидиславичем он двинул их на Ростиславичей, приказав теперь изгнать Рюрика и Давида даже и из их смоленской отчины, а Мстислава привести живым на свой суд. На юге северное войско Андрея, насчитывавшее 50 тысяч воинов, должно было соединиться с силами Святослава Всеволодовича черниговского. По пути движения к нему поневоле («нужею») присоединил отряд своих смолян Роман, вынужденный идти на родных братьев. По приказу Андрея присоединялись полки полоцких, туровских, пинских и городенских князей. Пришли также войска Ольговичей, переяславцы с Михалкой и Всеволодом Юрьевичами, племянники Андрея Мстислав и Ярополк Ростиславичи. Масштаб мобилизации сил всех княжеств был исключителен. Всех князей было более двадцати²⁸².

Любопытно, что Ростиславичи даже и не думали оборонять Киев: они оставили его открытым. Решив сыграть на расчленении сил противника, они ушли в пригороды Киева: Рюрик сел в Белгороде, а Мстислав с Давидовым полком — в Вышгороде. Сам же Давид поехал в Галич поднимать на помощь Ярослава. Замысел Ростиславичей оправдался. Старший из князей коалиции Святослав Всеволодович черниговский, принявший руководство военными действиями, отрядил группу младших князей — Всеволода Юрьевича и других для осады Вышгорода. Мстислав вывел навстречу свои полки. Всеволод построил своих воинов в обычный трехчленный порядок: сам с дружиной стал в центре, имея по сторонам новгородцев и ростовцев. Мстислав ударил в центр и смял полк Всеволода. В поднявшейся пыли не было видно, где

конный, где пеший, где свои и где чужие. Несмотря на ярость сечи, убитых было немного, и к концу дня войска разошлись. Подошедшие вскоре главные силы Андрея обложили город. Начались ежедневные приступы и вылазки, продолжавшиеся девять недель. Осаждающие войска утомились, их пыл охладел. К тому же пришедший к Вышгороду Ярослав луцкий, надеявшийся получить Киев, убедился, что Ольговичи вовсе не собираются уступать город в его пользу, и тут же перешел на сторону Ростиславичей. Предполагают, что затем изменили Андрею и Ольговичи. Это привело в колебание всю огромную армию осаждавших, начали опасаться подхода галицкой помощи и черных клобуков. Ночью, не дождавшись рассвета, полки начали отходить; часть в смятении бросилась вплавь через Днепр, причем многие утонули. Мстислав, увидев неожиданное бегство врагов, преследовал их, захватил обозы и много колодников. На киевский стол Ростиславичи посадили Ярослава Изяславича²⁸³.

Но примечательно то, что провал военных предприятий в Новгороде и Вышгороде не освободил север и юг от властной силы Андрея: «он и побежденный оставался победителем», — замечает М. П. Погодин. Новгород, как мы видели, после победы просил Андрея о князе, и туда был послан Георгий Андреевич, приведший сейчас под Вышгород новгородскую рать. Так и одержавшие победу Ростиславичи, когда на киевском столе стали со стремительной быстротой меняться князья, поняв, что без прочной опоры вне Южной Руси им в Киеве не удержаться, обращаются к Андрею с просьбой посадить на киевском столе Романа Ростиславича. Андрей ответил, что он запросил совета братьев Михалки и Всеволода, сидевших на юге. Но ответа братьев ему не пришлось получить: 29 июня 1174 года он был убит заговорщиками в своем Боголюбовском дворце²⁸⁴.

Поучительно сопоставить деятельность Юрия Долгорукого и Андрея; это сравнение резче выявляет то новое, чем выделялся Андрей.

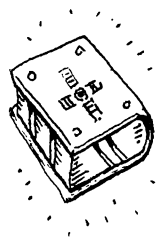
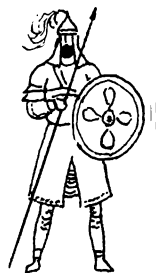
Правление Юрия можно разделить на два этапа: первый — до середины 1130-х годов, характеризующийся бездеятельностью князя во внутренней жизни и внешней политике, и второй —

полный нарастающей борьбой за Киев. Провал киевской политики был предрешен отсутствием прочной основы для нее в собственной земле Юрия и слабостью его сил и авторитета.

Иным рисуется характер деятельности Боголюбского. Первая половина его княжения занята устройством Владимирской земли и упрочением ее военно-политического и церковного авторитета. Внешняя же политика раскрывает свое направление лишь в последние годы княжения. Она уже вполне обнаруживает возросшую силу власти владимирского князя и проявляется в ряде решительных, хотя и не всегда удачных, крупных предприятий. Если борьба Юрия за Киев суетлива, мало продумана и похожа скорее на цепь авантур, нежели на планомерную и заблаговременно подготовленную политику, то удары Андрея концентрированы и наносятся вовремя, обнаруживая определенный стратегический замысел и ясное знание обстановки в Русской земле.

Масштаб операций, для которых к Андрею приводят свои войска от одиннадцати до двадцати князей, был нов и неизменно вызывал удивление летописцев. Андрей не зря был в своем державном авторитете: формирование огромного войска из полков формально независимых от него князей проходило без срывов и в известной степени планомерно. Вспомним, как обрастает по пути своего движения новыми силами войско, идущее под Вышгород, или как быстро организуется рать для похода на Киев в 1168—1169 годах. Нужно предположить наличие и отчетливо действующей посольской службы, которая обеспечивала быструю осведомленность о ходе дел на юге и позволяла передавать приказания Андрея в самые различные края Руси.

Сила Андрея внушала уважение к нему, и в этом смысле он был подлинным «самовластцем», подобным королям Запада. Это качество Андрея приобрело гиперболические масштабы в глазах соседних народов. По-видимому, через родственных половецких князей слава о нем проникла в далекую Грузию, здесь его называли «царем» и «Андреем великим». Когда стали искать жениха грузинской царице Тамаре, крупный армянский феодал Амир-Курд-Абул-Асан-Арцруни указал на изгнанного Всеволодом сына Андрея Георгия, скитавше-

гося в половецкой земле; Абул-Асан сказал: «...Я знаю сына государя Андрея великого, князя русского, которому подневольны 300 русских князей...» По словам грузинского историка Басили, Георгий был «лицо весьма родовитое, сильнее всех царей той страны [Руси] ». Позднейший армянский историк Степанос Орбелян (конец XIII века) называет Георгия «сыном русского царя»²⁸⁵.

Но в этом признанном авторитете Андрея было и его слабое место. Войско, составленное из отдельных феодальных дружин и полков, подчинявшихся своим военачальникам, как правило, не заинтересованным, а часто и прямо враждебным тем целям, какие выдвигал Андрей, — такое войско не могло быть стойким. Часть князей шла в походы исключительно под страхом кары Андрея, и как бы значительны ни были его владими́ро-суздальские войска, составлявшие ядро таких сводных ратей, они не могли уравновесить сил, дробивших их единство. Кроме того, владимирские полки включали, кроме горожан-«пешцов», значительное количество «воев» — крестьян, равнодушных к делу Андрея. Отсюда малая боеспособность огромной по тем временам армии, осадившей Вышгород или отошедшей из-под Новгорода.

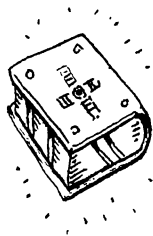
Самые цели этих походов были сомнительны или неприемлемы для огромного большинства их участников. Мысли Андрея далеко опережали XII столетие. Любопытно, что в глазах летописца, рассказывающего о вышгородской осаде, дело Ростиславичей — справедливое: им «помогают» Борис, Глеб и даже Бог. «Святые князья» Борис и Глеб были идеалом братского миролюбия, и потому их упоминание здесь как покровителей Ростиславичей особенно выразительно. Замысел же Андрея — греховен и потому терпит неудачу. Злой иронией звучат комментарии летописца к эпосе вышгородского похода: Андрей попал «в сети многолукавого дьявола, который враждебен христианам; Андрей же князь был такой умник, такой доблестный во всех делах, а погубил свою рассудительность невоздержанием и, распалившись гневом, испустил такие заносчивые слова, — а ведь перед Богом мерзка и постыдна хвала и гордость. Все это было на нас от дьявола, который сеет в нашем сердце хвалу и гордость... Так исполнилось

слово апостола Павла, сказавшего... возносящийся смирится, а смиренный вознесется. И так возвратилась вся сила Андрея князя Суздальского: собрал он воедино все земли, и не было счета множеству воинов; пришли они высоко мысля, а смиренными пошли к своим домам...» (перевод)²⁸⁶.

Как бы вторя этой явно пристрастной и враждебной Андрею оценке южного летописца, построил свою знаменитую характеристику Боголюбского В. О. Ключевский. Перечислив его военные неудачи, он объясняет их личными качествами Андрея: «смесью силы с слабостью, власти с капризом»; бесплодные походы «можно было сделать и без Андреева ума!» «Проявив в молодости на юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом, живя сиднем в своем Боголюбове, наделал немало дурных дел: собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей Русской земле из своего темного угла на Клязьме!» Образ действий Боголюбского возбуждал у Ключевского вопрос: «руководился ли он достаточно обдуманними началами ответственного самодержавия или только инстинктами самодурства?...»²⁸⁷. Мы видим теперь, сколь далека от истины эта популярная, но поверхностная оценка.

После поражения под Вышгородом казалось, что феодальная Русь торжествовала окончательную победу. Сам Андрей скоро падет от руки убийц, защищавших старый порядок и «тьму разделения нашего».

Однако Андреем было сделано дело огромной важности. Он показал, что мыслима и осуществима организация единой державной власти, подчиняющей своим политическим планам силы других князей. Он показал, что это возможно только на новой социальной и географической почве. Силы растущего города были впервые сознательно включены Андреем в его созидательную работу. Он развеял старую славу Киева как политического центра Руси. Теперь было ясно, что обладание Киевом — дело слепого случая и комбинации сил, лишненное какой бы то ни было прочности и правомерности. Святослав, обращаясь с просьбой о волости к занявшему в 1174 году киевский стол Ярославу Изяславичу, формулировал свои мысли

с неприкрытым цинизмом; «ныне же ты сел еси, право ли, криво ли — надели же мене!..». Андрей в 1169 году разгромил Киев, и после этого имя Киева потеряло всякий моральный и политический авторитет.

«В лице этого князя, — замечает М. Д. Приселков, — мы, несомненно, имели опережающего свое время и современников смелого и крупного деятеля, весьма рано оценившего и уподочность “Русской земли” (то есть Поднепровья. — *Н. В.*), и растущую мощь Ростово-Суздальского края и решившего, порывая все традиции своего рода и всех русских феодальных княжеств, по-новому поставить соотношение сил и внутри Ростово-Суздальского края, и внутри русских княжеств...»²⁸⁸.

IX. Развязка

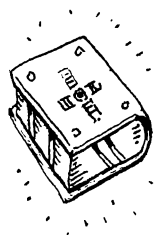

Гибель верного помощника, епископа Федора, поражение под Новгородом, позорное отступление огромной рати двадцати князей из-под Вышгорода — все это были удары, расшатывавшие основы могущества Андрея и разрушавшие властный гипноз его силы. Они били и по самому Андрею, ослабляя его железную волю и уверенность в своих поступках. К этим политическим неудачам присоединился трагизм надвигавшегося одиночества. Его сыновья умерли: в 1165 году погиб Изяслав, в 1173 году скончался любимец Андрея, победитель Киева Мстислав; третий сын, Георгий, не мог служить утешением отцу и опорой его планов — он, видимо, не разделял мыслей отца. В 1174 году одновременно умерли два брата Андрея — Святослав, прошедший бледной тенью в жизни Руси и погребенный в суздальском соборе, и Глеб, сидевший в Киеве и, как подозревал Андрей, изведенный коварством Ростиславичей. На юге оставались младшие братья Михалко и Всеволод, которых десять лет назад Андрей изгнал из Владимирской земли. То, что с тех пор оснований доверять им не прибавилось, Михалко показал во время недавних событий на юге, пойдя на мир с Ростиславичами. Кроме того, незадолго до гибели самого Андрея, очевидно, предчувствуя надвигавшуюся катастрофу, ушли за пределы Владимирско-

го княжества многие его ближайшие соратники. Особенно странно, что храбрый воевода Борис Жидиславич оказался в Рязани²⁸⁹.

Чувство тревожного одиночества овладевало Андреем. Он терял равновесие, от вспышек гнева и ярости неожиданно переходил к раскаянию и смирению, ища опоры в молитве и чтении духовных книг. Столько сделавший для развития церкви, сам, несомненно, верующий человек, Андрей все чаще ходил по ночам в дворцовый собор, сам зажигал свечи и лампы и в их неверном полусвете совершал одинокие все-ношные молитвы, «покаяние Давыдово принимая, плачась о гресех своих»²⁹⁰.

В позднейших княжеских некрологах это «покаяние Давыдово» стало своего рода штампом, который мы встретим в ряде похвал, явно подражающих «Повести»²⁹¹. В «Повести» же об Андрее оно, может быть, является реальной чертой его биографии. Псалмы Давида, по которым гадал дед Андрея Мономах в трудные минуты колебаний, были любимым чтением того времени. Но напрашивается мысль, что Андрею они были особенно близки своим взволнованным драматическим содержанием, которое давало верный отклик на переживания и тревоги последних лет его жизни. Со страниц Псалтыри перед ним вставал облик библейского царя, утверждающего свою власть в жестокой борьбе с крамолой, с мятущимися народами и племенами, с «тайными советами» князей. Высокопоэтические строфы псалмов были пронизаны теми же противоположными чувствами, что испытывал и он сам, — мрачного пессимизма, горестного разочарования, веры в свои силы и надежды на победу и одоление противника. Невольно кажется, что Андрей мог говорить о себе и своих днях стихами псалмов: «Враги мои говорят обо мне злое: “Когда он умрет и погибнет имя его?” И если приходит кто видеть меня, говорит ложь; сердце его слагает в себе неправду, и он, вышед вон, толкует. Все ненавидящие меня шепчут между собою против меня, замышляют на меня зло... Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пята» (Пс. 40:8,10); «...Ты Бог мой. Не удаляйся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет...» (Пс. 21:12); «Посмотри на врагов

моих, как много их, и какую лютою ненавистью они ненавидят меня...» (Пс. 24:19). Трагизм одиночества и колебаний, сознание своей правоты и растущих сил сопротивления — все эти переживания, столь понятные в последние годы жизни Андрея, находили свой отклик в псалмах царя Давида.

Все военно-политические неудачи последних лет княжения Андрея, несомненно, имели общерусский отклик и оживляли надежды подавленных властью Боголюбского сил как внутри Владимирской земли, так и вне ее. Возможно, что рязанский князь Глеб и ростовское боярство ковали крамолу: догадка В. Н. Татищева, что «убийство Андреево... учинилось по научению Глебову», очень похожа на истину²⁹²; может быть, и в ближней среде Андрея, у Кучковичей, проснулась забытая было мысль о мести. Были недовольные и в самой владимирской дружине.

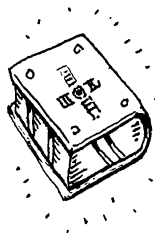
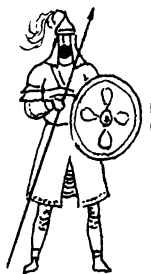
И вот наступила кровавая развязка. Взволнованное и полное драматизма повествование о ней является одним из выдающихся литературных произведений XII века, попавших на страницы летописи. Вот как, по показаниям этой «Повести», разыгрались трагические события в Боголюбове.

Шло лето 1174 года. За какую-то вину Андрей приказал «казнить» одного из братьев Кучковичей. Может быть, он напал на нить заговора, не оставившую уже никаких сомнений в его реальности. Намерение князя стало известным его любимому слуге Яким Кучковичу. Это подтолкнуло Кучковичей к решительным действиям, так как медлить было опасно: «сегодня князь казнит одного, а нас завтра — промыслим о князе сем», — говорил Яким своим единомышленникам. В обеденный час 28 июня заговорщики собрались у Кучкова зятя Петра, который был на другой день именинником. Он принял на себя руководство заговором, в который вошло двадцать человек, в том числе доверенный ключник Андрея осетин Анбал, Кучкович Яким, еврей Ефрем Моизич. Решено было в ту же ночь убить князя в его дворце. Предатель Анбал благоговременно вынес из княжой ложницы меч, с которым Андрей не расставался и ночью.

Как только душная ночная тьма спустилась над Боголюбовым, вооруженные убийцы двинулись к дворцу. Пугал ли

их казавшийся невероятным замысел повергнуть в прах само воплощение огромной власти и силы, которой они только что покорялись, но их объял страх и трепет, и они бежали вон. Была открыта княжая медуша, и здесь, в темноте подвала убийцы «пиша вино; сотона же веселяшет е [их] в медуши и служа им невидимо, поспевая и крепя е...» Хмель выбил сомнения и колебания, и полупьяные, «яко звери дивии», заговорщики подошли к запертой двери княжой ложницы. Один окликнул князя и сказался любимым слугой Прокопием, но Андрей понял обман. Дверь подалась под тяжкими ударами. Андрей протянул руку к мечу, но его не было. Безоружный, он схватился с двумя навалившимися на него убийцами и бросил одного на пол. Думая, что это рухнул князь, заговорщики изранили своего, но вскоре поняли ошибку: Андрей продолжал драться, как лев. «Бог отомстит вам мою кровь и мой хлеб», — кричал он, отбиваясь от града ударов. «И посем познаша князя и боряхуся с ним вельми, башеть бо силен...» В кромешной тьме его рубили мечами и кололи копьями; мечом было разрублено до кости бедро, над бровью копье скололо кусок черепа. Убийцы как будто не верили, что Андрей смертен. Они бросили его изрубленного и, захватив своего раненого сообщника, вышли на дворцовую площадь.

Но Андрей был еще жив... Его железный организм еще боролся со смертью. Напрягая последние силы, истекая кровью, он поднялся было, но упал и пополз из дворца по холодному цветному полу переходов, охваченный предсмертной икотой. Спустившись по винтовой лестнице башни вниз, он укрылся в нише в конце схода. Убийцы слышали стоны князя, а одному из них даже померещилось, что в непроглядной тьме он увидел, как князь спускался с башни. Андрей сумел воспитать в приближенных веру чуть ли не в сверхъестественную силу своей воли, способную побороть саму смерть. Они бросились наверх, но не нашли князя в ложнице. От мысли, что князь жив, их объял ужас, им казалось, что они уже погибли, и, забыв всякую осторожность, они зажгли свечи и по широкому кровавому следу нашли князя, совершавшего предсмертную молитву. Петр Кучков зять с маху отсек ему мечом левую руку

в плечевом суставе. Это был мастерский и последний удар... Андрей умер*.

История гибели Андрея нашла широкий отклик в позднейшем народно-литературном творчестве, соприкоснувшись со «Сказаниями о начале Москвы» и дав канву для их романтического сюжета. В них выступает еще одно лицо, причастное к заговору, — это жена Андрея, дочь боярина Кучки Улита, которую не называет ни один из достоверных старых источников. Те же «Сказания» и местные владимирские легенды рассказывают о казни Улиты, которая якобы была утоплена в Поганом озере под Владимиром.

Еще до рассвета заговорщики убили милостника Прокопия и ограбили сокровищницу дворца, помещавшуюся в башне сеней; погрузив на коней золото, драгоценные камни, жемчуг и всякое узорочье, они услали добро прочь. Опасаясь вмешательства владимирской дружины, убийцы созвали боголюбовских дружинников и послали к владимирцам с вопросом об их отношении к перевороту. Владимирцы ответили уклончиво: «...Пусть к вам идет тот, кто был с вами в думе...» Тем временем начался страшный грабеж.

Пришедший в Боголюбово киевлянин Кузьма не нашел тела князя в башне. Торжествовавшие убийцы надругались над своим мертвым и уже бессильным владыкой: его обнаженный труп валялся в огороде, и к нему запрещали подходить под страхом смерти, — заговорщики собирались бросить его за стену замка на съедение псам. Кузьма заплакал над те-

---

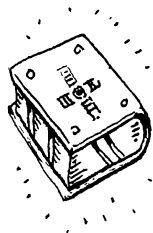
* В 2015 году при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залеском была открыта надпись XII века, содержащая текст: «Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы [слугами], овому вечная память, а сим — вечная мука», имена двадцати убийц князя и фразу: «Си суть убийцы великого князя Андрея, да будут прокляты». В 2007–2008 годах была проведена экспертиза останков Андрея Боголюбского с использованием современных методов. Несмотря на большое количество повреждений, был сделан вывод, что фактически убивали князя только двое из двадцати заговорщиков, а непосредственной причиной смерти стал не роковой удар, поразивший жизненно важный орган, а острая кровопотеря. — *Прим. ред.*

лом князя и едва умолил шедшего по дворцовым переходам в дорогой княжеской одежде Анбала сбросить ковер и плащ, чтобы покрыть мертвого. Пьяные заговорщики не захотели даже отпереть церковь: «...Что за печаль тебе о нем! брось его в притворе», — сказали они. И Кузьма положил труп в притворе собора, покрыв его княжеским плащом. На третий день игумен владимирского монастыря Космы и Дамиана внес тело в дворцовый собор, положил в белокаменную гробницу и отслужил панихиду по усопшему.

Еще три дня лежал оставленный всеми Андрей непогребенным в гулкой тишине своего дворцового храма... Кругом ширилось восстание. Народ избивал княжеских немилостивых чиновников и слуг и громил их дома в Боголюбове и Владимире. Был ограблен и Боголюбовский дворец Андрея, пострадали даже богатые мастера, пришедшие для каких-то работ в замке, — их одежды, шелковые паволоки, золото и серебро стали достоянием восставших. На пятый день сподвижник Андрея священник Микула стал ходить по Владимиру с иконой Богородицы, и восстание начало утихать.

Во Владимире оставалась верной Андрею значительная часть горожан, которая не примкнула к восстанию. Они послали за телом князя в Боголюбово: «Поедем, возьмем князя и господина своего Андрея...» Горожане и духовенство во главе с попом Микулой вышли в поле за Серебряные ворота, и, как только над холмом Доброго села показался траурный княжеский стяг, поднялись плач и стенания. Владимирцы проводили князя до Успенского собора. Прах Андрея нашел успокоение под сводами храма, который был первым делом его неутомимой воли.

Х. Всеволод Большое Гнездо

Созданные трудами Андрея величие и сила Владимирского княжества едва не погибли в острой борьбе, завязавшейся вокруг его наследия и продолжавшейся два года. Восстание 1174 года показало, до какого крайнего предела напряглись противодействующие политике Андрея силы. Андрей ошибся,

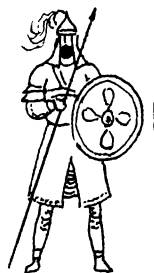

переоценив свой авторитет и прочность своего положения. Он не приучил своих противников к режиму жестокой дисциплины и повиновения, не поверил сведениям о готовившемся заговоре, и первый решительный жест — намерение казнить одного из Кучковичей — вызвал взрыв. Андрей опоздал стать «грозым» и не сумел подавить враждебных сил. Было ясно, что они будут стремиться к реваншу всякий раз, как к этому представится случай, и в 1174 году, после гибели князя, эти силы поднялись с угрожающей организованностью и единодушием.

На избирательном съезде во Владимире боярство отказалось от поддержки сыновей Юрия; на волю бояр оказывали давление послы рязанского князя Глеба, который, по-видимому, предъявлял свой счет за поддержку заговора. Поэтому съезд решил призвать шурьев Глеба — Мстислава и Ярополка, сыновей брата Андрея — Ростислава. Посольство застало их в Чернигове в обществе младших сыновей Юрия — Михалки и Всеволода, вместе с которыми Ростиславичи и двинулись во Владимирскую землю. Это вызвало недовольство боярства, настаивавшего на удалении сыновей Юрия. Но старший из них — Михалко все же пошел на Владимир, откуда дружина в это время «по повелению ростовец» ушла. Он без труда занял Владимир, встретив поддержку горожан; и с их помощью выдержал семинедельную осаду ростовских и мурома-рязанских полков. Только голод заставил владимирцев капитулировать и отпустить Михалку в Чернигов. В это время Мстислав Ростиславич сел в Ростове²⁹³.

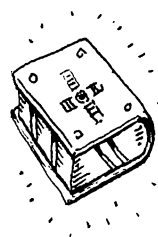
Владимирцы не хотели быть под властью Ростова и получили второго Ростиславича — Ярополка, допустив его в город под крестной клятвой, что он не будет мстить и не сделает никакого зла горожанам. Однако если Ярополк и не начал карать поддерживавших Михалку владимирцев, то они сразу испытали вкус хозяйничанья чужого этой земле князя, которого боярство толкало на «многое имание», и руку его «русских децких», начавших нещадное ограбление горожан. С особой яростью Ярополк ударил по Успенскому собору — символу андреевского самовластия. Собор был ограблен, драгоценности ризницы увезены в Рязань, храм лишился всех

пожалованных Андреем городов и даней. Ограбление собора особенно поразило владимирцев, которые говорили: «Мы по своей воле приняли князя и крест ему целовали на всем, а эти, словно не в своей волости, как будто не думают долго здесь сидеть, грабят не только волость, но и церкви...» (перевод). Ростовские бояре, конечно, не вняли жалобам владимирцев на Ярополка и продолжали поддерживать своего ставленника. В этих условиях владимирцы вновь призвали Михалку Юрьевича²⁹⁴.

Встречный бой с полком Ярополка не состоялся, так как противники разминулись в лесах. Суздальская дружина Мстислава в бою была разбита²⁹⁵, и Мстислав бежал в Новгород, после чего Ярополк скрылся в Рязани. Михалко торжественно вошел во Владимир, гоня перед собой множество пленных. Он прежде всего вернул Успенскому собору его имения и принудил Глеба рязанского возратить сокровищницу храма. Затем Михалко объехал всю землю, «сотворяя наряд» с ее городами. Старый и упрямый Ростов ограничился крестоцелованием и дарами победителю. Суздальские горожане заявили о своей непричастности к боярскому сопротивлению.

В перипетиях этой борьбы за владимирский стол мы снова видим горожан, ревниво стерегущих стольные права Владимира и связанные с ним традиции Андрея: на его братьев владимирцы возлагают судьбу столицы и княжества. Их поддержка возвращает Михалку и обеспечивает его победу. На их силу и патриотизм опирается и Всеволод, сменяющий умершего в 1177 году Михалку. Владимирцы торжественно встретили его перед Золотыми воротами Владимира и, поцеловав крест ему «и на детях его», посадили на княжение²⁹⁶.

Если болезненному Михалке судьба не судила долго занимать престол Боголюбского и продолжать его политику, то Всеволод оказался подлинным преемником дел Андрея. Именно он упрочил непререкаемый общерусский авторитет Владимирской земли, который вскоре будет запечатлен в гиперболических хвалах «Слова о полку Игореве», что полки Всеволода могли «Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти». Позже владимирский летописец в посмертном па-

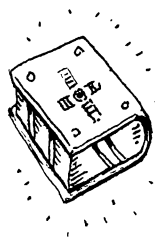
негирикe Всеволоду напишет, повторяя характеристику Владимира Мономаха, что «сего имени токмо трепетаху вси страны, и по всей земле изыде слух его, и вся зломыслы его вда Бог под руце его, и покоряше под нозе его вся врагы его»²⁹⁷. Имя Всеволода по праву стоит среди великих имен русского прошлого рядом с именем Боголюбского.

Родившийся около 1154 года, незадолго до смерти отца Юрия Долгорукого от его второй жены-«грекини», Всеволод вступил на владимирский престол молодым, полным сил и энергии 23-летним человеком. Но до этого он успел повидать и пережить немало. Восьмилетним ребенком изгнанный вместе с матерью и братом из Русской земли, он попал в Византию, видел Царьград и двор императора Мануила. Вскоре он снова возвращается на Русь, побывав по пути при дворах западноевропейских государей — чешского короля Владислава и германского императора Фридриха Барбароссы. Юношей-подростком он участвовал в разгроме Киева в 1169 году, в карательной экспедиции против Ростиславичей и в неудачной осаде Вышгорода. Короткое время он сидел в Переяславле-Южном и даже пять недель занимал киевский престол, откуда был удален Ростиславичами. Словом, он вкусил всех тех впечатлений, которые сделали его решительным сторонником политики погибшего брата. Он углубил и развил ее сообразно новым условиям последней четверти XII века и особенностям личного характера, непохожего на характер Андрея. Если в Боголюбском наследственные черты деда сказались в его воинском таланте и смелости, то Всеволод унаследовал от Мономаха другие стороны его натуры: тонкий ум дипломата и политика, спокойную властность всегда обдуманных и взвешенных действий. Политическую игру он предпочитал войне, часто пользуясь оружием скорее для психологического воздействия на противника, нежели для его военного разгрома. Но, когда было нужно, он умел наносить и сокрушительные удары. И не случайно цитированный выше некролог Всеволода почти дословно повторяет ряд мест из летописного некролога Мономаха²⁹⁸.

Древние источники молчат об отношении Всеволода к организаторам заговора 1174 года и прямым убийцам Боголюб-

ского. После 1174 года имена, например, Кучковичей ни разу не всплывают в течение летописного рассказа. Только поздний источник, «Книга степенная царского родословия», — создание книжников XVI века — сообщает, сплетая действительность с легендой, что сначала Михалко «отмсти кровь брата своего Андрея», а затем Всеволод «злодеев, дерзнувших пролияти неповинную кровь брата его, великаго князя Андрея, и сих всех изыска и сугубой казни предаде и всех обещников их. Самех же безумных Кучькович ухващая и в коробы пошивая, в езере истопити повеле». Легенда о Пловучем озере в сосновом Георгиевском бору под Владимиром и плавающих в нем обросших мохом «коробах» убийц Боголюбского дожила до наших дней. Эта легенда о черной смерти убийц Боголюбского, носящая черты народного сказания, позволяет видеть в ней оценку народной памятью деятельности самого князя Андрея, — она была положительной и сочувственной, подобно тому, как образ царя Ивана IV Грозного был с любовью закреплён в народной поэзии. «У народа свое мнение о деятельности Людовика XII, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами» (М. Горький). Возможно, что отсутствие сведений о казни Кучковичей в старом владимирском летописании было связано с работой Всеволодова летописца, который, как увидим, имел особое отношение к убийству Боголюбского²⁹⁹.

Можно думать, что именно расправа Всеволода с заговорщиками показала с полной ясностью, что дело Андрея будет жить и что ростово-суздальской боярской крамольной знати не приходится ожидать ничего хорошего от его молодого и энергичного брата. Поэтому вступление Всеволода на владимирский стол встретилось с яростным сопротивлением ростовского боярства. Призванный боярами из Новгорода Мстислав Ростиславич повел на Всеволода большую ростовскую рать, в которой участвовали «ростовцы и боляре, гридьба и пасынки, и вся дружина». Всеволод двинул навстречу противнику свою личную дружину, городское ополчение и си-

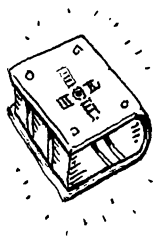
лы стоявшего на стороне Юрьевичей боярства. Уже будучи за Суздалем, Всеволод предлагал Мстиславу мир на условиях, свидетельствующих о том, что молодой князь прекрасно оценивал сложившуюся политическую обстановку. Он подчеркивал, что Мстислава привели ростовские бояре, а он, Всеволод, приведен владимирцами, переяславцами и Богом. Всеволод предлагал оставить Мстиславу Ростов, себе брал Владимир, а судьбу Суздаля предоставлял решить самим суздальцам — «да кого восхотят, то им буди князь». Правда, в симпатиях суздальцев Всеволод не сомневался, как не сомневались и советники Мстислава — ростовские бояре Добрыня Долгий и Матяш Бутович. Они понимали, что Мстислав оказался бы в Ростове перед лицом владими́ро-суздальского единства, поддерживавшего Всеволода. Поэтому мир был отвергнут. Ростовские бояре сказали Мстиславу: «Аще ты мир даси ему, но мы ему не дамы»; между боярством и усиливавшейся княжеской властью не могло быть согласия — либо та, либо другая сторона должна была подавить другую силой. Битва на Юрьевом поле (1177) решила судьбу ростовского боярства. «Бысть сеча зла, ака же не бывала николи же в Ростовской земле», — замечает об этом сражении летописец. Ополчение Мстислава было разгромлено, в бою пали виднейшие бояре — Добрыня Долгий и Иванко Степанович, остальные попали в плен и оковы, «а села боярская взяша, и кони, и скот»³⁰⁰.

Мстислав бежал в Новгород, а оттуда в Рязань. По его наущению Глеб рязанский ударил на Москву и сжег ее укрепления. Эта исконная и неукротимая ненависть Рязани к Владимиру заставила Всеволода ответить сокрушительным ударом. В битве на Прусовой горе (1177) рязанские силы были разгромлены. Захваченные в плен Глеб рязанский, его сын Роман, Мстислав Ростиславич, Глебовы бояре — изменивший Андрею Борис Жидиславич, Дедилец, Олстин и другие — вошли во Владимир, закованные в цепи, и были посажены в поруб вместе с выданным Всеволоду Ярополком Ростиславичем³⁰¹.

Торжество владимирцев было неполным: они ждали расправы со своими давними врагами, а Всеволод медлил. На третий день после возвращения из похода «бысть мятежь

велик в граде Володимери: всташа бояре и купцы». Они требовали казни или ослепления пленных рязанцев: «се вороги твои и наши суздальцы и ростовцы», — кричали горожане Всеволоду. Вскоре «всташа опять люди вси и бояре и придоша на княж двор многое множество, с оружием, рекуше: “Чего их до держати. Хотем слепити их...”». Всеволод колебался, так как о помиловании пленных хлопотали князь Святослав черниговский через своего посла епископа Порфирия и жена Глеба рязанского. Положение Всеволода было трудное: он, как и покойный Андрей, не хотел обagrить карающий меч княжеской кровью, хотя, может быть, внутренне прекрасно понимал глубокую правду требований горожан. Мы не знаем точно, чем кончился этот крупный конфликт князя и горожан, так как летописи разноречат в его освещении, а главный источник — Лаврентьевский список летописи — не доводит своего рассказа до конца, оставляя большой, едва ли не сознательный пропуск. По-видимому, следует верить версии, что Всеволод не смог справиться с восставшими, и они, разметав накат земляной тюрмы-поруба, убили Глеба рязанского, Мстислава и Ярополка ослепили, «а Романа сына его одва выстояша». Однако «ослепленные» Ростиславичи, дойдя до Смоленска, «чудом» прозрели в церкви Бориса и Глеба на Смядыни, были приглашены новгородцами и сели в Новгороде и Торжке — может быть, как думают некоторые историки, «ослепление» было фиктивным³⁰².

Разгром на Юрьевом поле и Прусовой горе значительно ослабил ростовскую знать и союзное ей Рязанское княжество, упрочив положение и авторитет Всеволода на северо-востоке. Однако ему пришлось еще не раз напоминать о себе рязанским князьям. Таков поход 1180 года на Романа Глебовича, сдавшего город и вынужденного к миру. Всеволод очень умело использовал борьбу старших и младших сыновей Глеба; в новом походе на Рязань в 1187 году вместе с владимирской и муромской ратью участвует младший сын Глеба Всеволод коломенский. Подчинение Рязани нашло образное отражение в «Слове о полку Игореве», где сказано, что Всеволод мог «стрелять как живыми стрелами удалыми князьями Глебовичами». Борьба Всеволода с Рязанью не только усиливала зна-

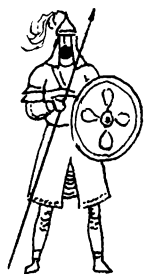
чение Владимирского княжества, но и облегчала борьбу с половецами, на которых Всеволод совершил поход в 1199 году³⁰³.

Лишь через двадцать лет, в 1207 году, Рязань снова подняла голову. Во время большого похода Всеволода на юг против Всеволода Чермного обнаружилась измена рязанских князей. Всеволод захватил их, отослал вместе с их думцами во Владимир и захватил Пронск. Рязань капитулировала без боя. Всеволоду выдали «остаток князей и со княгинями», а на рязанский стол сел в 1208 году сын Всеволода Ярослав. Но тут же рязанцы поковали и уморили в погребах всех Ярославовых людей. Спешно пришедший Всеволод блокировал Рязань. В ответ на присланную ему рязанцами «буюю речь», обнаружившую их «обычай к непокорьство», он вывел рязанцев вместе с их епископом из города, сжег Рязань и Белгород и увел все население в свои города. Попытка рязанских князей подвергнуть ответному разгрому Московский край (1208) была быстро пресечена³⁰⁴. По-видимому, в связи с описанной владими́ро-рязанской борьбой стоит сооружение Всеволодом на высоком берегу Клязьмы крепости Осовца, обращенной в сторону Рязани. Внутри же княжества были значительно усилены укрепления Суздаля и Переяславля.

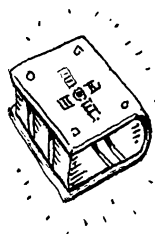
После борьбы с Рязанью важнейшей задачей защиты границ княжества стало усиление позиций на Волге. Всеволод направлял свои походы то на болгарские, то на мордовские земли. Так, в 1184 году был организован крупный поход объединенных сил русских князей в Болгарскую землю. Войска шли берегом и водой на больших судах, насадах и галях. «Великий город» был осажден с воды и суши; пришедшие ему на помощь силы были отброшены, но все же взять его не удалось. Чтобы сгладить неудачу похода, Всеволод «кони пусти на мордву»³⁰⁵. Более удачен был поход воевод Всеволода 1186 года, когда удалось захватить много сел и полоня. В 1205 году был совершен поход на болгар по Волге в насадах, завершившийся захватом большого полоня и товаров. Из похода 1210 года на мордву полки Всеволодова меченоши Кузьмы Ратшича вернулись во Владимир «со многим полонем». Эти военные предприятия еще не давали прочных результатов и выглядели как набеги за добычей; однако Городец

Поволжский уже закрепляет восточную границу княжества на Волге³⁰⁶.

Всеволод продолжал политику Андрея по отношению к Киеву, стремясь упрочить влияние севера на южные дела. Но, памятуя военный опыт Андрея и неудачи его больших походов, он предпочел «продолжать войну мирными средствами», то есть ослаблять своих противников дипломатической игрой, разделять и властвовать. В глазах потомков эта особенность политических действий Всеволода была идеализирована как «благосердное долготерпение и медленное пожатие», благодаря которым «утолялась брань и составлялось братолюбие»³⁰⁷.

Почти одновременно с вокняжением Всеволода во Владимир киевский престол занял представитель черниговской династии Святослав Всеволодович, княживший с небольшим перерывом до 1194 года. Его власть была сильно ограничена тем, что он должен был считаться с Ростиславичами, которые владели киевскими землями, предоставив ему самый Киев. «Слово о полку Игореве» называет его «грозным великим князем киевским», но это не более как комплимент — на деле Святослав играл роль «почетного, но слабосильного патриарха». «Слово о полку Игореве» называет и действительного хозяина положения: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ль ти прилетети издалеча, отня злата стола поблюсти». В глазах современника Всеволод — наследник Долгорукого на киевском престоле.

Уже при первой попытке Святослава проявить инициативу и сбросить тяжелую руку владимирских князей Всеволод быстро приводит киевского князя в чувство. Святослав думал сначала изгнать мешавших ему Ростиславичей, а затем ударить на Всеволода. Первое ему не удалось, но он все же в конце 1180 года повел свою рать на север. Новгородское войско, приведенное посаженным в этом году в Новгороде сыном Святослава Владимиром и соединившееся с южными силами на устье Тверцы, опустошило берега Волги и двинулось внутрь земли, по направлению к Переяславлю-Залескому. Но уже в сорока верстах от него, на реке Влене, при токе Дубны, стояли владимирские войска, расположившиеся

на неприступном месте «во пропаstech и ломох» и соорудившие вокруг полевое укрепление — «твердь». Всеволод не начинал боя и, ограничившись одним ударом по обозам врага, продержал здесь Святослава до весны 1181 года, пока угроза распутицы и вскрытия рек не заставила войска Святослава поспешно уйти восвояси, ограничившись попутным поджогом города Дмитрова³⁰⁸. Такова была типичная для Всеволода тактика «медленного пожьдания».

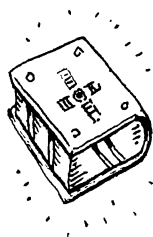
Перед этим неудачным походом на Всеволода Святослав сделал попытку поддержать борьбу с ним рязанских князей и прислал им на помощь своего сына Глеба. Тогда Всеволод просто приказал Глебу явиться перед свои грозные очи, и Глеб «волею и неволею еха к нему зане бьашеть в его руках». Всеволод заковал его, захватил его дружинников и отправил в заключение во Владимир и отпустил Глеба из плена лишь в порядке любезного жеста по отношению к побежденному Святославу³⁰⁹. После этого Святослав послал на помощь Всеволоду для участия в походе на болгар своего сына с полком, как, бывало, по воле Боголюбского шел на Вышгород какой-нибудь муромский или пинский князек. Под конец своего княжения, в 1194 году, Святослав, собираясь в поход на Рязань, уже должен был спрашивать дозволения Всеволода — «послашася ко Всеволоду в Суздаль, просячися у него на Рязань; Всеволод же их воле не сотвори, и возвратися Святослав»³¹⁰.

Последние десять лет княжения Святослава в Киеве были заняты напряженной борьбой с участвовавшими набегами половцев. В походе в степь 1184 года участвовал племянник Всеволода Владимир Глебович переяславский, проявивший много воинской удали. Эта борьба связывала руки южным князьям и отвлекала их от усобиц³¹¹. И Святослав, и Ростиславичи, противоречия которых уравнивали положение на юге, всячески стремились заручиться благосклонностью Всеволода, в частности, путем брачных связей. Рюрик смоленский, мечтавший о киевском столе, в 1187 году сосватал за сына Ростислава дочь Всеволода Верхуславу. За ней ездило целое торжественное посольство Рюриковых бояр с боярынями; с богатыми дарами и свитой поехала восьмилетняя

владимирская княжна на юг, где в Белгороде Рюрик устроил «велми силну свадьбу, ака же несть, бывала в Руси». В 1193 году Ростислав после победы над половцами ездил к тестю во Владимир вместе с женой, а на другой год отец его Рюрик после смерти Святослава занял киевский стол. По словам северного летописца, «посла великий князь Всеволод муже свое в Киев и посади в Киеве Рюрика Ростиславича»³¹².

Перед Ростиславичами, казалось, открывалась полоса спокойного правления, — они считали себя теперь «старейшими в Русской земле»; в 1195 году Рюрик отметил свое вокняжение рядом пышных пиров с братом Давидом и киевлянами в Киеве, Белгороде и Вышгороде. Тогда же зять Рюрика Роман получил во владение города Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав и Канев. О Всеволоде забыли, полагая, что и он, подобно Андрею, не интересуется разделом южных волостей. Но это было преждевременное заключение.

В том же 1195 году Всеволод проявил неожиданный и энергичный интерес к старому владению своего отца Юрия Долгорукого — Остерскому Городку, который играл столь большую роль в истории войн Юрия за Киев. Всеволод «посла... тивуна своего Гюрю с людьми в Русь, и созда град на Городци на Вьстри, обнови свою отчину»³¹³. Возрождение Юрьевой крепости было внушительной демонстрацией, служившей прологом к последующей дипломатической борьбе. Всеволод послал послов к Рюрику с очень прямолинейным требованием «части в Русской земле»; при этом он хотел получить именно те города, которые Рюрик уже отдал Роману, утвердив передачу крестоцелованием. Владимирские послы настаивали на этом требовании Всеволода, который недвусмысленно указывал Рюрику: «Кому ты дал часть в Русской земле, с тем ее блюди и стереги, посмотри, как ты ее с ними удержишь...» Митрополит Никифор, видя трудное положение Рюрика, освободил его от клятвы Роману, и только что полученные им города перешли к Всеволоду. Всеволод тут же передал Торческ сыну Рюрика и своему зятю Ростиславу, посадив в остальных своих посадников. Роман, естественно, заподозрил Рюрика в обмане и тайном соглашении с Всеволодом, перешел на сторону Олеговичей и начал борьбу с Рюриком³¹⁴.

Так была организована усобица на юге, в итоге которой Киев в 1203 году был подвергнут новому разгрому. О нем мы уже говорили в связи с первым ударом по Киеву в 1169 году, нанесенным Андреем Боголюбским. Всеволод продолжал по отношению к Киеву политику Боголюбского; он не допускал его возрождения и стремился держать в руках южных князей. Но решения этой задачи он достигал не силой меча, так как опыт Андрея показывал слабость даже крупных феодальных ополчений. Всеволод сумел посорить князей и их руками вторично разрушить Киев.

Лишь однажды он сам вмешался в дела юга, когда после смерти Романа (1205) снова разгорелась борьба за Киев и черниговский князь Всеволод Святославич Чермный, «надеяся на множество вой своих», осмелился изгнать из Переяславля-Южного его сына Ярослава (1206). Всеволод III отправился в поход и вновь заставил Ольговичей признать свой авторитет. В 1210 году Всеволод Чермный и все Ольговичи прислали во Владимир самого митрополита Матфея, «прося мира и во всем покоряющесе». Мир был скреплен женитьбой будущего наследника Всеволода III, князя Юрия, на дочери Всеволода Черного³¹⁵.

Это было последнее серьезное участие владимирского князя в делах юга. Киев снова был разгромлен. Переяславщина, где сидели князья владимирской династии, уже в 80-х годах XII века именовалась «украиной». На юго-западе в могучих руках Романа, которого летописец назвал «самодержцем всея Руси», крепло Галицко-Волынское княжество, второй центр объединительных идей, за которые боролись Боголюбский и Всеволод III³¹⁶.

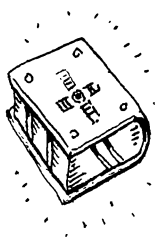
Последние годы жизни Всеволода III были полны тревожных перемен в отношениях с Новгородом. Если силы Рязани подтачивались внутренней борьбой между отдельными группами размножившихся князей, если Киев, переходивший из рук в руки, был вынужден считаться с волей Всеволода, то Новгород упорно отстаивал свои старые вольности, невзирая на раскол, который вносила в его жизнь «суздальская партия».

В свое время закрепление в Новгороде изгнанных из Владимира Ростиславичей вызвало первый поход Всеволода

(1178). Он взял Торжок, захватил новгородских купцов и сжег Волок Ламский. Мстислав Ростиславич умер в 1180 году. Другой Ростиславич, Ярополк, в том же году начал грабить Владимирское Поволжье. Поэтому в 1181 году Всеволод вновь ударил по Торжку, который стал резиденцией Ярополка. Пятидневная осада кончилась сдачей города. Всеволод захватил раненого Ярополка, вывел в полон все население и сжег город. Это заставило новгородского князя Владимира (сына Святослава Всеволодовича черниговского) бежать к отцу на юг, и Всеволод посадил в Новгороде своего свояка, безземельного князя Ярослава Владимировича. В ходе этой борьбы маленькая Тверь, стоявшая на новгородско-владимирском порубежье, была в 1182 году сильно укреплена Всеволодом, став важным звеном в обороне его западной границы³¹⁷.

Ярослав был памятный в истории Новгорода князь. По-видимому, его дружина и слуги «много творяху пакости волости Новгородьской». Поэтому с согласия Всеволода Ярослав был ненадолго заменен Мстиславом Давидовичем смоленским, но затем, в 1187 году, снова вернулся в Новгород. Внутренняя борьба в Новгороде привела все же к тому, что в 1196 году новгородцы «показали путь» Ярославу. Но он, надеясь на могучую поддержку своего патрона, засел в Торжке и стал брать дани по Мсте и за Волоком, а Всеволод держивал новгородских купцов в своей земле. На другой год Ярослав был снова торжественно возвращен на новгородский стол. Однако в 1199 году Всеволод все-таки уступил новгородцам и заменил Ярослава своим малолетним сыном Святославом. Он обеспечил его положение неслыханным нарушением новгородских обычаев, послав на место умершего владыки новгородского Мартирия своего ставленника, архиепископа Митрофана, которого в 1201 году и утвердил киевский митрополит³¹⁸.

Но, видимо, обстановка в Новгороде становилась все более напряженной, и в 1205 году Всеволод признал целесообразным заменить малолетнего Святослава старшим сыном Константином. Все эти перемены князей на новгородском столе обостряли борьбу партий внутри Новгорода, вели к смене посадников. Это ослабляло силу сопротивления Новгоро-

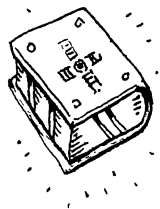
да, так что в 1208 году Всеволод мог нарушить старое право «не казнить без вины» и предал смерти некоего Алексу Сбылавича, по-видимому, представителя враждебных владимирской политике кругов. Когда, в 1209 году Всеволод пошел на Всеволода Чермного, вызвав к себе и новгородские полки под командой своего сына Константина, новгородцы принесли ему жалобу на посадника Дмитра Мирошкинича и его братью — представителей «суздальской партии». Они, опираясь на растущую мощь Всеволода, начали усиленно обирать городское и волостное население, «повелеша на новгородьщих сребро имати а по волости куры брати, по купцем виру дикую, и повозы воити и все зло». Богатства дома Мирошкиничей чрезвычайно возросли. Всеволод отпустил новгородцев из похода, задержав при себе сына Константина, самого посадника Дмитра, чуть позднее смертельно раненного под Пронском, и семерых лучших мужей. Видимо, положение было столь острым, что Всеволод щедро одарил отпущенных новгородцев «и вла им волю всю и уставы старых князь, его же хотеху новгородьци, и рече им: “то вы добр, того любите, а злых казните”». Масштабы этой уступки властолюбивого Всеволода свидетельствуют о крайнем недовольстве, кипевшем в Новгороде: Всеволод, видимо, хотел, пожертвовав интересами посадничьего дома Мирошкиничей, спасти свой престиж. Городское восстание обрушилось на полные богатства дворы Дмитра и его отца Мирошки. Привезенного в Новгород, уже умершего от ран Дмитра не хотели даже хоронить, а собирались просто бросить с моста в Волхов, но этого не допустил владыка Митрофан. Прибывший на смену Константину князь Святослав Всеволодович принял бесчисленное множество долговых документов, взятых во дворах посадника, и выслал во Владимир в заточение сыновей покойного Дмитра. Однако уступка Всеволода лишь оживила силы, стоявшие за независимость Новгорода³¹⁹.

Восстание 1209 года было лишь прологом к вмешательству в новгородские дела князя Мстислава (Удатного) торопецкого, который пленил в Торжке посадника и всех дворян Святослава Всеволодовича. В ответ Всеволод задержал новгородских купцов. Тогда новгородцы заключили на владычном

дворе Святослава и его дружинников. Всеволод двинул свои полки к Торжку навстречу Мстиславу, но боя не произошло, поскольку противники сумели договориться: Всеволод отпустил захваченных купцов, а Мстислав — Святослава и его людей. С владычного престола был сведен и ставленник Всеволода — архиепископ Митрофан. В результате Новгород вышел из сферы влияния владимирских князей и в дальнейшем только и делал, что стремился ослабить их державу, покачнувшись после смерти Всеволода. Потерю Новгорода Владимирское княжество стремилось компенсировать усиленным продвижением на восток — к Волге, и наименование основанного преемником Всеволода города в устье Оки Нижним Новгородом свидетельствовало о сознательном противопоставлении нового мощного торгового центра его северному конкуренту³²⁰.

Таковы общие контуры военной и дипломатической деятельности Всеволода в ее главнейших направлениях — по отношению к Рязани, Болгарской державе, Киевской Руси и Новгороду. Он, как видим, продолжал дело Андрея по укреплению престижа северной столицы — Владимира и подчинению власти владимирского князя остальных феодальных земель. Деятельность Всеволода развивалась на почве, глубоко вспаханной энергичной политикой Андрея. Но чем дальше шла борьба с силами феодального дробления и чем она была успешнее, тем острее и упорнее сопротивлялись эти силы.

Владычество владимирских князей на первый взгляд, казалось, с неизбежностью влекло за собой разряды прорывавшегося протеста: смерть Юрия и восстание в Киеве в 1157 году, убийство Андрея и восстание в 1174 году, покушение на сына Всеволода Ярослава в Рязани в 1208 году, наконец события 1209–1210 годов в Новгороде. За всеми особенностями каждого из этих событий — сложной династической борьбой за Киев, не прекращавшейся фрондой старого боярства в Суздальщине, борьбой рязанского княжого дома с державной политикой владимирских князей, сопротивлением новгородского боярства попыткам подорвать его вольности — за всеми этими локальными чертами стоит и нечто общее. «Суздальцы» в Киеве проявили такую же алчность, как и чиновники Ан-

дрея в своей земле; в Новгороде, как и в Рязани, насилие олицетворялось в «посадниках» и дворянах сидевших там Всеволодовичей. Властвование владимирских князей не только разрушало местные порядки, но, по-видимому, выражалось и в усиленной эксплуатации населения, усугублявшейся произволом княжих агентов. Но и Андрей и Всеволод, пользовавшиеся поддержкой и любовью горожан и понимавшие ей цену, еще не проявляли внимания к ограждению интересов своих союзников и, по-видимому, рассматривали их лишь как естественный и неисчерпаемый источник экономических и военных средств своей власти.

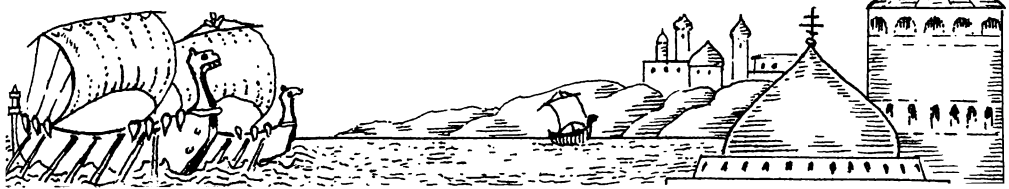
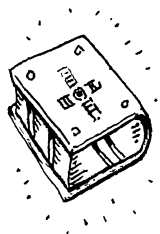
Продолжая энергичную внешнюю политику Андрея, Всеволод, разумеется, уделял внимание и упрочению своей власти во Владимирской земле, учтя угрожающий опыт Андрея. В этом отношении он достиг, по-видимому, немалых успехов. Если в «Повести» о смерти Андрея ее автор пытался смягчить столь ярко изображенную им самим силу народной ненависти к княжим немилостивым людям ссылкой на то, что «иде же закон, ту и обид много», а сентенция о княжом мече и богоустановленности власти звучала как теоретическое положение, фактически опрокинутое убийством Андрея, то в некрологе Всеволода мы находим нечто иное. Там говорится, что он был «украшен всеми добрыми нравы — злыя казня, а добромысленныя милуя: князь бо не туне мечь носить... Судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лиц сильных своих бояр, обидящих менших и работающих сироты...» Это совсем иная картина и едва ли значительное преувеличение летописца. Княжее правосудие снизошло до быта «менших» — «мизинных» людей, и, может быть, это сыграло свою роль в успокоении земли, поднявшейся в июне 1174 года. Ни о чем подобном мы не слышим в княжение Всеволода. Благодаря случайному упоминанию летописи мы узнаем, что в 1190 и 1201 годах он сам ходил в «полюдь» в Переяславль и Ростов. Это был, видимо, не только поход за данью, но и поездка с судом и властным «назиранием» своей земли³²¹.

Была успокоена и старобоярская знать. После сокрушительных ударов, обрушившихся на ее голову на полях сражений 1177 года, она была сильно обескровлена. Но, видимо,

Всеволод достигал ее покорности и другими средствами: его походы на болгар, мордву и в соседние русские земли обогащали и участвовавшее в них боярство. Примечательно, что в летописании времени Всеволода меняется и отношение к заговору 1174 года: мрачный колорит проклятия, тяготеющий над убийцами Кучковичами и Анбалом в «Повести» о смерти Андрея, в ее передаче летописью отсутствует. Интересным фактом в этом отношении является посвящение церкви на воротах Владимирского детинца (1194–1196) Иоакиму и Анне, напоминающее о Кучковиче Якиме. Всеволод стремился к укреплению гражданского мира в своей земле³²².

Иначе складывались отношения с горожанами, которые образовали теперь особые дружины — владимирские, переяславские и другие. Мы видели, какой гордостью наполнилось их сознание в итоге бурных событий междукняжия 1175–1176 годов. В колоритном и живом рассказе об этом времени, внесенном в свод 1177 года, «гражаны» владимирские выступают как крупная общественная сила, ясно понимающая свои цели и значение. Они «волная князя при-яли к собе»; они смогли устоять в смутное время испытаний: «не вложи бо им Бог страх и не убояшася князя два имуще во власти сей, и их прещенья нивчтоже положиша, за 7 недель безо князя будуще в Володимери граде». Их «правда», за которую они стоят, отлична от старой боярской «правды» Ростова, основанной на подавлении волей старого города его пригородов и Владимира в особенности. Владимирский летописец очень язвительно отмечает, что древность Ростова, его историческое «старшинство», не является ныне основанием для политического господства («не разумеша правды Божия исправити Ростовцы и Суздальци: давнии творящесе старейшии...»). Бояре «не хотяху сотворити правды Божья, но «како нам любо, рекоша, такоже створим, Володимерь есть пригород наш...». Это стремление торгово-ремесленного стольного города к политической независимости от Ростова отнюдь не угрожало единству земли. Никаких сепаратистских тенденций мы не чувствуем в выступлениях горожан. Они дорожат целостью и силой Владимирского княжества, но основой этого единства и силы является не господство боярской

олигархии, а сильная княжеская власть, поддерживаемая горожанами. Граждане молодого стольного города считают себя находящимися под защитой небесных сил: «Се бо Володимерци прославлени Богомъ по всей земли за их правду, Богови им помагающе». Всеволодов летописец не раз обращается к мысли о том, что даже в тяжких испытаниях не следует предаваться унынию. В связи с этим он повторяет патетическую тираду «Начального свода»: «Да никто же дерзнет реши, яко ненавидими Богомъ есмы. Да не будет. Кого тако любить, яко же ны возлюбил есть и възнесл есть? Никого же...»³²³.

Этот рост политического веса и самосознания горожан и в особенности столичного посада Владимира приходил в противоречие с возрастающей силой княжеской власти, и мы можем наблюдать симптомы этого противоречия, трещину в союзе князя и города.

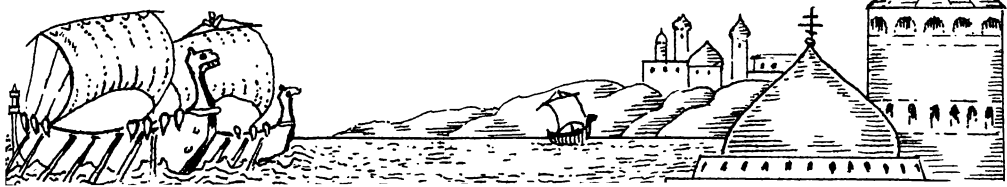
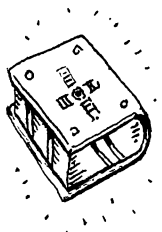
Мы видели недовольство владимирцев после разгрома рязанцев в 1177 году, когда они, в отличие от князя, были сторонниками крутых мер и искоренения самих инициаторов войны. На следующий год в походе Всеволода на Торжок владимирская дружина вновь проявила эти же настроения. Всеволод не хотел брать город, назначив крупный откуп, но новгородцы не дали его. Тогда дружина сказала князю: «Мы не целовать их приехали; они, княже, Богови лжють и тебе», и с этими словами ударили по Торжку, подвергли его беспощадному разграблению³²⁴. Затем мы имеем смутное известие, что в связи с большим пожаром 1185 года во Владимире произошло какое-то волнение. Это было, по признанию летописца, «пристраннее и страшнее», чем самый пожар³²⁵. Как этот пожар, так и второй большой пожар 1193 года начались, по-видимому, из княжеско-епископской части: горел Успенский собор, а княжеский дворец едва отстояли. Можно думать, что это были не случайные бедствия, так как в 1194–1196 годах Всеволод и епископ Иоанн воздвигают стену каменного детинца, наглухо закрывающую княжеско-епископские дворы около соборов от остальной городской территории. С этого времени входом в княжеско-епископскую резиденцию служат единственные ворота. После этого производится вторая серьезная операция, даты которой мы

точно не знаем: беспокойный владимирский торг переводится со свободной князьменской пристани за Волжскими воротами под горой Вознесенского монастыря внутрь среднего города, под непосредственный контроль Всеволодова детинца.

Есть основания думать, что в упрочении своей личной власти Всеволод пошел по стопам Боголюбского, удалив из Владимирской земли его сына Георгия Андреевича и освободив себя от возможных политических осложнений и интриг.

Уже упоминавшийся Абул-Асан, рекомендовавший Георгия в мужья царицы Тамары, говорил, «он, лишившись отца в юном возрасте, был изгнан дядей своим, называемым Савалт, и, бежав от него, находится теперь в городе кипчакского царя Сунджа». Есть предположение, что Георгий после убийства Андрея появился во Владимире, где, в противовес Михалке, его поддерживали «местные бояре». В этой связи Всеволод и счел за благо избавиться от опасного соперника. Георгий — правнук половецкого хана Аепы по матери Андрея — естественно нашел приют у кипчакского хана и провел 1176—1185 годы в Сундже на Северном Кавказе (в районе современного Грозного). Он был мужем Тамары с 1185 по 1188 год. Видимо, унаследовав воинский талант отца, Георгий совершил ряд удачных походов против сельджуков и взял город Двин. В надписи монастыря Санаин он назван «царем Георгием победителем». Изгнанный в результате дворцовых интриг из Грузии, он дважды пытался вернуть престол. Умер Георгий около 1192 года и был погребен, по-видимому, в Тбилиси, в церкви, посвященной в честь Андрея Боголюбского Андрею Первозванному и имевшей второй престол — Георгия³²⁶.

Власть Всеволода окончательно сбрасывает с себя последние покровы княжеско-родового «старейшинства». Если Андрей, как мы видели, редко аргументировал им свои властные права, а Ростиславичи еще вменяли ему в смертный грех низведение их в «подручники», то власть Всеволода есть прямое и общепризнанное господство. В обращении к нему князей рядом с традиционным «отче», выразившим теперь отношения слабого к сильному, появляется откровенное и внушительное «господин». «Ты — господин, ты — отец» — так

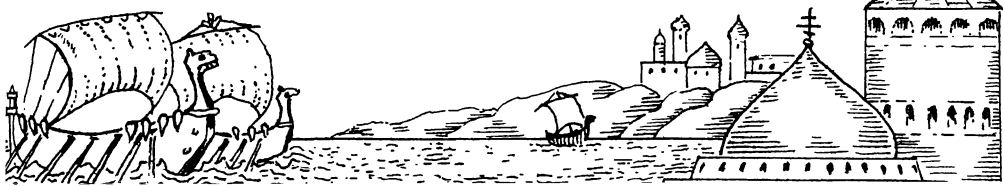
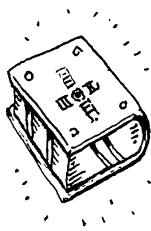
обращаются к нему рязанские князья. К его силе апеллируют не как к отеческой опеке, но как к защите могучего владыки. Владимир галицкий, бежавший в 1190 году из венгерского плена, нашел почетный прием при дворе германского императора Фридриха Барбароссы, который знал, что Владимир «есть сестричичь великому князю Всеволоду Суздальскому» (его мать Ольга была сестрой Всеволода). И вот этот родной в прямом, а не условном смысле князь обращается к Всеволоду так: «Отче господине, удержи Галичь подо мной, а яз Божий и твой есмь со всим Галичимь, а во твоей воле есмь всегда»³²⁷.

Столь же недвусмысленно и прямолинейно решалась задача соединения в руках Всеволода меча власти и меча духовного. Всеволод не ставит вновь вопроса о самостоятельной митрополии или епископии для Владимира. Дело Федорца было слишком свежо, а преследование его памяти исключало возможность успешно возобновить раз проигранную игру. Но в то же время Всеволод понимал, что, расшатывая авторитет Киева и упрочивая общерусское значение Владимира и своей власти, он подрывает и силу сидевшего в Киеве митрополита. Мы видели, как в 1195 году в конфликте Всеволода с Рюриком киевским о городах, отданных Роману, митрополит пошел на то, чтобы снять крестоцелование с Рюрика, лишь бы не вызвать гнев «старейшего»³²⁸. При таком положении вещей митрополит быстро сдался и в вопросе о назначении епископов во Владимирскую землю.

Когда в начале 1180-х годов умер епископ Леон, столь присмевший после смерти Андрея, что о нем ничего не было слышно, митрополит послал к Всеволоду Николу-гречина, который, по сведениям Всеволода, был поставлен «на мзде», то есть за взятку. Всеволодов летописец, освещая этот сюжет и не без язвительности подражая стилю внесенного в летопись митрополичьего памфлета на владыку Федора, замечает, что «несть бо достойно наскакати на святительский чин на мзде», и далее, неожиданно переходя в наступление, формулирует право Всеволода и его «людей» на выбор епископа: «святительского сана» достоин лишь тот, кого «Бог позовет и святая Богородица, князь въсхочет и людье». Эта последняя

формула также не без яда и с большим полемическим мастерством развивает случайно оброненную памфлетом на епископа Федора мысль о том, что епископского сана достоин только тот, кого «позовет Бог и благословят люди на земле». Всеволод выдвинул своего кандидата — «Луку, смиренного духом и кроткого игумена святого Спаса на Берестовем». По свидетельству Ипатьевской летописи, Всеволод прямо и резко заявил митрополиту: «Не избраша сего (то есть Николая-грека. — *Н. В.*) людье земле наше, но же еси поставил ино камо тебе годно, тамо же и держи (если ты его поставил, так и держи его там, где хочешь. — *Н. В.*), а мне постави Луку... митрополит же Микифор не хотяше поставити его, но неволею великого Всеволода и Святославею, постави Луку епископом в Суздальскую землю», а Николая послал на епископство в Полоцк³²⁹. Преемник Луки, Всеволодов духовник Иоанн, был уже поставлен бесприкословно (1190), а в 1198 году Всеволод назначил епископа Павла и для своего Переяславля-Южного³³⁰.

Неудивительно, что при таких условиях еще дальше и откровеннее развивается владимирскими книжниками теория богоустановленности власти рода владимирских князей и прежде всего «великого Всеволода». С точки зрения летописца, князь Мстислав Ростиславич, пошедший в 1177 году против Всеволода во главе боярских сил, заблуждался в своем «высокоумьи», забыв, что «Богъ даетъ власть, ему же хошетъ; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, ему же хошетъ, дать. Аще бо кая земля управится пред Богомъ, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властителя устраяеть, и судью, правящаго судъ. Аще бо князи правдивы бывають в земли, то многа отдаются согрешенья земли; аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли». Эта мысль еще более развивается в полной цитат из Псалтыри и апостолов сентенции о посылке Всеволодом его старшего сына Константина на княжение в Новгород: «И паки апостоль рече: Власти мирская от Бога вчинены суть; но власти боящися, да зла не створим, да не от них паки и муку приимем; и того ради глаголетъ: Богу слуга есть, мстя злодеем; хощеси ли ся

власти не бояти, злаго не твори и похвалить тя, аще ли зло творишь, бойся, не бо без ума меч носить». И далее, описывая сцену вокняжения Константина в Новгороде, летописец снова цитирует пророка: «Боже! Суд твой царице даждь, и правду твою сыну царице, судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд; тако и Господь рече: цари стран владуть ими и князи обладаютъ ими: суть си ангели нарецаемии Господства...»³³¹. Таким образом, то, что при Андрее вылилось в легендарный рассказ о равноправии Боголюбского с кесарем Мануилом, при Всеволоде получило законченные и откровенные формы; князь — царь, «цесарь», он приравнен к «ангельскому чину».

На фоне всего этого особенный интерес представляет большая икона XII века из собора в Дмитрове, изображающая патрона Всеволода Дмитрия Солунского. Дмитрий сидит на престоле, обнажая лежащий на коленях меч. Это как бы отклик живописца на тему о княжеской власти и ее карающем мече, развитую летописцем. На спинке трона помещен родовой знак Всеволода III, что дало некоторым исследователям основание видеть в облике солунского святого воина портрет самого Всеволода³³².

В этой же связи понятно повышение того церковно-поучительного тона владимирского летописания, которое по-прежнему было полно «свидетельств» о нарочитом «покровительстве неба» делу Всеволода. Мы уже говорили, что владимирское духовенство продолжало копить новые чудеса Владимирской иконы. Таков, например, полный глубокого символизма и политической остроты рассказ о том, как в походе 1177 года против Мстислава Всеволодовым полкам явилось видение Владимирской иконы и стоящего «аки на воздусе» града Владимира и как воины, видевшие это, закричали Всеволоду: «Княже прав еси — поеди противу ему!»³³³. Всеволоду теперь было гораздо проще провести и канонизацию Леонтия ростовского, чего безуспешно хотел добиться Боголюбский. В 1190 году епископ Иоанн установил праздник памяти Леонтия, то есть его канонизация была признана церковью³³⁴.

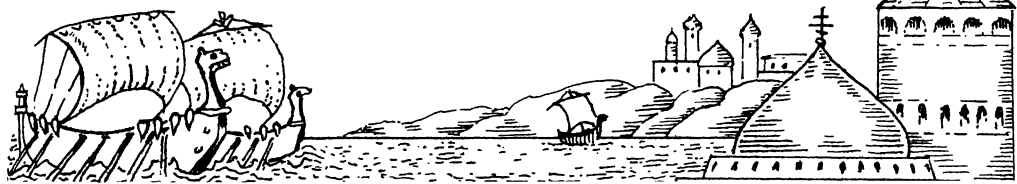
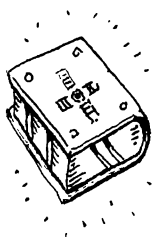
Сознание непререкаемости авторитета владимирского князя и могущества его земли, возросшие богатства столи-

цы князя и церкви дали новую почву для пышного расцвета искусства и культуры³³⁵. Строительство Всеволода и епископа Иоанна опирается на своих владимирских мастеров, вышедших из школы Андрея. Летописец отмечает разделение их труда: среди мастеров есть уже специалисты по изготовлению свинцовых плит для кровли храма, кровельщики, штукатуры. Летописец также с гордостью говорит, что при Всеволоде уже «не искали мастеров от немец» — они уже были в числе княжеских и церковных людей.

Строительство князя и епископа почти целиком происходило во Владимире. В представлении Всеволодова летописца этот «стол отень и дедень» — столица еще со времен Мономаха! Князь и его зодчие завершают начатое Андреем украшение города, они ведут эту работу последовательно и уверенно. В 1185—1189 годах был обстроен и расширен погоревший Успенский собор, затем построен дворец Всеволода и убранный резным камнем Дмитриевский собор. За этим последовало сооружение стен детинца с богатой епископской церковью над воротами (1194—1196), постройка придворного мужского Рождественского (1192—1195) и женского «княгинина» Успенского (1201) монастырей. Детище Боголюбского — стольный Владимир стал действительно красивейшим среди русских феодальных столиц XII века, городом многочисленных прекрасных зданий.

Владимирские мастера блещут в этих постройках своим растущим художественным мастерством. В обстройке Успенского собора они успешно разрешили крайне сложную техническую и архитектурную задачу, слив в единое целое храм Андрея с новыми стенами и создав, по существу, новый, более обширный прекрасный храм, великолепно выразивший идею торжества и царственного спокойствия, столь характерную для времени могучего Всеволода.

В княжеском дворце и его величавом Дмитриевском соборе зодчие с расточительным великолепием применили декоративную скульптуру, превратив камень как бы в пышную и тяжеловесную узорчатую ткань, одевающую фасады. Здесь резчики блеснули огромным запасом мотивов и орнаментов, почерпнутых из прикладного искусства Руси, Балкан,

Кавказа и Западной Европы, воплотив на стенах храма сказочный мир чудовищ и святых, зверей и ангелов, растений и мифологических сюжетов. На северной стене Дмитриевского собора, обращенной к городу, Всеволод приказал поместить свой скульптурный семейный портрет. Он изображен сидящим на престоле в торжественном княжеском уборе с новорожденным, в 1194 году, сыном Владимиром на руках; по сторонам отца были изображены остальные четыре сына Всеволода: Константин, Борис, Георгий и Ярослав. Портрет великого князя и его наследников включен в убор храма наряду с изображениями святых и библейского царя Давида.

Рядом с этим светским стремлением к роскошному декоративному убранству здания в эпоху Всеволода развивается церковное течение в архитектуре, отрицающее полную сказочно-языческих переживаний скульптуру и требующее суровой, монашеской строгости облика храмов; таким был собор придворного Рождественского монастыря.

Все это показывает, насколько плодотворно продолжала развиваться разнообразная архитектура Владимира, разбуженная бурным строительством Боголюбского. Мы видим, как растет и ширится и материальная основа этого расцвета — культура ремесленников и мастеров. Они возрождают забытую выделку кирпича и технику кирпичной постройки, изготавливают уже не плитки, но майоликовую мозаику для полов храмов. Резчики по камню в совершенстве владеют своим художественным ремеслом, внося различные манеры в ансамбль резного убранства Дмитриевского собора. Рядом с великим художником-греком, расписывающим фреской этот храм, мы видим русского мастера-живописца, с успехом осваивающего и эту сложную отрасль монументального искусства.

Художественная культура Владимирской земли развивается особенно ярко потому, что, словно следуя за общерусским размахом политического кругозора Всеволода, владимирские мастера не замыкают своих интересов в границах своей земли, но используют художественный и технический опыт зодчих не только других областей Руси, например Чернигова и Рязани, но и Кавказа, Чехии и Балкан.

Важнейшей чертой владимирской культуры при Всеволоде становится дальнейшее расширение в ней светских элементов, связанное как с взаимоотношением князя и церкви, так и с ростом городской культуры. Эта светская струя в архитектуре сверкает особым блеском в пышной и литературно-сложной декорации Дмитриевского собора. Примечательно, что для его росписи был избран гениальный византиец, творчество которого в полной мере сохраняло эллинистические элементы византийской живописи, интерес к выразительной индивидуально-психологической характеристике человеческого образа и живой красоте земного мира.

Даже летописный труд 1178–1193 годов и составление нового, летописного свода 1193 года, осуществляемые каким-то духовным лицом, проникаются интересом к светским делам княжеской власти и семьи Всеволода³³⁶.

Всеволод умер в 1212 году, напутствуемый торжественным и скорбным некрологом летописца. Он был положен в белокаменной гробнице в северном приделе расширенного и украшенного им Успенского собора. Туда же перенесли саркофаг Боголюбского, поставив его напротив гробницы брата в глубоком аркосолии в стене галереи. Так останки обоих строителей могущества Владимирской земли, столь тесно сомкнувших свой труд, легли и по смерти рядом.

XI. Накануне нашествия

Правление наследников Всеволода обычно рассматривается как закат могущества Владимирской земли, время распада державы Боголюбского и Всеволода под давлением тех центробежных внутренних и внешних сил, с которыми вели неустанную борьбу эти «владимирские самовластцы». Но в это время владимирская великокняжеская политика дает также и весьма существенные для последующих столетий результаты.

За год перед кончиной, в 1211 году, Всеволод, собрав сыновей, сделал распоряжение относительно престолонаследия. Он отдавал старшему, Константину, Ростов,

а Юрию — Владимир. Однако Константин упорно отказывался от такого распределения, полагая, что нужно держать в одних руках и старый центр земли, и его новую столицу. Он понимал, что Владимир теперь был действительно центром княжества и властной общерусской политики, его желанием и было, по-видимому, стать единовластным владимирским князем. Но за его спиной стояли и интересы ростовских бояр, мечтавших о реставрации приоритета Ростова; с этими тенденциями Константин также должен был считаться. Поэтому он возражал отцу, «хотяше Володимеря к Ростову». Это был опасный вариант, — он вдохновлял ретроградные мечтания ростовской боярской знати и угрожал горожанам Владимира и младших городов возвратом режима боярской олигархии. Всеволод, прекрасно понимая всю сложность создавшегося положения, решился на смелый шаг. Он созвал представителей всех городов, и в их числе Владимира и Переяславля, на поддержку которых рассчитывал в своем новом решении передать старейшинство Юрию. И действительно, оно было принято: «и целоваша вси людие на Юрии; приказа же ему и братью свою». Это была крупная дипломатическая победа, вновь выдвигавшая на первое место союз князя и горожан, победа владимирцев и переяславцев над ростовцами. Но это же событие стало завязкой раскола земли и власти: «Константин же, слышав то, воздвиже брови своя со гневом на братию свою, паче же на Георгия». И сразу же по вокняжении Юрия Константин «нача рать замышляти на Георгия, хотя под ним взяти Володимерь»³³⁷.

В надвигавшейся усобице между братьями ростовское боярство, вдохновлявшее политику Константина, решительно подняло голову. Ожилась и старая союзница Ростова — Рязань. Готовясь к неизбежной борьбе с братом, Юрий прежде всего отпускает содержавшихся в плену рязанских князей, рассчитывая купить этим их нейтралитет. Во Владимирской земле идет лихорадочная перегруппировка общественных сил: «Много волнение и смущение бысть о сем, и многие людие сюду и сюду отъезжаху мятущеся». Вслед за размежеванием основных феодальных групп между Константином и Юри-

ем разделяются и их братья; на стороне Юрия остается лишь Ярослав, сидевший в Переяславле-Залесском.

В 1212 и 1213 годах Юрий ходил со своими полками на Ростов, но до битвы дело не доходило: споры разрешались соглашениями — неизменно в пользу Юрия. В ожидании лучших времен для решительного выступления Константин всячески благоустраивал и украшал Ростов: он вновь заложил упавший Успенский собор (1213), построил храм Бориса и Глеба на своем ростовском дворе (1214), храм Успения на своем дворе в Ярославле (1215) и там же собор Спасского монастыря (1216). В 1214 году он поставил в ростовские епископы своего духовника игумена Пахомия, а затем Кирилла, тогда как Юрий во Владимире поставил в епископы «Суздалью и Володимерию» игумена Рождественского монастыря Симона. Таким образом, уже через два года по смерти Всеволода III нарушилось и церковное единство земли: «и оттоле разделися, нача быти в Ростове епископ, а в Володимери и Суздале другий...»³³⁸.

В эту внутреннюю борьбу вклинились внешние осложнения. Ярослав Всеволодович, сменивший ушедшего из Новгорода в 1215 году Мстислава Удатного, своими крутыми действиями сразу показал, что он намерен снова подчинять Новгород владимирской власти. Он не пошел в Новгород, а сел в Торжке, запер торговые пути, задерживая новгородских послов. Вернувшийся Мстислав предложил Ярославу покинуть Торжок и отпустить новгородских людей, но тот ответил новыми репрессиями. Знаменитая фраза Мстислава перед походом на Ярослава: «Да не будет Новый Търг Новгородом, ни Новгород Торжькомъ, кѣде святая София ту Новгород...», по-видимому, метко схватывала смысл политики Ярослава. Он не хотел сидеть в Новгороде в неприятной атмосфере борьбы новгородских партий: «виде, яко не твердо ему хоцеть быти сидение, и иде в Торжок...». Торжок был важнейшим узлом восточной торговли Новгорода, соперничавшим с ним и уже имевшим свои особые интересы. Сидя здесь, он мог в любой момент взять за горло Новгород, прервав его снабжение низовым хлебом. Силой и лаской Ярослав стремился доказать новгородскому торговому миру всю не-

выгоду борьбы с ним и преимущества соединения Владимирской и Новгородской земель под властью владимирских князей. Это логически вытекало из всей политики Боголюбского и Всеволода. Выдвигая Торжок перед Новгородом, Ярослав, может быть, оглядывался на опыт Андрея, противопоставившего боярскому Ростову Владимиру³³⁹.

Мстислав прекрасно знал кипевшую внутри Владимирской земли борьбу и что там «есть у наю [нас] третий друг» — ростовский князь Константин и ростовское боярство. Он пошел в Залесье с новгородскими, смоленскими и псковскими полками и соединился с Константином. Попытка отколоть от Ярослава Юрия предложением сепаратного мира встретила гордый отказ. Соединение сил Новгорода и Ростова определило решающий перевес союзников над силами Ярослава и Юрия в знаменитой Липицкой битве под Юрьевом (1216). Как и во времена походов Всеволода, в ростовских рядах стояла боярская знать; Юрий дал своим воинам специальное приказание избивать эту часть противника: «аще и златом шито будет оплечье, то убий его... да не оставим ни одинова жива...». Владимирско-перемыславские полки, как и при Боголюбском, отличались своим демократическим составом: здесь во главе сил были владимирцы и перемыславцы, а также «множество собрано и поселян пешцов»; по словам летописи, «вышли вси володимерци на бой, и до купца и до пашенного человека». В связи с этим летописец удивленно отметил: «Се же дивно бе: пойдоша дети на отцов и отцы на детей, и братия на братию и раба на господинов...» На Липицком поле вновь встретились силы феодального дробления земли и силы ее единения вокруг стольного Владимира и его князя³⁴⁰.

Юрий и Ярослав были уверены в превосходстве своих сил. На мирные предложения Мстислава Ярослав ответил: «Мира не хочу: вы далеко зашли и вышли как рыба на берег», а Константину сказали; «пересиль нас, тогда получишь всю нашу землю». Совет одного из бояр пойти на мир не понравился князьям. Они одобрили заносчивую речь другого Юрьева боярина, что никто, входивший ратью в сильную землю Суздальскую, не вышел из нее целым, хотя бы это была рать всей «Русской земли», войска же Мстислава и его союзников мож-

но просто закидать седлами. Воскресенская летопись очень правдоподобно определяет этого «боярина» как «младоумного», то есть принадлежавшего к новой княжеской молодой знати. Перед боем Юрий, Ярослав и Святослав (перешедший было к Константину, но затем вернувшийся к Юрию) уже договорились о разделе Руси: Ярославу доставался Новгород, Святославу — Смоленск; Владимирскую и Ростовскую землю вместе с Галицкой землей Юрий брал себе, а Киев как трехстепенный город отдавали черниговским князьям. Этот предварительный дележ Руси ясно показывает, как смотрели на расклад русских сил владимирские князья. Юрий явно считал свою Владимирскую землю общерусским центром и присоединял к нему вторую столь же сильную Галицкую землю, которая также шла по пути усиления великокняжеской власти, опиравшейся на энергию богатых и многочисленных городов. Это не было пустой самонадеянностью и хвастовством, — это были взгляды, органически вытекавшие из всей политики Андрея и Всеволода. Это была программа нового этапа их объединительной работы: в руках владимирской династии должна была объединиться почти вся Русь; только уже лишенный всякого интереса Киев Всеволодовичи уступали черниговскому роду³⁴¹.

Однако Липицкая битва была проиграна, Юрий и Ярослав бежали, а Константин вошел во Владимир и занял владимирский «старейший стол». Юрий сначала был удален в Городец, но потом Константин отдал ему Суздаль и объявил своим преемником на великокняжеском столе. Константин думал продолжать обстройку Владимира, и характерно, что единственной постройкой, созданной при нем, была церковь Воздвиженья на торгу (1218), — князь подчеркивал этим свое уважение к торговому люду и горожанам Владимира. В 1218 году Константин умер, оплакиваемый боярами, «яко заступник земли их», и владимирский стол опять занял Юрий.

В перипетиях борьбы между братьями мы наблюдаем, как обособляются внутри Владимирской земли будущие уделы и как борьба идет не только вокруг Владимира и Ростова, но и за обладание сравнительно незначительными городами княжества. Незадолго до своей смерти Константин сажает

в Ростове сына Василька, а другого сына, Всеволода, в Ярославле; с Ростовом связан и далекий Устюг; во владениях Юрия остаются Владимир и Суздаль с Москвой и городами Поволжья и Заволжья — Костромой и Солигаличем; Ярослав, владеющий Переяславлем, держит Дмитров, Зубцов, Тверь, Коснятин и Нерехту; Юрьев-Польский становится уделом Святослава Всеволодовича. Даже маленький городок Стародуб Клязьменский становится «властью» Владимира Всеволодовича³⁴².

Однако, по-видимому, над всеми спорами братьев и племянников в их сознании возвышался завет Всеволода: «и не мозета ратитися сами между собой, но аще на вас встанет кто [из] иных князей, то вы вси, совокупившесе, на них будите... и потом [у] и аз благословляю вы...». Поэтому Юрий довольно быстро смог восстановить свой авторитет, и его верховную власть признали братья и племянники. Этому единодушию князей особенно помогал епископ Митрофан. Так, например, при его участии в 1229 году была потушена ссора Юрия с Ярославом и племянниками, возникшая благодаря «неких лъсти» против Юрия. Владимирская церковь блюла княжеский стол от покушения на его авторитет³⁴³.

Юрию удалось восстановить и приоритет владимирского епископа, ослабленный разделением епископий при Константине. Епископ Иоанн, предчувствуя после смерти Всеволода усобицу, счел за благо покинуть кафедру, а Симон, заменивший Иоанна, удалялся вместе с побежденным Юрием в изгнание в волжский Городец. С вокняжением Юрия обстановка переменилась; владимирской епископии содействовал и сам митрополит Кирилл, чувствовавший после поражения на Калке неуверенность в будущем захиревшего Киева. В 1226 году он приехал к Юрию Всеволодовичу во Владимир, долго гостил у него и здесь в 1227 году, впервые во владимирском Успенском соборе, им была совершена церемония посвящения в епископы Владимиру, Суздалью и Переяславу Митрофана. До этого, в 1218 году, митрополит утвердил на новгородской кафедре другого Митрофана, изгнанного новгородцами еще при Всеволоде владимирского ставленника. Митрополит Кирилл вместе с черниговским

епископом Порфирием и берестовским игуменом посетил Владимир и в 1230 году, предотвращая войну между Михаилом черниговским и Ярославом Всеволодовичем. Их миссия завершилась успешно, и Юрий с Ярославом дали высоким послам «многое учреждение»³⁴⁴. «Новое могущественное значение Северной Руси, — замечает по этому поводу С. М. Соловьев, — уже не в первый раз заставляет митрополитов отправляться туда и стараться, чтобы обе половины Руси были в политическом единении, которое условливало и единение церковное»³⁴⁵. То, что митрополит всея Руси сначала присматривался к северу, навещая Юрия Всеволодовича, а затем, после монгольского нашествия, подолгу жил во Владимире и потом окончательно перешел сюда, чтобы вскоре перенести свой престол в Москву, есть, по существу, процесс осуществления старой идеи Боголюбского о создании митрополии на севере. То, что история работала на пользу этой идеи, еще ярче свидетельствует о глубокой политической мудрости ее первого поборника — Андрея.

Вернемся, однако, к Новгороду. Здесь мы видим уже знакомую картину: Липицкая битва не освободила Новгорода от владимирской власти и прежде всего потому, что «суздальская партия» не исчезла, а тем более не исчезла жизненная для владимирских князей необходимость борьбы за Новгород. Следя за событиями в Новгороде со смерти Всеволода Большое Гнездо и до монгольского завоевания, мы видим, что ни одна династия не могла спорить с явным перевесом в Новгороде владимирских Всеволодовичей. Уже говорилось о появлении на новгородской кафедре владимирского ставленника Митрофана — это было фактом большого политического значения. Еще более показательно, что колеблемый партийной борьбой новгородский стол оказывался чаще всего в руках владимирских князей — за двадцать лет его семь раз занимают Ярослав, его племянник Всеволод Юрьевич, сын новья Александр и Федор. Их приводило на новгородский стол неизменно приглашение самих новгородцев, то есть «суздальская партия» все чаще получала перевес. Летописец с удивлением отмечал под 1231 годом: «Се уже пятое сидение Ярославле в Новгороде!»

Каждое появление Ярослава в Новгороде сопровождалось репрессиями: в борьбе с соперниками Ярослав хватал и морил в погребах новгородских купцов, перерезал новгородские торговые пути, а однажды и сам Юрий владимирский привел полки к Торжку и грозил напоить коней водой Волхова. Ярослав упорно и едва ли не с большим успехом, чем его отец Всеволод, шел к созданию «великого княжения Владимирского и Великого Новгорода», как позднее называли летописцы эту политическую комбинацию. Однако Ярослав выступает в Новгороде «в двойственной, с точки зрения новгородцев, роли: крутого борца за силу княжеской власти против роста новгородской вольности и крупного деятеля в борьбе с западными врагами и в покорении финских племен. Для суздальского князя тут, очевидно, никакой двойственности не было: он вел свою, не новгородскую политику...»³⁴⁶.

Действительно, в новгородской деятельности Ярослава обращают на себя внимание не только упорство в борьбе и мертвая хватка, с какой он борется за приоритет владимирских князей. Едва ли не более интересны его военные мероприятия по обороне Новгородской земли от немцев, литвы и чуды, являющиеся как бы прологом к победам его великого сына, Александра Ярославича Невского. Эти дела входили в круг забот и самого Юрия. В 1222 году он посылал владимирские войска под предводительством брата Святослава в помощь новгородскому походу на Кесь (Венден). В 1223 году Ярослав успешно воевал в Ливонии в направлении Колывани (Таллина); в 1225 году он без поддержки новгородцев, с одними новоторжцами и торопчанами громил литовцев, совершивших губительный набег на Торжок и торопецкие волости. В этом походе в составе полка Ярослава назван и «княж двор», напоминающий нам о «дворянах» Андрея Боголюбского. В 1227–1228 годах Ярослав совершил успешный поход на емь, «где же ни один от князь Руских не възможе бывати», и крестил корел — «мало не все люди». В 1228 году Ярослав задумал поход на Ригу и уже привел свои переяславские полки, но новгородцы и псковичи не поддержали его намерения. В 1232 году Ярославу пришлось ликвидировать выступление враждебной ему новгородской партии, вступившей в союз

с немцами и захватившей Изборск, а в 1234 году состоялся поход на немцев, закончившийся их разгромом: «и поклонившись немцы князю Ярославу»³⁴⁷. Как предполагает С. М. Соловьев, Ярослав установил ту знаменитую дань с Юрьева, которая послужила позже Ивану Грозному поводом, чтобы лишить независимости Ливонию³⁴⁸. В том же 1234 году Ярослав нанес новый ответный удар по литовцам. И даже в тяжелый 1239 год, когда Владимирская земля была испепелена и обезлюжена монголами, Ярослав нашел силы, чтобы броситься к Смоленску и там отбить литовский удар³⁴⁹. В этот год его сын Александр уже строил свою знаменитую крепость на Шелони; это канун Невской битвы.

Вся эта цепь фактов показывает, что при Юрии и Ярославе новгородская политика владимирских князей была направлена не только на борьбу за установление и расширение господства. По сравнению со временем Боголюбского и Всеволода эта политика приобретала новый характер: господство в Новгороде было условием обороны русской западной границы и активных ответных ударов по врагам Руси.

В смысле организации этой национальной борьбы Ярослав подготавливает успехи военного гения Александра Невского, а своей крутой политикой и жестокими репрессиями как бы предвещает действия Иванов III и IV, которые тремя столетиями позже сломят «новгородскую вольность». И Всеволод III, и его сын Ярослав широко пользовались в своей борьбе за власть похожими на позднейшие средствами, как вывод населения городов в свои земли и др. Все это позволяет думать, что и глубокий раскол в самом Новгороде XIII века в известной мере напоминал ожесточенную борьбу партий конца XV века.

Социальное лицо «суздальской партии» определяет участие в посольстве 1215 года, звавшем Ярослава в Новгород, десяти старейших новгородских купцов. Поддерживавшая владимирских князей «суздальская партия» была, очевидно, серьезной силой людей, понимавших, подобно владимирским горожанам и купцам, «новую правду» национальных идей и видевших ее сквозь акты насилий и репрессий Ярослава³⁵⁰. Таким образом, прочно или нет, но в отношении Новгорода

владимирские князья добивались реализации политического плана, задуманного перед Липицкой битвой, — Ярослав был наиболее частым хозяином новгородского стола. Что касается Смоленска, то в 1239 году там, после отпора Литве, Ярослав посадил своего шурина князя Всеволода.

Киев и вообще южные дела почти не привлекали внимания наследников Всеволода. Юрий Всеволодович не участвовал в обороне юга. Отмечая, что на совете князей в Киеве по поводу похода на татар (1224) были «все старейшины в Русской земли», южный летописец подчеркивал: «Юрия же князя великого Суздальского не бы [сть] в том совете». Посланный им на помощь Василько намеренно или ненамеренно опоздал и вернулся от Чернигова³⁵¹. Юрий в 1226 году вмешался в борьбу между Михаилом черниговским и Олегом курским по вопросу о замещении черниговского стола; силой и посредничеством он добился их примирения, получив снова возможность располагать Переяславлем-Южным. Но вскоре столкновение Ярослава Всеволодовича с Михаилом из-за Новгорода вызвало поход Ярослава на черниговские волости, остановленный лишь вмешательством митрополита³⁵². Владимирская династия завязывала брачные узы в Киеве, Чернигове и Галиче: сам Юрий был женат на дочери Всеволода Чермного, теперь Василько ростовский женился на дочери Михаила черниговского, сын Юрия Всеволод — на дочери Владимира Рюриковича киевского, Василько Романович волынский — на дочери Юрия Всеволодовича Елене.

Мы не знаем точно мотивов, по которым в 1236 году, когда монгольские полчища уже входили в пределы Болгарской земли, Ярослав Всеволодович пошел с новгородскими полками к Киеву и без сопротивления занял его. Но он недолго оставался там, «не могы его держати, иде паки Суждаю». Это было, по-видимому, в 1238 году, когда великий князь владимирский Юрий пал в битве с монголами на Сити и его стол должен был занять Ярослав³⁵³. Он первым поехал к хану и получил от него старейшинство над всеми князьями «в Русском языке»; по-видимому, ему был дан и Киев, где еще в 1246 году сидел его наместник. По смерти Ярослава его сын Александр Невский также получил ханский ярлык на Киев и всю

Русскую землю (1249)³⁵⁴. Как на севере — в Новгороде, так и на юге — в Киеве деятельность Ярослава подготавливала путь для Александра. Через Ярослава, Юрия и Всеволода III Невский был прямым и достойным наследником Боголюбского.

Так шла борьба владимирских князей за политическое наследство Андрея и Всеволода в двух важнейших направлениях — Новгород и Киев. Она стала сложнее и прерывистей, так как ее основой было теперь не монолитное княжество, выкованное Всеволодом, но союз его сыновей и внуков. Сложней и тревожней были и международные отношения Руси, на границах которой уже шли бои с немцами и другими западными захватчиками, а с востока нависала черная туча монгольских полчищ. Как раз в это время и разворачивается особенно энергичное движение Владимирской Руси на восток, борьба с болгарами и мордвой, завещанная Долгоруким и Боголюбским.

В 1220 году в ответ на нападение болгар годом ранее на Устюг и Унжу был организован крупный поход ростовских, переяславских, владимирских, устюжских и муромских полков под начальством брата князя Юрия — Святослава. Войска собрались на устье Оки, осадили и уничтожили город Ошель, а ростовский отряд, опустошивший города и села по Каме, возвратился домой «со многим полоном и корыстью великою». Затем сам Юрий выдвинул свои войска на Волгу и после трехкратного посольства болгар согласился на мир, поставивший болгар в зависимость: к болгарам были посланы его мужи «водить в роту князей их и земли их по их закону»³⁵⁵. По-видимому, борьба на Волге, предшествующая основанию Нижнего Новгорода, была весьма ожесточенной. В 1221 году Ярославль стал жертвой большого пожара³⁵⁶; мы не знаем, было это случайным совпадением или пожар был делом болгар или Юрия, возможно, хотевшего сделать Нижний единственным крупным центром на Волге и не сочувствовавшего усилению городов наследников Константина.

Так или иначе, в 1221 году на горах Окского устья вырастает «второй Новгород» — Новгород Нижний. Он закрыл выход на Волгу от Рязани и положил начало тому гигантскому пути русского народа на восток, который через столетия приводит Россию на берега Тихого океана. В XIII же веке этот

путь прокладывали походы на мордву 1226, 1228 и 1232 годов. В них участвовали ростовские, владимирские, рязанские и муромские полки. Из сведений о походе 1228 года мы узнаем, что Юрию удалось привлечь на свою сторону часть мордвы, подвластной племенному вождю Пурешу. Другая часть мордвы, возглавляемая Пургасом, держалась болгарской стороны. Когда Пургас совершил налет на Нижний Новгород, Пуреш ответным ударом своих и половецких сил разгромил Пургаса³⁵⁷.

Интересно, что в этот последний период борьбы с болгарами владимирский князь и епископ прибегли к испытанному еще Боголюбским средству. Если тогда в борьбе с Ростовом большую роль сыграло «открытие» Андреем и прославление «мошей» ростовского епископа Леонтия, то теперь был создан культ «замученного болгарами» христианского купца Авраамия. Как предполагает Б. Д. Греков, этот купец был владимирским агентом, который доставлял Юрию нужные сведения и вел какую-то полезную для Юрия работу. Болгарское правительство казнило Авраамия, а Юрий доставил его останки во Владимир, где гроб «христово мученика Авраамия Нового» был торжественно встречен князем, епископом и людьми; новые «мощи» были водворены в соборе Успенского «княгинина» монастыря³⁵⁸. Таким образом, восточная политика Юрия приобрела характер защиты православия и получила специальное «небесное покровительство».

Но уже в год убийства Авраамия из далеких прикаспийских степей докатывались тревожные вести о приближении монголов. Бежали половцы и болгарские охранные отряды с Яика...³⁵⁹

Сведения ли о монголах, дошедшие до Западной Европы, или военная активность Ярослава Всеволодовича, направленная против Ливонии, обеспокоила Рим, но в 1231 году папа Григорий IX обратился к «преславному королю Руси» Юрию Всеволодовичу с неожиданным предложением перейти в лоно католической церкви. Это едва ли могло встретить какой-либо отклик. Позднее, в грозные годы движения монголов в 1235–1238 годах, в Нижний Новгород и Владимир попал венгерский доминиканец Иулиан. По его словам, «князь

суздальский» изгнал из своей земли пришедших еще до него проповедников-доминиканцев. Иулиан сообщает также, что именно суздальский князь известил венгерского короля о планах монголов «на завоевание Рима и дальнейшего»³⁶⁰. Таким образом, и теперь, как при Боголюбском и Всеволоде, Владимирская земля продолжала интересоваться Западной Европу как крупная политическая сила.

Памятники культуры и искусства Владимирской земли первой трети XIII века также не дают никаких оснований говорить, что творческие силы края были ослаблены его дроблением; напротив, строительство теперь охватывало новые центры, а его пути становились разнообразнее. Как раньше культура Киева была разнесена процессом феодального дробления в отдаленные области Руси, так теперь культуру стольного Владимира осваивали и развивали новые города северо-востока. Большая культурная работа шла в Ростове при епископском соборе и княжьем дворе. Князь Константин прославился как большой любитель книг и основатель первой школы на северо-востоке. Его наследник Василько «бе всему хытр и гораздо умея». Князь Святослав принимал близкое участие в украшении своего собора в Юрьеве-Польском, так что позднейшим летописцам казалось, что он «сам бе мастер». Епископ ростовский Кирилл I был так богат книгами, как ни один из его предшественников; сохранившиеся остатки этой библиотеки представляют торжественные, большого формата пергаментные рукописи, украшенные миниатюрами. Возобновилось и местное ростовское летописание, в котором преобладала церковная стихия³⁶¹.

Летописи сообщают о большом княжеско-епископском строительстве в Ростове и Ярославле³⁶². По техническим и художественным приемам оно было отлично от строительства мастеров Юрия и Святослава, работавших в Суздале, Нижнем Новгороде и Юрьеве-Польском и развивших до высокого совершенства белокаменное мастерство и декоративную резьбу.

В дошедших до нас соборах Суздаля (1222—1225) и Юрьева (1230—1234) запечатлен большой творческий прогресс русских зодчих, с дерзкой самостоятельностью переосмысливавших архитектурные приемы XII века и проявлявших

неисчерпаемую фантазию, в которой все сильнее звучали народные начала. В убор храмов входят образы русских сказок и легенд, церковные темы трактуются доступно для неграмотного зрителя. Внешний облик этих храмов разительно отличается декоративным богатством и нарядностью внутреннего убранства от тех строгих образцов византийско-киевской архитектуры, которым следовали столетием раньше, во времена Мономаха. За истекший век владими́ро-суздальское зодчество проделало большой путь и ушло далеко вперед. Подобно Андрею, князь Юрий не дорожил устаревшими реликвиями — его мастера снесли собор в Суздале, созданный прадедом Мономахом, и построили на его месте новый. Этот нарядный собор впервые принадлежал горожанам, для которых были расширены и хоры, а в росписи храма усилились цветистость и жизнерадостная узорочность. Писанные золотом медные врата Суздальского собора представляли собой своего рода наглядную церковную энциклопедию с обстоятельными текстами, которая трактовала о мироздании, важнейших праздниках и событиях церковной истории. Как эти врата утонченной роскошной техники, так и росписи храма, его архитектура и резной убор были целиком делом своих, владими́ро-суздальских художников, достойных и смелых продолжателей владимирского искусства эпохи Андрея.

О плодотворном развитии культуры при наследниках Всеволода с не меньшей яркостью свидетельствуют и литературные памятники. Выходец из Киево-Печерского монастыря Симон, владимирский епископ в 1214–1226 годах, бывший уже в 1197 году игуменом придворного Рождественского монастыря во Владимире и духовником великой княгини, своим посланием к печерскому монаху Поликарпу кладет начало обширному сборнику поучительных повествований о жизни и «подвигах» печерских иноков и об истории Печерского монастыря (Патерик). Они проникнуты религиозно-поэтическим чувством и одновременно реалистичны, правдивы. Этими чертами Патерик напоминает андреевское «Сказание о чудесах Владимирской иконы». Рассказ об участии варяга Шимона и греков в сооружении Великой печерской церкви как бы дает историческое обоснование того пути, по ко-

торому шли Мономах и его потомки, сначала перенесшие на север плодоносные ростки киевской культуры, а затем построившие новый культурный мир, смело обращавшийся к Западу и свежим творческим силам народа. Киевлянин по происхождению и культуре, епископ Симон проникнут глубокой гордостью за свою новую родину и ее богатства. «Святительства нашего власть сам веси, — писал Симон Поликарпу. — Кто не весть мене, грешного епископа Симона и сиа съборныа церкви красоты Владимирьския и другие Суждальския церькви, юже сам създах. Колико имеа градов и сел, и десятину събирають по всей земли той! И тем всем владееть наша худость...» В этом отрывке нельзя не услышать чувств, созвучных «Слову» киевского митрополита Илариона, говорившего о широкой известности и славе Русской земли³⁶³.

Но литература во время Симона уже не была монополией духовенства. Владимирский летописный свод, предпринятый по смерти Всеволода его сыном и наследником князем Юрием для прославления дел Андрея и Всеволода, составлялся уже светским писателем, возможно, принадлежавшим к числу придворных Юрия. Автор нового свода выступает как реформатор летописного языка, стремящийся устранить его архаизмы, сблизить его с живым языком, освободить изложение от излишнего обилия церковных сюжетов. Весьма вероятно, что эта реформа, проведенная последовательно и глубоко, была осуществлена по указанию князя. Летописный текст стал более легким для понимания рядового читателя. Свод был богато иллюстрирован владимирскими художниками, о рисунках которых мы можем судить по их копиям в знаменитом Радзивиловском списке летописи конца XV века. Миниатюры были как бы живописным комментарием к тексту, оживлявшим его и облегчавшим усвоение; с особой любовью были иллюстрированы те сюжеты повествования, которые касались истории Владимирского княжества и подвигов владимирских князей Юрия, Андрея и Всеволода³⁶⁴.

Из той же светской среды вышла новая редакция неоднократно цитированного выше выдающегося произведения древнерусской литературы XIII века «Моления Даниила

Заточника», адресованная, по-видимому, переяславль-залесскому князю Ярославу Всеволодовичу, отцу Александра Невского. Автор — выходец из тех кругов мелких княжеских дружинников, которые выступили на политическую сцену под именем дворян при Боголюбском. Автор убеждает князя в необходимости подобных ему самому мудрых и начитанных советников, которые напоминают нам и окружение Андрея, состоявшее из отроков и детских. Действительно, автор блещет своей начитанностью, уснащая послание многочисленными притчами и образами, заимствованными из церковной литературы, сборников и повестей, русской летописной истории, умело внося в текст народные пословицы и поговорки. Основная мысль «Послания» — «страстная и убежденная защита человеческой личности и человеческого достоинства независимо от социального и имущественного положения и в то же время непоколебимая уверенность в том, что ценность человека и его право на внимание и уважение определяются прежде всего его интеллектуальными качествами. Ни в одном произведении предшествующего периода русской литературы личное начало не заявляется так энергично и настойчиво и так принципиально...»³⁶⁵. Характерно, что эта апология личности и культуры рождается во Владимирской земле преемников Боголюбского. Автор выступает и как горячий защитник идеи могущественной княжеской власти, в ней он видит единственную силу, способную установить государственный порядок и социальную справедливость. Как дуб крепится множеством корней, так и город — державою князя; как кормчий — глава корабля, так и князь — глава своим людям; полки без хорошего князя то же, что зверь без головы. В этих утверждениях мы видим дальнейшее развитие формулы «князь, город и люди», которая лежала в основе деятельности Боголюбского. Теперь ее литературное углубление и аргументацию берет из рук церковных писателей новый, светский человек из круга княжого двора, княжий дворянин, или милостыник («всякому дворянину имети честь и милость у князя»). Он и подчеркивает роль этой новой политической силы. Восхваляя князя, автор проникнут ненавистью к спесивому и жадному родовитому

боярству и монашеству, как бы предвосхищая идеи дворянского публициста XVI века сторонника самодержавия — Ивана Пересветова.

Все эти факты из истории Владимирской земли и ее культуры свидетельствуют о плодотворности того политического пути, по которому повел русский север Андрей и который с успехом продолжили его преемники. Невзирая на начавшееся дробление Владимирской державы, она продолжала оставаться огромной культурной силой русского народа. Лучшим показателем этого является стратегический план вождя монгольских орд Бату-хана. Готовя удар на Киев, откуда он намеревался идти через Галицкую Русь в Западную Европу, он должен был обезопасить свой тыл и отвести угрозу помощи югу с севера. Там были самые грозные силы сопротивления, которые в тяжелых боях 1237–1238 годов обескровливали несметные монгольские полчища, пока трагическая борьба не завершилась разгромом полков Юрия Всеволодовича на берегах реки Сити.

XII. Суд потомков

Мы проследили судьбу культурного и политического наследия Боголюбского. В заключение мы должны снова вернуться к его личности и памяти о ней близких и дальних потомков.

Яркая фигура Андрея, решительность и новизна его политического строительства не могли не вызвать страстных откликов даже в среде его современников и людей ближайшего за деятельностью Боголюбского времени. Естественно также, что к Андрею нельзя было относиться безразлично, спокойно. Он имел либо друзей, либо врагов, и больше врагов, чем друзей, так как опережал свое время и вел опасную борьбу. Его сторонники и сподвижники были слишком молоды, чтобы сравняться с его врагами, так как в лагере врагов были и церковь с ее ученой культурой, и вообще феодальный мир Руси, располагавший достаточными средствами, чтобы исказить в памяти потомков дело Андрея.

Сразу же после убийства Андрея боголюбовская трагедия послужила темой для обстоятельной «Повести», сохранившейся в различных редакциях в составе Лаврентьевского и Ипатьевского списков летописи; рассказ об убийстве по Ипатьевскому списку передан нами выше (гл. VIII). В основе этой версии «Повести» лежит полный живых чувств и реалистических подробностей рассказ ближайшего свидетеля этих событий — киевского попа Кузьмы, плачи и диалоги которого переданы с трогательной обстоятельностью. Неизвестно, кем был Кузьма и почему он попал из Киева в Боголюбово, был ли он киевским послом к Андрею от его «братьи» или прибыл с иными целями. Неизвестно также, был ли он сам автором «Повести» или же его колоритное и образное повествование литературно оформлено и развито другим автором. Можно предполагать, что собственный рассказ Кузьмы не содержал житийных элементов и не стремился представить князя «святым мучеником». Однако в летописной киевской версии эта основа светского повествования была развита в сочинение почти агиографического облика. Но и в этом своем виде «Повесть» является одним из лучших произведений XII века по силе и образности языка, волнующей лирике и трагизму повествования. Автор летописной «Повести», как и Кузьма, преданный Андрею человек, склонный видеть в князе праведника, почти «святого», равного «князьям-мученикам» Борису и Глебу. В тоне панегирика и выдержан весь рассказ, начинающийся с широкого освещения строительной деятельности Андрея. Он — создатель «второго Вышгорода» — Боголюбова и, подобный Соломону, щедрый строитель храмов в Боголюбове и Владимире. Автор как бы не может остановить потока своего красноречия, когда пытается изобразить эти прекрасные храмы, полные сокровищ — золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней. Он признается, что все видевшие церковь в Боголюбове не могут передать словами ее «изрядные красоты». Столь же прекрасен собор Успения Богородицы в окруженном могучими стенами Владимире, украшенном Золотыми и Серебряными воротами. И раньше, чем приступить к рассказу об обстоятельствах убийства, автор произносит пространную похвалу князю, звучащую как молитва. Андрей любил «церковный чин» и духовенство,

был милосерд и нищелюбив, правдив и мужествен, богомолен и украшен добродетелью, как Соломон; подобно «святому» предку Владимиру, он приказывал развозить по городу для нищих и больных «брашно и питье разнoличное». А так как «всякий бо, держася добродетели, не может бо без многих враг быти», то Андрей и последовал судьбе Бориса и Глеба, приняв «венец мученичества». «Ты же, страстотерпче, — заканчивает автор вступительный панегирик, — молися ко всемогущему Богу о племени своем, и о сродниках, и о земле Русьской, дати миру мир...»

Далее следует рассказ об убийстве, и заключает его моление к князю; он — «угодник» и «мученик», равный Борису и Глебу. Автор просит его: «Молися помиловати братью свою, да подасть им [Бог] победу на противные и мирную державу и царство честно и многолетно...» Упоминание «братьи» Андрея показывает, что «Повесть» была составлена еще до смерти Михалки в 1177 году и до вокняжения Всеволода.

Другая версия «Повести» об убийстве Боголюбского, сохраненная Лаврентьевской летописью и появившаяся при Всеволоде III, устраняет или сокращает житийные элементы, хотя Андрей все еще очень определенно рисуется «страстотерпцем»: колоритные описания разгрома восставшими княжеского дворца и его слуг, рассказы о равнодушии духовенства, о поведении «злодеев»-заговорщиков — все это смягчено и сокращено: исчез и живой драматизм рассказа, нет упоминания о самом Кузьме; его лирические и скорбные «причеты» сменились поучительной риторикой летописца³⁶⁶.

Таковы две версии «Повести» о смерти Андрея. Одна — патетическая, полная глубоких переживаний и безграничной любви к погибшему князю, веры в непогрешимость его жизненного пути, оправдания даже темных сторон его правления; другая — более холодная и сдержанная, приспособленная к стилю официального свода летописи, в котором начинал расти, затмевая окружающее, образ «великого Всеволода». Острота сцен убийства Андрея и боярское преступление в этой версии «Повести» покрывается полутенью. Однако в обоих вариантах «Повести» образ Андрея глубоко положителен и высок.

Но в той же Ипатьевской, то есть киевской, летописи, куда была внесена «Повесть», столь пламенно откликнувшаяся на смерть Андрея, а раньше — рассказы о его доблестных бранных подвигах на юге, которые мы уже излагали, сохранились записи, сделанные еще при жизни Андрея и дающие совсем иную характеристику его облика. Таков в особенности цитированный нами рассказ о разрыве Андрея с Ростиславичами и о провале крупнейшего военного предприятия Андрея — карательного похода на юг двадцати князей. Андрей разгневался на Ростиславичей, «зане воли его не учиниша», и, подталкиваемый Ольговичами, задумал поход на них. Но раньше он посылает к ним Михна с знаменитым требованием покинуть занятые столы и даже Русь. Это он делает, «исполнився высокоумья, разгордевся велми, надеяся плотной силе и множеством вой огороди вся, ражьгся гневом...». Летописец по этому поводу замечает, что гордым противится сам Бог. Мораль ясна: раньше Андрей был и умен и доблестен во всех делах, а теперь он поддался «невоздержанию, хвале, гордости», иначе говоря, проявил стремление подчинить себе родичей, а это противно Богу, который и наказал вскоре Андрея. В концовке же рассказа — о том, как Андрей «совокупил бо бяшетъ все земли и множеству вой не бяше числа, пришли бо бяху высокомысляще, а смиренни отъидоша в домы своя» — слышна убийственная насмешка над позорным провалом организованного им грандиозного похода.

Мы видели и не будем здесь повторять, как владимирское летописание и церковная литература освещали образ Андрея и оценивали его деятельность. Теория приоритета Владимира над Ростовом, перехода стольных прав от Киева к Владимиру, богоустановленности власти владимирских князей была идейной основой этого летописания. Эта теория не была, как мы видели, лишь желаемой перспективой или отвлеченной концепцией книжников. Она была программой политической работы Андрея и ее идейным обобщением.

Точно так же летописные и литературные труды позднейших столетий в Москве или Твери воспринимали эту традицию не как теорию, но как исторический факт и связывали работу «владимирских самовластцев» с деятельностью их пре-

емников — собирателей Руси и борцов за сильную великокняжескую, а затем и царскую власть. В конце XV века, в обстановке близившегося конца новгородской самостоятельности, всплыла память о борьбе Новгорода с наступлением Андрея Боголюбского, и новгородская осада 1169 года стала символом борьбы новгородского боярства с Москвой, вызвав появление особого «Сказания» об этом событии и ряда изображавших его икон³⁶⁷.

«Царственная Москва», созидающая в конце XV века свой торжественный кремлевский ансамбль, оглядывается на «образцы» владимирского зодчества XII века. И характерно, что митрополит, определяя тип центрального храма объединенного Русского государства — московского Успенского собора, указывает на «образец» владимирского Успенского собора не в его существующем виде с обстройками Всеволода и пятью главами, а в том первоначальном одноглавом виде, каким его создали мастера Боголюбского. За величественными делами и строительством Всеволода III люди XV столетия не забывали действительного основоположника русского «самовлашества».

XV и XVI века, жившие владимирским культурным и художественным наследием, модернизировали владимирских князей и изображали их как уже законченных «самодержцев». В глазах московских литераторов XVI века, составивших «Степенную книгу царского родословия», Боголюбскому уже «подручни» киевские князья; преемника же Андрея, Всеволода III, «Степенная книга» именует «родочисленным царствия Руськаго наследником, истинным корнеплодником, первоначальствующим Руським самодержцем...»³⁶⁸. «Степенная книга» ввела в рассказ о кончине Боголюбского и народную легенду о казни Всеволодом III убийц Андрея, сочувственную памяти Боголюбского и осудительную по отношению к боярам Кучковичам.

Показательно в этом смысле, что и второе создание XVI века — Никоновский летописный свод — наряду с интересом к преданиям богатырского эпоса, которые были введены в ткань его повествования, проявил исключительное внимание к деятельности Андрея. Причины этого интереса ста-

новятся понятны, если взглянуть на то, что было сделано в XV—XVI веках для создания торжественной генеалогии московских царей, в которой владимирские самовластцы стали важнейшим звеном. Литераторов XVI века особенно привлекала в истории Андрея его борьба с Византией за самостоятельность русской церкви, в связи с чем сводчик ввел в текст и обширные речи Андрея, и пространную грамоту патриарха Луки Хризоверга, воспользовавшись какими-то, не дошедшими до нас источниками и развив их намеки в обстоятельные рассказы. Любопытно и то, что он сгладил черные краски в образе епископа Федора. Обстоятельность разработки истории епископа Федора и обилие конкретных подробностей заставляют, как уже говорилось, предполагать, что у редакторов Никоновского свода была в руках отдельная повесть об этом сюжете или копии с древних официальных документов, связанных с делом Федора и деятельностью Андрея. Андрей и Федор, открыто провозгласившие и осуществившие союз светской власти и церкви в борьбе за политическое единство Руси, были историческими фигурами большого и актуального интереса для русского самодержавия XVI века.

В середине XVI века в монументальной росписи Золотой палаты царского дворца в Московском кремле Боголюбский был изображен в ближайшем соседстве с царским местом в ряду с Владимиром — крестителем Руси, Борисом и Глебом, Александром Невским, Василием III и самим Иваном Грозным. Именно в этой атмосфере повышенного интереса к памяти владимирских «прародителей» московских государей оживляется и забытая мысль «Повести» Кузьмы о «святости» Андрея: в первой половине XVI века составляется предназначенный для церковного чтения рассказ о смерти Андрея, в котором он прямо назван «святым». Однако Андрей не был канонизован и не пользовался даже местным почитанием вплоть до конца XVII века³⁶⁹.

Представления XVI века переходят в историографию следующего столетия. В кратком историческом пособии, составленном в конце 60-х годов XVII века для царской семьи и государевых детей дьяком Федором Акимовичем Грибоедовым, характеристика владимирских князей дана в духе «Степенной

книги». Дьяк Грибоедов «смотрел на действительность с высоты тех фикций, которые еще в XVI в. образовали теорию о “третьем Риме” и к его времени успели уже значительно обветшать после векового употребления»³⁷⁰. Здесь уже Юрий Долгорукий «господствует» «в богоспасаемом граде Москве», обновляя в нем «первоначальное скипетродержание благочестивого царствия...» «Царствия русского наследником» стал Всеволод; однако говорится о том, что и раньше, при Андрее, процветало «владимирское самодержавство». Так как Андрей не был звеном в генеалогической схеме московских государей, в которую включались лишь Долгорукий и Всеволод III, его портрет отсутствует в заказанном в 1672 году царем Алексеем Михайловичем живописном альбоме «Большая государственная книга, или Корень российских государей»³⁷¹. Но появившийся вскоре после труда Ф. Грибоедова «Синописис» Иннокентия Гизеля называет Боголюбского «великим князем всея Российския земли»³⁷².

В 1702 году происходят открытие «мошей» Андрея и его канонизация. Мы не знаем, каковы были мотивы этого акта. Но примечательно, что канонизация Андрея происходит в эпоху Петра Великого. Может быть, облик крутого и властного владимирского князя вызывал симпатии Петра.

Вплоть до канонизации Андрея в 1702 году он не удостоился и Жития. Ссылки Густынской летописи XVII века на Житие Андрея имеют в виду летописную «Повесть» о нем³⁷³. На ее же основе было составлено между 1702 и 1708 годами новое, не имеющее никакой исторической ценности Житие, сочтавшее данные из «Повести» о смерти Андрея и «Сказания о чудесах Владимирской иконы» с новыми домыслами³⁷⁴.

Канонизация Боголюбского выдвинула необходимость икон нового святого. Однако источники, современные Андрею, не оставили ни одного штриха, который позволил бы судить о его внешности, а миниатюры лицевых рукописей XV—XVI веков обходятся без портретных черт в эскизных ликах князей. Поздний источник дает вполне отвлеченное описание Андрея: «Подобием рус, волосы мало кудреваты, брада не велика, аки князя Бориса, ризы княжеские, шуба бархатная багряная, выворот соболей, на главе шапка кня-

жеская, опушка соболя, исподняя риза лазоревая, и в сапогах»³⁷⁵. В этом описании от Боголюбского остались лишь борода да прическа. Но, видимо, им руководствовались в XVII—XVIII веках, когда понадобилось дать иконный образ Андрея; может быть, было привлечено и изображение Боголюбского в Золотой палате.

Любопытно, что первое официальное изображение Андрея как святого появилось в пышной фресковой росписи Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире, исполненной по повелению патриарха Иосифа в середине XVII века, то есть почти за полвека до официальной канонизации. Вторым ранним изображением Андрея является шитая пелена конца XVII — начала XVIII века, приписываемая царевне Софье Алексеевне³⁷⁶. Здесь Андрей также безличен: простое суховатое лицо, опущенное черной бородой, лишено каких-либо индивидуальных черт. Таким же его изображали владимирские иконописцы, делавшие во времена Екатерины II пышный иконостас Успенского собора во Владимире³⁷⁷. Столь же произволен и портрет Андрея, данный в «Истории» Татищева: «ростом был не велик, но широк и силен вельми; власы черные, кудрявы, лоб высокий; очи великие и светлые»³⁷⁸. От подобных общих характеристик мало отличается созданный в новое время В. М. Васнецовым образ Андрея во Владимирском соборе в Киеве — это «русский витязь» в театрально-декоративном воинском уборе, воин с лицом будущего «мученика».

Лишь в советское время мы получили неожиданную возможность непосредственно и прямо взглянуть в лицо нашего героя. Скульптор-антрополог М. М. Герасимов создал скульптурный портрет — документальную реконструкцию облика Андрея Боголюбского по его черепу. Этот портрет вызвал горячие возражения, сомнения и споры, не прекращающиеся и теперь, — слишком неожиданным был в своей человеческой конкретности образ «владимирского самовластца». Он резко расходился с тем смутно рисовавшимся нашему воображению обликом русского князя, крупнейшего строителя жизни великорусского центра, который владел нашей мыслью, может быть, соединяясь с отвлеченным образом князя, созданным

Антокольским в его Ярославе Мудром или с васнецовским «благостным» Андреем. Так с необычайной и впечатляющей деятельностью Боголюбского соединялся его остро индивидуальный и суровый облик: и внешне и внутренне он менее всего подходит под понятие святого князя, мощи которого покоятся во владимирском Успенском соборе.

Интерес к культу Боголюбского неожиданно возобновился почти ровно через сто лет после его канонизации. 11 марта 1801 года в Инженерном замке заговорщиками был задушен император Павел I, который нимало не напоминал умного и деятельного владимирского «самовластца». Сходным был лишь финал их жизни — смерть в итоге дворцового заговора. Однако в 1820 году, по-видимому, с одобрения Александра I, была сооружена богатая рака для «мошей» Андрея с пространными надписями в клеймах, в том числе — об убийстве Боголюбского «от московского дворянина Якима Степанова сына Кучки»³⁷⁹. Этим кончается церковная история Андрея.

Но с развитием изучения русской истории его деятельность вновь привлекает внимание, встречая в XVIII и XIX веках столь же противоречивые оценки, как и в XII веке. М. В. Ломоносов в «Кратком российском летописце» никак не выделяет фигуру Боголюбского из вереницы князей XII века: «Андрей Юрьич Боголюбский, ради многих смятений князей киевских, видя сию столицу немощну, основал престол великого княжения во Владимире; был храбр. Победил болгар Волжских. Убит злодейским образом от московских дворян Кучковичев»³⁸⁰. Напротив, в «Ядре российской истории» князя А. Я. Хилкова подчеркнуто «самодержавство» Андрея: он, «пылая властолюбием и желая сделать себя над всюю Россиюю самодержцем, престол себе во Владимире утвердил», а затем с этой же целью изгнал и братьев³⁸¹. В. Н. Татишев, работавший над своей «Историей российской» во время, ближайшее за канонизацией Боголюбского, подобно Ломоносову, не видит в Андрее никаких особых черт. Его портрет Андрея строится на основе панегирика в «Повести» об убийстве и противоположной отрицательной оценки Андрея Ипатьевской летописью: «Что же похвалы ему от писателей приписанные принадлежит, то довольно от многих случаев видимо, что он

в войне был храбр и полководец искусный, да притом набожен и справедлив, на церкви и попам многое имение раздавал, и для того писатели, яко духовные, должны были похвалу ему приписывать... Противно же того видно, что он наконец возгордел, в правлении недовольно был прилежен и неосторожен, и в военных походах на Болгары и Новгород доброго распорядка не доставало, более же о ловлях и увеселении прилежал, для того, может, по смерти как духовные, так мирские о нем мало сожаления имели»³⁸². Ничего принципиально нового в трудах Андрея Татищев не отмечает.

Князь М. М. Щербатов в своей «Истории российской» началом царствования князя Андрея Боголюбского и перенесением российской столицы во Владимир открывает особый отдел своего труда, охватывающий время до монгольского завоевания. Но фактически деятельность Боголюбского ничем не отличается у Щербатова от деятельности других князей, которые также «царствуют» на своих столах; какое реальное содержание вкладывал Щербатов, называя Андрея «самодержавным государем», неясно. Даже отец Андрея Юрий, по Щербатову, «соединял в себе все качества великого монарха: он был искусный и храбрый воин и в сии непросвещенные времена хитрой политик...»³⁸³.

Две отличные друг от друга оценки деятельности Боголюбского, наметившиеся в историографии XVIII века, развиваются и в трудах историков XIX века, отражая их политические симпатии и исторические взгляды. Апологет самодержавия Н. М. Карамзин не мог пройти мимо колоритной и выигрышной для «Истории государства Российского» фигуры «владимирского самовластца». Под его пером Андрей становится в ряды крупнейших государственных деятелей Древней Руси: он «был, конечно, одним из мудрейших князей российских в рассуждении политики, или той науки, которая утверждает могущество государственное. Он явно стремился к спасительному единовластию»³⁸⁴. Напротив, в изображении Н. А. Полевого, пытавшегося дать «историю русского народа», Андрей, этот «могучий государь русский и неукротимый воитель», «оставался могучим удельным владетельным князем — не более, имея только титул великого князя... его уважал, кто хотел,

или кто боялся...»³⁸⁵. Власть Андрея, по Полевому, — временное и личное явление.

Эту мысль широко развил М. П. Погодин: «Андрей постоянно следовал по одному пути и достиг своей цели. Он хотел, чтобы его слушались, и его действительно слушались все князья. Самые неудачи почти не мешали ему нисколько: противники, победив его полки, обращались к нему же с повинной головою, и его сила стала выше всех случайностей. Но кроме этого послушания с даяниями и дарами, удовольствием сажать и стогнать князей, и некоторыми наружными знаками преимущества Андрей ничего не хотел, и никаких высших политических, государственных видов, как мы их понимаем, не имел; он был умнее своих современников, но не потомков; о будущем он не думал... Утвердившись дома, он распространил свои намерения и на всю Русь, и требовал послушания и покорности от всех тамошних князей, как прежде Мономах и сын его Мстислав, а после, более или менее, брат Андреев, Всеволод, — но никаких дальнейших, политических или государственных замыслов у него не было и быть не могло...»³⁸⁶.

Взгляды С. М. Соловьева мы уже приводили — они были связаны с его теорией родового быта, на фоне которой фигура Боголюбского приобретала эпохальное значение: он начал ломку «родовых отношений» и постройку отношений государственных. Андрей открыл новый период в истории Древней Руси; ее центр был перенесен на великорусский северо-восток. Власть Андрея была не проявлением его личного властолюбия, а результатом большой политической работы. Но главное, что впервые увидел С. М. Соловьев, это основную пружину политической борьбы — конфликт между «старыми» и «новыми» городами, формула, под которой нащупывались подлинные исторические силы: консервативной феодальной знати, с одной стороны, и горожан, поддерживающих князя и его военную силу — с другой.

Затем это понятие «города» конкретизируется и под пером И. Е. Забелина до преувеличения. Горячий патриот Москвы, Забелин видел в избрании Андрея на суздальский стол инициативу «москвичей» — Кучковичей, а самого Андрея изображал «посадским» князем «промышленной и тор-

говой страны», какую Забелин представлял Владимирскую землю³⁸⁷.

«Главное значение Андрея Боголюбского в русской истории, — писал Д. И. Иловайский, — основано на его государственных стремлениях. Он является перед нами первым русским князем, который ясно и твердо начал стремиться к водворению самодержавия и единодержавия... Нет сомнения, что этот князь владел умом поистине государственным и что в данном случае (речь об изгнании братьев. — *Н. В.*) он повиновался не одной только личной жажде власти. Конечно, он сознавал, что дробление русских земель служило главным источником их политической слабости и внутренних смут... Опору своим самодержавным стремлениям он мог найти в самом населении северо-восточного края, рассудительном и трудолюбивом»³⁸⁸.

Напротив, Н. И. Костомаров, исследуя историю единодержавия в Древней Руси, считал, что никаких попыток в этом направлении владимирские князья не делали, а владимирцы, поддерживавшие Андрея, отнюдь не думали о чем-либо более широком, нежели о самоопределении и независимости для своего города. «Единственным побуждением всей деятельности Андрея было властолюбие... Кроме желания лично властвовать над князьями, у него едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель»³⁸⁹. Отсюда недалеко и до позднейших взглядов Ключевского, уже изложенных нами, — что Андрей был просто «самодуром» без особых политических дарований и идей.

Весьма близкую к истине характеристику деятельности и личности Андрея дал в своей монографии о Ростовском княжестве Д. А. Корсаков. Подобно С. М. Соловьеву, он видит в его трудах поворотный момент в истории Руси, подготовку тех начал, которые лягут в основу объединительной работы московских князей. Но он значительно уточняет и расширяет это определение: «Эпоха Андрея является прототипом последующей формации Московского государства, этого громадного и своеобразного здания, созданного великорусским племенем. Развитие начала единовластия, борьба с боярством, политическое значение православия, единение

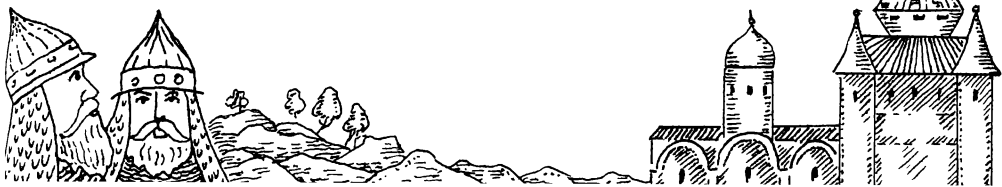
церкви и государства и распространение великорусского племени на восток — вот те основные элементы общественного строя Ростово-Суздальской земли, которые являются впоследствии основными же элементами Московского царства». Борьбой за власть и первенство стольного Владимира Корсаков объясняет и самую контрастность и противоречивость характера Андрея: «Раз мы знаем “самовластие” Андрея, — нам объясняется кажущееся противоречие в его характере, и “боголюбивый” князь выступает перед нами из сумрака веков вполне живым, цельным человеком. Кому неизвестен этот тип великорусса: благочестивый и богомольный, ласковый и добрый со своими подчиненными, “аки отец”, но ласковый до той поры только, пока никто не перечит его нраву. Раз ему поперечили, не исполнили его волю, — конец! Его самовластие не признано, — и он распаляется гневом. Доброта сменяется злостью, благочестие тонет в высокоумии, страсть берет верх над рассудком...»³⁹⁰.

По-видимому, из оценки Корсакова исходил и остроумный А. Рамбо, который писал: «Можно сказать, что Андрей Боголюбский тремя веками раньше основал в России самодержавие. В XII столетии он намечает все то, что должны совершить в XV и XVI вв. московские великие князья, дабы достигнуть неограниченной власти: его деспотизм в отношении бояр, его усилия прекратить уделы, его высокомерие с другими русскими князьями, его попытки уничтожить независимость Новгорода, его союз с духовенством и намерение перенести в Окский бассейн религиозную митрополию всей России намечают политическую программу, исполнение которой оказывается под силу только десяти поколениям русских князей...»³⁹¹.

Личность и личный вклад Боголюбского в историю Руси не привлекали специального внимания историков XX века. Его оценка и характеристика давались лишь по ходу общих обзоров русского Средневековья, в которых выработался столь же общий взгляд на Андрея лишь как на яркую фигуру начавшейся в XII веке борьбы за сильную великокняжескую власть. Так, для А. Е. Преснякова Андрей — наследник политических идей Мономаха; но они при нем приобретают

существенно иной характер: «Старейшинство, связанное с владением Киевом, должно было или погибнуть, или переродиться в отношения политического господства, с одной, и служилого подчинения — с другой стороны. И пути этой эволюции были намечены в русской жизни XII в., в эпоху, в начале которой стоит деятельность Мономаха, а в конце — Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. И важно запомнить, что эта вторая тенденция не родилась на севере вновь и лишь дальше развивала там зерна, не воспринятые киевской почвой»³⁹².

Для М. Н. Покровского, который не присматривался сколько-нибудь внимательно и систематично к конкретной истории Древней Руси, Андрей Боголюбский послужил лишь в качестве иллюстрации вульгарно-социологического тезиса о «медленном процессе перегнивания старой хищнически-городской культуры в деревенскую». Символом первой были гибель Киева и «запустение» Южной Руси; представителем второй была Владимирская Русь, вождь которой, Андрей, был «оригинален» якобы лишь в том, что впервые начал эксплуатировать народную массу по-новому: «не путем лихих наездов со стороны, а путем медленного, но верного истощения земли вирами и продажами». В этом, по М. Н. Покровскому, и была сущность «самовластия» Андрея³⁹³. Ни отношения к горожанам, ни церковно-политические мероприятия, ни борьба с аристократической знатью и никакие другие яркие стороны деятельности Андрея не нашли места в этой характеристике.

Возрастающий в последние годы пристальный интерес к судьбам Древней Руси и ее культуры вместе со стремлением увидеть наше прошлое в сопоставлении с историей западноевропейского Средневековья привел к выводам о близости истории Владимирской земли эпохи Боголюбского к той поре в истории Запада, когда складывался «союз королевской власти и горожан» (Ф. Энгельс). «Именно здесь, на северо-востоке, — говорит академик Б. Д. Греков, — особенно в новых городах заметно росли те элементы, которые, протестуя против бесконечных феодальных войн, против старой боярской знати, тяготели к сильной княжеской власти. Этот союз во Владимиро-Суздальском княжестве мы можем констати-

ровать со времен Андрея Боголюбского». И далее: «Усиление великокняжеской власти несет удар хроническим феодальным войнам, так называемым “усобицам”, и делается фактором сплочения сил для защиты страны от внешнего врага. Но процесс этот длительный: понадобилось несколько столетий, чтобы его результаты вылились в форму осязаемых политических фактов»³⁹⁴. Так от эпохи Боголюбского история шла к эпохе «собирателей Руси» и строителей Русского национального государства — великих московских князей.

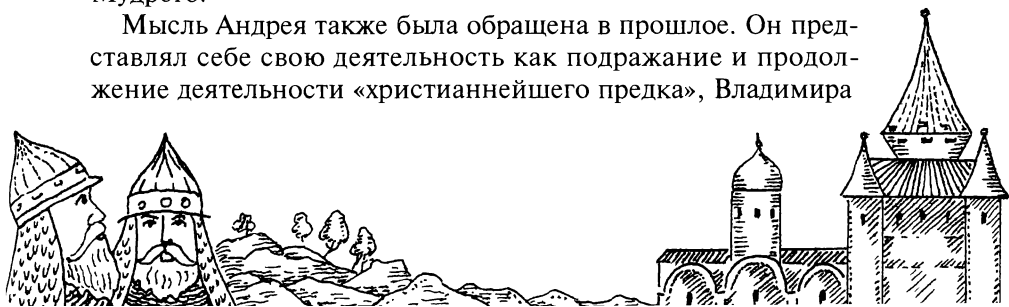
Заключение

Мы подошли к концу книги о князе Андрее. В ней мы пытались обрисовать его родину, деятельность его деда и отца, дела и дни самого Боголюбского, его гибель, судьбу созданного им Владимирского княжества, наконец, отношение к личности и деятельности Андрея его современников, близких и дальних потомков. Нам остается подвести некоторые общие итоги, которые должны ответить на вопрос: что же дал русскому народу и его культуре неустанный строительный и воинский труд Андрея?

Он жил и правил в эпоху, когда Киевская держава и ее порядки ушли в безвозвратное прошлое, уступив торжествующей феодальной раздробленности Руси. Кровавый хаос междоусобной борьбы доламывал старые политические устои «княжого права» делая насилие и войну законом государственной жизни. Усобицы истощали русский народ, угрожали подорвать его силу и затормозить поступательное развитие его культуры. Протест против распада Руси зрел в умах Мономаха, русских летописцев, самого народа. Но жизнь еще не открывала ясных перспектив и средств борьбы с этим распадом, и перед глазами преемников Мономаха вставал лишь образ державы Владимира Святославича и Ярослава Мудрого.

Мысль Андрея также была обращена в прошлое. Он представлял себе свою деятельность как подражание и продолжение деятельности «христианнейшего предка», Владимира

Святого: в его строительстве реально просвечивает интерес к архитектуре Ярослава Киевского.

Но Андрей не питал иллюзий насчет путей борьбы с удельным сепаратизмом. Если идеалистическая концепция Мономаха, строившая надежды на единство Руси на самоотречении князей и отказе их от своей феодальной природы, отступила перед открытым правом сильного нарушать договоры и клятвы, то нужно было найти другую, также открытую силу, опираясь на которую, можно подчинить «бунтующих князей» властной княжеской воле. Такая сила рождалась в городах в лице горожан, ремесленников и торговцев. Ее замечали наиболее проницательные князья. Андрей не только заметил эту новую общественную силу, но и решительно пошел ей навстречу.

Этот путь борьбы за объединение русских сил под эгидой единоличной и державной княжеской власти был тяжел и мучителен, так как он был начат рано и требовал нечеловеческой настойчивости самого Андрея. Этот путь значительно опережал развитие экономических основ жизни. Силы города, несомненно, зрели и уже входили в конфликт с феодальными путями, но они были еще несравненно слабее сил деревенской стихии. Централизующие экономические и политические тенденции, порождающиеся городом, еще не могли равняться с мощью центробежных тенденций феодальной вотчины, феодальных княжеств. Поэтому путь «союза королевской власти и горожан», по которому повел Андрей свое княжество, был тяжок и кровав; это был путь ломки еще не отживших отношений, которые неизбежно возрождались, расшатывая уже достигнутые, казалось бы, результаты.

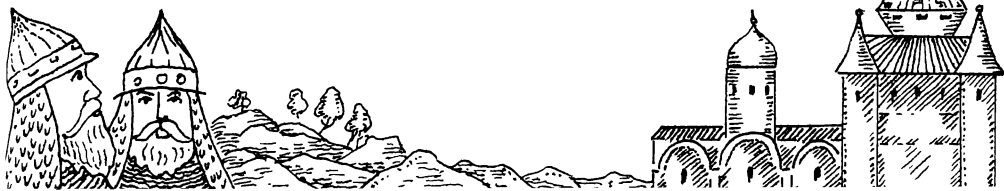
Столкнувшись с жестоким сопротивлением русского феодального мира, Андрей с исключительной широтой и смелостью развернул все средства борьбы. Его деятельность поражает прежде всего тем, что на усиление мощи Владимирской державы, претендовавшей на общерусскую гегемонию, он сумел планомерно и властно направить и меч войны, и духовный меч церкви, труд ремесленников и зодчих, художников и писателей. В этом с Боголюбским мог равняться только его великий прадед — Ярослав Мудрый.

Именно в этих мероприятиях Боголюбского ярче всего выражается целеустремленный смысл его борьбы и ее глубокая продуманность, позволяющая действительно говорить не только об «усилении княжеской власти», но и о стремлении изменить ее социальную базу и поставить перед ней новые задачи централизующего порядка.

Андрей не только обеспечивает свое личное положение на владимирском столе изгнанием братьев, но всемерно устраивает свои города, умножает их население, содействует расцвету ремесел, словом, усиливает пласт «мизинных людей». По-видимому, он начинает перестраивать старые отношения и внутри феодально-землевладельческого класса — старобоярской «породе» начинают противопоставляться новые приверженные князю феодальные слои — дворяне и милостьники. В армии появляются ополчения горожан и поселян в виде «пешцов» — пехоты.

Особенно существенна идеологическая работа Андрея, направленная на создание морально-политического авторитета его земли и власти. Яростная его борьба за самостоятельную церковь как основу объединительной работы не имеет прецедентов. Ни история митрополита Илариона, ни история Клима Смолятича не идут в сравнение с историей Андрея и владыки Федора. Мы видели, какую огромную работу провели Андрей и Федор по организации своего, северо-восточного пантеона и созданию реликвий, как успешно шла церковно-литературная работа, формулировавшая идеи о богоустановленности власти Андрея и о «небесном покровительстве» молодому союзу «князь, город, люди». В том же направлении, как мы видели, действовала огромная организующая сила искусства.

Таким образом, усиливавшемуся хаосу феодального дробления, который, по иронии судьбы, еще прикрывался старыми нормами «старейшинства» и княжеско-родовой морали, Андрей противопоставил не только «плотную силу» своих полков или властный окрик «подручников», — но целую новую систему политического устройства и идейных концепций. Это была планомерная государственная работа, которая никак не вяжется с представлением об «инстинктивности» или «самодурстве» поступков Боголюбского.

В то же время именно «плотная сила», военные предприятия Андрея были слабым местом его власти, стягивавшей огромные по тем временам рати из полков «подручных» князей, но еще не имевшей возможности побороть их сепаратизм и вдохновить их новыми политическими идеями.

Деятельность Андрея по целям, средствам и размаху напоминает нам о московских государях XV–XVI веков — Иване III, Василии III, Иване Грозном. Разница в том, что они действовали в иное время, когда сама история уже работала против дробления Русской земли. Но и в их условиях строительство Русского национального государства требовало гигантских усилий и крайних мер. Самым сложным в работе Андрея оказалось дело организации княжого управления в городе и деревне. Появление в роли княжеской администрации молодых, но жадных княжих чиновников повело к чудовищным злоупотреблениям и обидам, оттолкнувшим народ от князя и позволившим заговорщикам-боярам свалить самовластного владыку. Если бы Андрей стал вовремя «грозным», он предотвратил бы свой кровавый конец и смог бы значительно полнее осуществить свои замыслы и упрочить ростки нового.

Слабость военной организации и внутренней административной системы была причиной того, что Андрею удалось создать лишь основания и предпосылки для объединения русских феодальных княжеств под рукой владимирского великого князя.

Всеволод III, как мы видели, продолжил завещанную братом государственную работу: он неизмеримо поднял общерусский авторитет владимирских князей, упрочил внутренние основы их власти, усовершенствовал и сделал более тонкими средства «внешней политики», сочетавшей не только военные меры, но и изощренную дипломатическую игру. Объединительная борьба его сыновей — братьев Юрия и Ярослава — приобрела почти общерусский характер; ее результатом были мощные удары по врагам Руси на западе и востоке.

Эта политическая линия не прервалась с монгольским нашествием. Она была продолжена Александром Невским, а затем и московскими собирателями Руси, которые имели

все основания считать себя прямыми продолжателями дела Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Стольный Владимир был реальным преемником объединяющей роли Киева, а Москва воспринимала эту традицию от Владимира. Эта линия исторического развития является крупнейшим фактом русской истории.

Прекрасные памятники архитектуры свидетельствуют, насколько верен и плодотворен был избранный Андреем путь союза с «мизинными людьми» молодых городов. Это могучее искусство порывает с византийской традицией и соединяет русское киевское наследие с достижениями романского Запада. Искусству вторит литература, в отрывках и следах которой мы слышим, как крепнет мысль о национальном единении русского народа, образуя звено между литературой эпохи Мономаха и «Словом о полку Игореве».

Важнейшей заслугой Боголюбского было то, что он верно оценил грядущую роль и значение своего Владимирского княжества как великорусского центра Древней Руси и смело порвал со священной землей Поднепровья, историческая роль которой была сыграна. В этом Андрей следовал еще неясным мыслям Мономаха, упорно защищавшего в конце XI века интересы своей северной волости и усиливавшего ее значение. «Уход Андрея на север», столь привлекавший внимание историков своими политическими следствиями, имел важнейшее значение для формирования русской нации и строительства Русского национального государства.

Примечания

- ¹ *Марков А.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. С. 5.
- ² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 10 (далее: Лавр. лет.).
- ³ *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. // МИА СССР. № 5. Л., 1941. С. 90—91.
- ⁴ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. I. М., 1938. С. 94 (далее: *Пресняков. Лекции*).
- ⁵ *Греков Б. Д.* Волжские болгары в IX—X вв. // Исторические записки. Вып. 14. М., 1945. С. 12—13.
- ⁶ *Лейбович Л. И.* Сводная летопись. СПб., 1876. С. 121.
- ⁷ Памятники старинной русской литературы (далее: ПСРЛит.). Вып. 1. СПб., 1860. С. 229.
- ⁸ *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Советская археология. № 4. 1937. С. 44; Его же. К истории племен... С. 96.
- ⁹ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М., 1947. С. 157 (далее: *Веселовский*).
- ¹⁰ *Титов А. А.* Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893. С. 11.
- ¹¹ *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам/Труды I Археологического съезда в Москве. Т. 2. М., 1871. С. 655—656.
- ¹² *Воронин Н. Н.* Восстания смердов в XI в. // Исторический журнал. № 2. 1940. С. 54—57; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 512—513.
- ¹³ *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА СССР. № 6. Л., 1941.
- ¹⁴ *Третьяков П. Н.* К истории племен... С. 91 и сл.
- ¹⁵ *Корсаков Д. А.* Меря и Ростовское княжество. Казань. 1872. С. 63. О первоначальном «возвышении» Суздаля над Ростовом см.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 31—32 (далее: *Пресняков. Образование*).

- ¹⁶ Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939. С. 68.
- ¹⁷ Тверской летописный сборник. Полное собрание Русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. XV. СПб., 1863. С. 338. О древности боярства на северо-востоке см.: Пресняков. Образование. С. 31–32.
- ¹⁸ Дмитриевский И. О начале Владимира, что на Клязьме. СПб., 1802. С. 22–23.
- ¹⁹ Уваров. Указ. соч. С. 674.
- ²⁰ Лавр. лет. С. 355.
- ²¹ Ср.: Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 199 и сл. (далее: Голубинский).
- ²² Есть предположение, что Леонтий до посылки в Ростов был игуменом пещерного Зверинецкого монастыря в Киеве. Каманин И. Зверинецкие пещеры. Киев, 1914. С. 39–42.
- ²³ Титов. Житие св. Леонтия...; Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 15 и сл. (далее: Ключевский. Жития).
- ²⁴ Ключевский. Жития. С. 35–36, ПСРЛит. Вып. 1. С. 222 и сл.
- ²⁵ Голубинский. С. 204, прим. 1.
- ²⁶ Лавр. лет. С. 238; Шляков Н. В. О Поучении Владимира Мономаха. СПб., 1900. С. 7, 19, 42.
- ²⁷ Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1910. С. 5 (далее: Патерик).
- ²⁸ Алексеев М. П. Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха/Труды отдела древнерусской литературы. Т. 2. Л., 1935. С. 50–53; Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. С. 210–257.
- ²⁹ Лавр. лет. С. 218–220.
- ³⁰ Там же. С. 243 и сл.
- ³¹ Там же. С. 229–232.
- ³² Там же. С. 247.
- ³³ ПСРЛит. Вып. 1. С. 32 и 52.
- ³⁴ Там же. С. 229; Лавр. лет. С. 269.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. XV. С. 114 и 230. Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей. СПб., 1868. С. 66 (далее: Бестужев-Рюмин. О составе летописей).
- ³⁶ Варганов А. Д. К архитектурной истории Суздальского собора // Краткие сообщения ИИМК. Вып. XI. М., 1945.
- ³⁷ Варганов А. Д. Из ранней истории Суздаля (IX — XIII вв.) // Краткие сообщения ИИМК. Вып. XII. М., 1946. С. 127.
- ³⁸ Лавр. лет. С. 232.

- ³⁹ Патерик. С. 62 и сл.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 259 (далее: Ипат. лет).
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. XXIV. СПб., 1921. С. 72–73.
- ⁴² Ипат. лет. С. 285.
- ⁴³ Там же. С. 285–286.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. XV. С. 193.
- ⁴⁵ Ипат. лет. С. 268–269, 715.
- ⁴⁶ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 62–63, 71, 76–77.
- ⁴⁷ Прозвище Долгорукий не встречается в ранних летописях, оно есть в Тверском летописном сборнике, летописи Авраамки, Никоновской летописи и Степенной книге. См. также: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. М., 1774. Прим. 457 (далее: *Татищев*); *Карамзин Н. М.* История государства Российского (изд. 1851–1853). Т. II. Прим. 375 (далее: *Карамзин*); *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. II. Ч. 1. Киев, 1908. С. 857, прим. 5; Прозвище Долгорукий (Мхаргрдзели) имел Саргис Великий, крупный армянский феодал, назначенный царицей Тамарой на пост амирмпасалара (военного министра). *Еремян С. Т.* Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках/Научные труды Ереванского гос. университета. Т. XXIII. Ереван, 1946. С. 397 (далее: *Еремян*).
- ⁴⁸ Пресняков. Княжое право... С. 80–81; Ипат. лет. С. 294–295; Новгородская I летопись по Синодальному списку. СПб., 1888. С. 126 (далее: Новг. I лет.).
- ⁴⁹ Лавр. лет. С. 287; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 29 т. 1851–1879. Т. I. С. 368–369 (далее: *Соловьев*); О сбивчивости хронологии этих событий см. замечание А. Е. Преснякова. Княжое право... С. 82, прим. 3.
- ⁵⁰ Новг. I лет. С. 126–127.
- ⁵¹ Новг. I лет. С. 127 и сл.; Ипат. лет. С. 300.
- ⁵² Ипат. лет. С. 304.
- ⁵³ Соловьев, I. С. 382; Новг. I лет. С. 131–132.
- ⁵⁴ Новг. I лет. С. 133–134; Ипат. лет. С. 306–309.
- ⁵⁵ Пресняков. Лекции. С. 333.
- ⁵⁶ См. характеристику М. С. Грушевского: История Украины — Руси. Т. II. Львов, 1905. С. 153–154 (далее: *Грушевский*).
- ⁵⁷ Ипат. лет. С. 320–329.
- ⁵⁸ Там же. С. 313, 332, 339–342; *Соловьев, I. С.* 407.
- ⁵⁹ Ипат. лет. С. 344, 355–356, 359; *Соловьев, I. С.* 403, 415, 417, 433.
- ⁶⁰ Новг. I лет. С. 136–137; Ипат. лет. С. 360, 366–367; *Грушевский. С.* 158–159.

- ⁶¹ Новг. I лет. С. 137; Ипат. лет. С. 367–372.
- ⁶² Новг. I лет. С. 138; Ипат. лет. С. 372–373.
- ⁶³ Ипат. лет. С. 374–378, 382–384.
- ⁶⁴ Там же. С. 384–393.
- ⁶⁵ Там же. С. 394–416.
- ⁶⁶ Там же. С. 422–445.
- ⁶⁷ Там же. С. 446, 455–460; ПСРЛ. Т. XV. С. 219.
- ⁶⁸ *Соколов П.* Русский архиерей из Византии. Киев, 1913. С. 58, прим. 1 (далее: *Соколов*).
- ⁶⁹ *Соколов*. С. 60; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 73, 84, 92–93 (далее: *Приселков*. Очерки).
- ⁷⁰ *Приселков*. Очерки. С. 376–390.
- ⁷¹ Там же. С. 291–292.
- ⁷² *Морозов Ф. М.* Антиминс 1149 г. // Записки отд. русск. и слав. Археологии. Т. XI. Пг. 1915.
- ⁷³ *Соколов*. С. 97.
- ⁷⁴ *Приселков*. Очерки. С. 71–75; *Грушевский*. С. 152. Т. 53.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 77.
- ⁷⁶ Там же; Ипат. лет. С. 339–340; ПСРЛ. Т. XV. С. 221; ПСРЛ. Т. XV (Рогож. лет.). С. 21; *Шилевский С. М.* Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. Ярославль, 1892. С. 25–28.
- ⁷⁷ *Воронин Н. Н.* Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв. М., 1945. С. 16–20 (далее: *Воронин*. Памятники).
- ⁷⁸ *Шамбинаго С. К.* Повести о начале Москвы/Труды отдела древнерусской литературы. Т. 3. Л., 1936. С. 59–98. Попытки видеть «владения Кучки» не только на месте Москвы: *Стромилов Н.* Село Кучки // Владимирские губернские ведомости (далее: ВГВ). 1880. № 29; Я. П. Краткие исторические сведения о Юрьеве-Польском // ВГВ. 1841. № 44–45.
- ⁷⁹ Предполагают, что вражда Юрия с Кучкой была вызвана отказом последнего участвовать в походе 1147 года на Новый Торг. *Георгиевский В. Т.* Андрей Боголюбский. СПб., 1900. С. 19.
- ⁸⁰ *Татищев*, III. С. 76; *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле/Века. Пг. 1924. С. 4, прим. (далее: *Насонов*).
- ⁸¹ *Милонов Н. П.* Дмитровское городище // Советская археология. № 4; *Воронин Н. Н.* Отчет о раскопках 1933 г. в Суздале // Археологические исследования в РСФСР. Л., 1941. С. 92–96.
- ⁸² Ипат. лет. С. 468; Новг. I лет. С. 140.

- ⁸³ Ипат. лет. С. 469—478. По словам Печерского патерика, Юрий, сев в Киеве, «тысяцкому ж своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суздальскую». Патерик. С. 5. Едва ли это вероятно. Георгий был уже в конце XI века пожилым человеком.
- ⁸⁴ Ипат. лет. С. 485.
- ⁸⁵ ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889. С. 45.
- ⁸⁶ Новг. I лет. С. 140; ПСРЛ. Т. XV. С. 223.
- ⁸⁷ Ипат. лет. С. 489.
- ⁸⁸ Там же. С. 472—473, ПСРЛ. Т. XV. С. 222.
- ⁸⁹ Ипат. лет. С. 337, 354, 569.
- ⁹⁰ *Татищев*, III. С. 103.
- ⁹¹ *Соловьев*, I. С. 394—395.
- ⁹² *Пресняков*. Лекции. С. 228—229; *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947. С. 114—115 (далее: *Романов*).
- ⁹³ Ипат. лет. С. 465.
- ⁹⁴ Там же. С. 376.
- ⁹⁵ Там же. С. 448.
- ⁹⁶ Там же. С. 393—394.
- ⁹⁷ *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 1847. С. 149, 201 (далее: *Соловьев*. История отношений). Ср. также характеристику Юрия в работе: *Я. А. Голяшкин*. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. // Издания Исторического общества при Московском университете. Рефераты 1896—1897 гг. Т. II. М., 1898. С. 274 (далее: *Голяшкин*).
- ⁹⁸ *Соловьев*. История отношений. С. 215, прим.
- ⁹⁹ Ипат. лет. С. 389 и сл.
- ¹⁰⁰ *Бестужев-Рюмин*. О составе летописей. С. 92; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947. С. 276—277 (далее: *Лихачев*. Русские летописи).
- ¹⁰¹ *Воронин Н. Н.* Рецензия на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры» // Вестник АН СССР. 1945. № 5.
- ¹⁰² Ипат. лет. С. 391—392.
- ¹⁰³ Там же. С. 431.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 443—445, ср.: Лавр. лет. С. 318; ПСРЛ. Т. XV. С. 218.
- ¹⁰⁵ Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 134—138.
- ¹⁰⁶ Ипат. лет. С. 509.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 404, 437.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 456—457.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 404—405.
- ¹¹⁰ Там же. С. 416—417.

- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910. С. 117.
- ¹¹² Ипат. лет. С. 482; ПСРЛ. Т. XV. С. 223.
- ¹¹³ *Вершинский А. Н.* К истории путей сообщения Киевской Руси с северо-востоком // Тверская старина. 1911. № 6.
- ¹¹⁴ *Карамзин*, II, прим. 383.
- ¹¹⁵ Ипат. лет. С. 478—479; Лавр. лет. С. 353.
- ¹¹⁶ Ипат. лет. сообщает, что в избрании Андрея участвовали «и Володимирци вси», и он был посажен «на отни столе Ростове и Суждали и Володимири...». Однако это, надо думать, позднейшая запись, сделанная уже тогда, когда Владимир стал столицей. Любопытно, что этот же текст в описании постройки Успенского собора Андреем относит на его счет пятиглавие собора, возникшее лишь после пожара 1185 года после ремонта храма Всеволодом. Ипат. лет. С. 490—491.
- ¹¹⁷ *Карамзин*, II, прим. 383.
- ¹¹⁸ Ипат. лет. С. 390; Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери. СПб., 1878. С. 34 (далее: Сказание о чудесах); ПСРЛ. Т. XV. С. 226.
- ¹¹⁹ Лавр. лет. С. 330.
- ¹²⁰ *Воронин*. Памятники. С. 21 и сл.
- ¹²¹ ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 222.
- ¹²² *Воронин*. Памятники. С. 33 и сл.
- ¹²³ ПСРЛ. Т. XV. С. 251. По мнению А. А. Шахматова, детали этого рассказа взяты из «первоначальной, более полной редакции» краткой летописи Ростовского свода 1419 года. *Шахматов А. А.* Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1889. С. 99—101.
- ¹²⁴ Ипат. лет. С. 520; ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 76.
- ¹²⁵ Сказание о чудесах. С. 17, прим. 1.
- ¹²⁶ Ипат. лет. С. 521.
- ¹²⁷ *Соловьев*, II. С. 500; *Шпилевский*. Указ. соч. С. 48 и сл.
- ¹²⁸ *Насонов*. С. 9 и сл., 17; *Татищев*, III. С. 197.
- ¹²⁹ Лавр. лет. С. 330.
- ¹³⁰ Там же. С. 446; *Веселовский*. С. 365 и 368. Митрополичьи села под Владимиром: Старый двор, Яновец, Житково, Волкуша, Теремец, Подберезье, Ярославль, Павловское, Бухалово, Богослово, Спасское, Брянцево, Волосово, Всеславское, Суромна, Сновицы, Толмячево. *Юшков С. В.* История государства и права СССР. Ч. I. М., 1947. С. 169.
- ¹³¹ *Татищев*, III. С. 129.
- ¹³² *Зарубин Н. Н.* Слово Даниила Заточника. Л., 1932. С. 21.

- ¹³³ *Срезневский И. И.* О Малуше милостынице великой княгини Ольги // Записки Академии наук. Т. V. СПб., 1864.
- ¹³⁴ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1902. С. 138.
- ¹³⁵ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1946. С. 166–167.
- ¹³⁶ Новгородский летописец в рассказе о 1174 году произвольно называет милостыниками и старых бояр-заговорщиков. Новг. I лет. С. 152. Тот же термин «милостыник» обозначал и одну из категорий работного люда в составе феодального хозяйства XII века. *Романов.* С. 295–305.
- ¹³⁷ Ср. оценку милостыльников в Летописце Переяславля-Суздальского. М., 1851. С. 16.
- ¹³⁸ *Бестужев-Рюмин К.* О значении слова «дворянин»/Труды II археологического съезда. Т. I. СПб., 1876; *Зарубин.* Слово... С. 68; *Тихомиров.* Древнерусские города. С. 166–167; *Романов.* С. 282–283.
- ¹³⁹ *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939. С. 152.
- ¹⁴⁰ *Туторский В.* Исторические заметки и предания о г. Коврове // ВГВ. 1857. № 47.
- ¹⁴¹ *Иванов А. И.* Клязьменский городок/Труды Владимирского областного музея. Вып. 2. Владимир, 1926; *Стромилов Н.* Село Любеч в Ковровском уезде // ВГВ. 1899. № 50.
- ¹⁴² Лавр. лет. С. 334–335; ПСРЛ. Т. XV. С. 236; Сказание о чудесах. С. 23.
- ¹⁴³ Ипат. лет. С. 392, 462, 536, 547, 530.
- ¹⁴⁴ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 77 (далее: *Приселков.* Летописание).
- ¹⁴⁵ *Соколов.* С. 117.
- ¹⁴⁶ *Приселков.* Очерки. С. 396; *Голубинский.* С. 330–332, 439–443; *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 118–122. В последующем изложении мы придерживаемся, в основном, последовательности событий, данной в цитированной книге П. Соколова.
- ¹⁴⁷ Ипат. лет. С. 493; Лавр. лет. С. 334.
- ¹⁴⁸ Лавр. лет. С. 333; Ипат. лет. С. 511–512; *Титов.* Житие св. Леонтия. С. 7.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. IX. С. 209.
- ¹⁵⁰ Георгиевский. Андрей Боголюбский. С. 38. См. также: *Пресняков.* Образование. С. 33, прим. 2.
- ¹⁵¹ *Приселков.* Очерки. С. 404–405.
- ¹⁵² Вопрос о посвящении Федора вызывает разные толкования. Вопреки П. Соколову, который считал, что Федору было отказано

в рукоположении, М. Д. Приселков полагает, что Федор, бывший в составе посольства к Мкануилу, вернулся на Русь уже епископом. Очерки. С. 399.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 80.

¹⁵⁴ См.: Ипат. лет. С. 591—593.

¹⁵⁵ *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. 1. СПб., 1914. С. 347—348, 352; т. II. С. 33, 92—102; *Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о деве Марии // Христианское чтение. 1888. Вып. 3—4. С. 320—323; Лавр. лет. С. 20—21; *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 214—215; Патерик. С. 5—6.

¹⁵⁶ Сказание о чудесах. С. 31—33.

¹⁵⁷ Новг. I лет. С. 435; Ипат. лет. С. 268.

¹⁵⁸ *Воронин Н. Н.* Новые памятники русской эпиграфики XII в. // Советская археология. № 6. 1940. С. 309 и сл.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. СПб., 1910. С. 232.

¹⁶⁰ Сказание о чудесах. С. 36; Лавр. лет. С. 372.

¹⁶¹ *Сергий.* Андрей Юродивый и праздник Покрова. М., 1896 (далее: *Сергий*).

¹⁶² *Остроумов М. А.* Происхождение праздника Покрова // Приходское чтение. 1911. № 19; *Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. С. 103—104.

¹⁶³ «Проложное сказание» — в Великих Минеях Четых (изд. Археографической комиссией), X, стб. 4—5 и у Сергия. С. 60; «Служба» — в пергаментной псалтыри XIV века собрания Синодальной библиотеки (отд. III, № 431 (ныне в Государственном историческом музее), л. 126—128; «Слово» в древней редакции — Великие Минеи Четых, X, стб. 6 и сл; в редакции Пахомия — там же, стб. 17 и сл. Основным памятником является «Служба», сохранившаяся в наиболее древнем списке XIV века. «Проложное сказание» и «Слово» ранней редакции, имея, несомненно, древнюю основу, могли подвергнуться позднейшей обработке. В этом мы расходимся с мнением Сергия, соглашаясь с ним в отнесении к XII веку самого текста «Службы».

¹⁶⁴ *Сергий.* С. 60; Служба, л. 127.

¹⁶⁵ Слово. Стб. 11.

¹⁶⁶ Служба. Л. 126 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 127 и 128 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 127 и 127 об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 128 об.

¹⁷⁰ Слово. Стб. 11, 13, 16.

¹⁷¹ Лавр. лет. С. 358.

- ¹⁷² Сказание о чудесах. С. 38, 41.
- ¹⁷³ Служба. Л. 126 об., 128 об.; *Сергий*. С. 62.
- ¹⁷⁴ Ипат. лет. С. 554–559; *Хрущов И. П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях // Киевские университетские известия. 1873. Вып. 3. С. 231–237 (далее сокр: *Хрущов*); *Буслаев Ф. И.* Местные сказания московские, владимирские и новгородские / Летописи русской литературы. Т. IV. М., 1862. С. 22.
- ¹⁷⁵ Сказание о чудесах. С. 29.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 27.
- ¹⁷⁷ *Забелин И. Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археологические известия и заметки. 1895. № 2–3; Сказание о чудесах. С. 24.
- ¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 103.
- ¹⁷⁹ Лавр. лет. С. 330.
- ¹⁸⁰ *Титов*. Житие св. Леонтия. С. 7–9.
- ¹⁸¹ Там же. С. 3.
- ¹⁸² *Богуславский А. А.* Ростовские жития / История русской литературы. Т. II. Ч. 1. С. 65. М. — Л. 1945; *Приселков*. Очерки. С. 135 и сл.; *Ключевский*. Жития. С. 18–19.
- ¹⁸³ *Доброхотов В.* Древний Боголюбов-город и монастырь. М., 1852. С. 43.
- ¹⁸⁴ *Седельников А.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее // *Slavia*. 1924. Роѣ. III, 2–3. С. 325–332; *Карташев А.* Был ли апостол Андрей на Руси // Христианское чтение. Вып. 7. 1907. С. 82–83; *Соколов*. С. 126–127.
- ¹⁸⁵ *Голубинский*. С. 597.
- ¹⁸⁶ Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб., 1908. С. 1380.
- ¹⁸⁷ *Федоров А.* Историческое собрание о граде Суждале / Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 22. С. 91 и 93. Правдоподобна догадка И. О. Дмитриевского, что погребение Бориса в Кидекше, а не в соборе Суздаля или Ростова, было также жестом пренебрежения Андрея к старым городам. О начале Владимира... С. 77.
- ¹⁸⁸ *Хрущов*. С. 232–233.
- ¹⁸⁹ *Соловьев*, I. С. 671–672; Ипат. лет. С. 617, 713, 719 и др.
- ¹⁹⁰ Служба. Л. 126 и 128.
- ¹⁹¹ *Соколов*. С. 140.
- ¹⁹² Там же. С. 10.
- ¹⁹³ Там же. С. 43–44.

- ¹⁹⁴ *Титлинов Б. В.* Православие на службе самодержавия. Л., 1924. С. 15–17.
- ¹⁹⁵ *Соколов.* С. 140–141; *Лопарев Х.* Слово о гибели русския земли. СПб., 1892. С. 24.
- ¹⁹⁶ *Васильевский В. Г.* Союз двух империй/Труды В. Г. Васильевского. Т. IV. Л., 1930. С. 34.
- ¹⁹⁷ *Голубинский.* С. 805, прим. 1.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 442, прим. 1.
- ¹⁹⁹ *Еремин И.* Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XXX. СПб., 1925. С. 323–325. Цитируем «Притчу» по списку сборника Чудова монастыря № 40, 288 об. (Рукописный отдел ГИМ).
- ²⁰⁰ Ипат. лет. С. 551–554.
- ²⁰¹ *Соколов.* С. 145–147; Притча, л. 290 об.; *Романов.* С. 199.
- ²⁰² *Приселков М. Д.* Лаврентьевская летопись/Ученые записки ЛГУ. Вып. 32. Л., 1939. С. 107.
- ²⁰³ *Соколов.* С. 148 и сл.
- ²⁰⁴ ПСРЛ. Т. IX. С. 239; ср.: *Татищев*, III. С. 167; *Лихачев.* Русские летописи. С. 238–239.
- ²⁰⁵ *Соколов.* С. 52, прим. 1.
- ²⁰⁶ Там же. С. 89–92.
- ²⁰⁷ Там же.
- ²⁰⁸ *Богуславский.* Указ. соч. С. 65; *Лихачев.* Русские летописи. С. 269.
- ²⁰⁹ Новг. I лет. С. 435.
- ²¹⁰ Сказание о чудесах. С. 42; ПСРЛ. Т. IX. С. 222.
- ²¹¹ Лавр. лет. С. 358 и 361; ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. СПб., 1913. С. 428–429.
- ²¹² *Хрущов.* С. 232–233.
- ²¹³ Сказание о чудесах, предисл. С. 9–16.
- ²¹⁴ Там же. С. 36–38.
- ²¹⁵ Там же. С. 32–33.
- ²¹⁶ Ипат. лет. С. 482.
- ²¹⁷ Сказание о чудесах. С. 41.
- ²¹⁸ *Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910. С. 77–80.
- ²¹⁹ *Сергий.* С. 87.
- ²²⁰ *Калинский И.* Церковно-народный календарь. СПб., 1877. С. 299–301.
- ²²¹ Сказание о чудесах. С. 39–41.
- ²²² *Забелин И. Е.* Следы литературного труда... С. 46–47.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Сказание о чудесах. С. 26.
- ²²⁵ Там же. С. 31 и 42.

- ²²⁶ Служба. Л. 128.
- ²²⁷ Там же. Л. 127 об.
- ²²⁸ Великие Минеи Четьи. Октябрь. С. 4.
- ²²⁹ Там же. С. 11.
- ²³⁰ Сказание о чудесах. С. 23.
- ²³¹ В последующем изложении мы придерживаемся в основном выводов М. Д. Приселкова, изложенных в его работах «История русского летописания XI—XV вв.» и «Лаврентьевская летопись», а также пользуемся отдельными наблюдениями А. А. Шахматова в «Обзрении русских летописных сводов XIV—XVI вв.», Л., 1938, и работой Д. С. Лихачева Русские летописи. С. 268 и сл.
- ²³² Лавр. лет. С. 358 и сл.; *Бестужев-Рюмин*. О составе летописей. С. 107—110; *Шиловский С. М.* Указ. соч. С. 112.
- ²³³ *Приселков*. Летописание. С. 71.
- ²³⁴ Там же. С. 77—78.
- ²³⁵ *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг. 1916. С. XXXVII—XLI (далее: Повесть).
- ²³⁶ *Шляков*. Указ. соч. С. 29—36.
- ²³⁷ *Комарович В. Л.* Поучение Владимира Мономаха/История русской литературы. Т. 1. М. — Л. 1941. С. 280, 296—297. По А. А. Шахматову, письмо к Олегу вошло в состав третьей редакции 1118 года «Повести временных лет». Повесть. С. XXXIX—XL.
- ²³⁸ *Алексеев М. П.* Англо-саксонская параллель... С. 70—72; *Приселков*. История летописания. С. 53 и 72; *Ивакин*. Указ. соч. С. 1, 8, 309—310; *Шляков*. Указ. соч. С. 35, 65—71; *Соболевский А. И.* Одно место в поучении Мономаха // Филологические записки. № 3. 1900. С. 1.
- ²³⁹ *Ивакин*. Указ. соч. С. 1.
- ²⁴⁰ *Шляков*. Указ. соч. С. 65—67.
- ²⁴¹ Ипат. лет. С. 591.
- ²⁴² *Воронин*. Памятники. С. 21—50.
- ²⁴³ Ипат. лет. С. 582.
- ²⁴⁴ Великие Минеи Четьи. Октябрь. С. 9.
- ²⁴⁵ Там же. С. 173; Служба. Л. 127.
- ²⁴⁶ *Воронин Н. Н.* Замок Андрея Боголюбского // Архитектура СССР. № 11. 1939; Его же. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца // Краткие сообщения ИИМК АН СССР.
- ²⁴⁷ *Пастернак Я. И.* Старый Галич. Краков, 1944. С. 127—131.
- ²⁴⁸ А. И. Гаркави считал Анбала и Бориса Жидиславича евреями, как и Ефрема Моизича, и предполагал, что это были киевские выходцы, эмигрировавшие на север из Киева после пожара Подола 1124 года. Данные и исследования из истории евреев в России.

- Вильно, 1865. С. 75 и 83. См. также: *Берхин И.* Андрей Боголюбский и еврей // *Восход*. 1883. Кн. VII—VIII. Любимый милостыник Андрея Прокопий был, видимо, крещеным половчином; его имя некоторые источники сопровождают половецким термином «кошей». «Анбал», может быть, не имя собственное, но сохраненное как прозвище осетинское слово «товарищ», то есть «анбал-ясин» значит «приближенный ясин».
- ²⁴⁹ *Арциховский А. Б.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 34.
- ²⁵⁰ *Некрасов А. И.* О гербе суздальских князей. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 406—409.
- ²⁵¹ *Эмин Ф.* Российская история. Т. III. СПб., 1769. С. 339.
- ²⁵² *Грушевский.* С. 129—130.
- ²⁵³ *Пресняков.* Лекции. С. 230.
- ²⁵⁴ Ипат. лет. С. 508—509.
- ²⁵⁵ Новг. I лет. С. 142; Ипат. лет. С. 509.
- ²⁵⁶ Ипат. лет. С. 509.
- ²⁵⁷ Новг. I лет. С. 147.
- ²⁵⁸ Ипат. лет. С. 543 и 537; *Соловьев, I.* С. 474.
- ²⁵⁹ Ипат. лет. С. 544. Напомним помещенное в Ипатьевской летописи под 1172 годом обширное сказание, освещающее победу Михалки над половцами как чудо Богородицы Десятинной, выступающей как бы в противовес покровительнице Андрея — Владимирской иконе. Ипат. лет. С. 554—559.
- ²⁶⁰ Предполагают, что наемные войска угров, участвовавшие в разгроме Киева 1169 года, были вызваны Всеволодом. Однако надо помнить, что ему в это время было всего 14—15 лет. *Грот К.* Из истории Угрии и славянства в XII в. Варшава, 1889. С. 352, прим. 1; 390, прим. 2; *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Т. I. Прага, 1935. С. 88—89.
- ²⁶¹ Ипат. лет. С. 543—545.
- ²⁶² Там же. С. 545.
- ²⁶³ ПСРЛ. Т. IX. С. 237—239; ср. Ипат. лет. С. 541 и *Бестужев-Рюмин.* О составе летописей. С. 132, прим. 176.
- ²⁶⁴ *Соловьев, I.* С. 550—551, прим. 1.
- ²⁶⁵ Лавр. лет. С. 397.
- ²⁶⁶ Ипат. лет. С. 555.
- ²⁶⁷ *Соловьев, I.* С. 490.
- ²⁶⁸ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1914. С. 397.
- ²⁶⁹ *Пресняков.* Лекции. С. 239.
- ²⁷⁰ *Приселков.* Лаврентьевская летопись. С. 106.

- ²⁷¹ *Пресняков*. Лекции. С. 237.
- ²⁷² *Соловьев*, I. С. 568–569.
- ²⁷³ Новг. I лет. С. 148–149; Ипат. лет. С. 559–561.
- ²⁷⁴ ПСРЛит. Вып. 1. С. 241.
- ²⁷⁵ Там же; см. также: Тверской летописный сборник. ПСРЛ. Т. XV. С. 244–247.
- ²⁷⁶ Лавр. лет. С. 343–344.
- ²⁷⁷ Новг. I лет. С. 150; *Погодин М. П.* Князь Андрей Юрьевич Боголюбский // Журнал Министерства народного просвещения. 1849, октябрь. С. 15 (далее: *Погодин*).
- ²⁷⁸ Ипат. лет. С. 562; Новг. I лет. С. 149–150.
- ²⁷⁹ Ипат. лет. С. 564–566.; Новг. I лет. С. 151.
- ²⁸⁰ Ипат. лет. С. 569–572. *Грушевский*. С. 199–200.
- ²⁸¹ Ипат. лет. С. 572–573. См. также: *Голяшкин*. С. 276.
- ²⁸² Ипат. лет. С. 573–576.
- ²⁸³ Там же. С. 575–578; *Погодин*. С. 25.
- ²⁸⁴ Ипат. лет. С. 578–580; *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871. С. 349.
- ²⁸⁵ *Соловьев*, I. С. 525, прим. 1; *Дондуа В.* Басили — историк царицы Тамары/Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 44; *Еремян*. С. 395–396.
- ²⁸⁶ Ипат. лет. С. 574.
- ²⁸⁷ *Ключевский*. Курс русской истории. Ч. I. С. 401 и 403.
- ²⁸⁸ *Приселков*. Летописание. С. 76.
- ²⁸⁹ *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества/Сочинения. М., 1884. С. 37.
- ²⁹⁰ Ипат. лет. С. 583.
- ²⁹¹ Там же. С. 704, 710, 921–922.
- ²⁹² *Иловайский*. Указ. соч. С. 35 и 37, прим. 27; *Татищев*, III. С. 227.
- ²⁹³ Лавр. лет. С. 352 и сл.
- ²⁹⁴ Там же. С. 355 и сл.
- ²⁹⁵ ПСРЛ. Т. XV. С. 258.
- ²⁹⁶ Там же. С. 259.
- ²⁹⁷ Лавр. лет. С. 415.
- ²⁹⁸ Ср.: Лавр. лет. С. 279.
- ²⁹⁹ ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. С. 223; *Тихонравов К. Н.* Пловучее озеро // ВГВ. 1868. № 20.
- ³⁰⁰ Лавр. лет. С. 360 и сл.; ПСРЛ. Т. XV. С. 261.
- ³⁰¹ Лавр. лет. С. 364.
- ³⁰² Там же. С. 365–366; Ипат. лет. С. 606; ПСРЛ. Т. VII. С. 95; XI. С. 324.
- ³⁰³ Лавр. лет. С. 367–368, 385 и сл.

- ³⁰⁴ Там же. С. 409, 413.
- ³⁰⁵ Лавр. лет. С. 369; Ипат. лет. С. 625.
- ³⁰⁶ Лавр. лет. С. 360 и 413; ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 41; *Греков Б.Д.* Волжские болгары... С. 17 и 29.
- ³⁰⁷ ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. С. 225.
- ³⁰⁸ Ипат. лет. С. 618–620. Новг. I лет. С. 156–157; *Тихомиров М.Н.* Город Дмитров. Дмитров, 1925. С. 8–9.
- ³⁰⁹ Ипат. лет. С. 614.
- ³¹⁰ Там же. С. 625, 679.
- ³¹¹ Лавр. лет. С. 375 и 379.
- ³¹² Ипат. лет. С. 625, 658, 679, 681; Лавр. лет. С. 391.
- ³¹³ Лавр. лет. С. 391.
- ³¹⁴ Ипат. лет. С. 683–686.
- ³¹⁵ Лавр. лет. С. 406, 413–414.
- ³¹⁶ Ипат. лет. С. 653 и 715.
- ³¹⁷ Новг. I лет. С. 155, 158; Лавр. лет. С. 368; *Татищев, П.* С. 246.
- ³¹⁸ Новг. I лет. С. 162, 172–174, 176–178; *Соловьев, И.* С. 574, прим. 1.
- ³¹⁹ Новг. I лет. С. 188–192.
- ³²⁰ Лавр. лет. С. 413; Новг. I лет. С. 192–194.
- ³²¹ Лавр. лет. С. 387–388, 415; ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 141; *Приселков М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. Вып. 8. Л., 1941. С. 226 (глава «Полюдь»).
- ³²² *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 144–145.
- ³²³ Лавр. лет. С. 354–859, 373–374, 379; *Насонов.* С. 16–17; *Голяшкин.* С. 267.
- ³²⁴ Лавр. лет. С. 366.
- ³²⁵ Там же. С. 373.
- ³²⁶ *Соловьев, И.* С. 525, прим.; *Еремян.* С. 396 и сл.
- ³²⁷ Ипат. лет. С. 667; см. также: *Голяшкин.* С. 256–260.
- ³²⁸ Ипат. лет. С. 683–684.
- ³²⁹ Лавр. лет. С. 371; Ипат. лет. С. 629–630. После поставления епископа Луки во Владимире произошел большой пожар 1185 года, когда сгорел весь княжий двор и епископский Успенский собор. Это совпадение напоминает пожар Ростовского собора, случившийся по окончании постройки Владимирского. Не было ли здесь ответной попытки ростовцев подорвать силу Владимира как церковного центра? Восстановив собор, Всеволод сохранил на его северном фасаде разное изображение «трех отроков в пеши», как бы сим-

- волизировавшее бессилие огня уничтожить идейное средоточие Владимирской земли.
- ³³⁰ Лавр. лет. С. 387, 393.
- ³³¹ Там же. С. 361, 401–403.
- ³³² *Анисимов А. И.* Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. Вып. 2. М., 1928. С. 138–139; *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси // Советская археология. № 6. С. 235.
- ³³³ Лавр. лет. С. 361.
- ³³⁴ *Приселков.* Очерки. С. 137; *Ключевский.* Жития. С. 11; ПСРЛ. Т. XV (Твер. лет. сб.). С. 281.
- ³³⁵ *Воронин.* Памятники. С. 51–65.
- ³³⁶ *Приселков.* Лаврентьевская летопись. С. 107–108.
- ³³⁷ *Насонов.* С. 25; ПСРЛ. Т. VII. С. 117.
- ³³⁸ Лавр. лет. С. 415–417; ПСРЛ. Т. VII. С. 119.
- ³³⁹ *Костомаров Н. И.* Северорусские народопроцества. СПб., 1886. Т. I. С. 75, 81.
- ³⁴⁰ Лавр. лет. С. 469; ПСРЛ. Т. XV (Твер. лет. сб.). С. 323.
- ³⁴¹ Лавр. лет. С. 470; ПСРЛ. Т. VII. С. 121.
- ³⁴² Лавр. лет. С. 420; *Соловьев, I.* С. 586–587.
- ³⁴³ Лавр. лет. С. 429; Летописец Переславля-Суздальского. М., 1851. С. 110.
- ³⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 92; Лавр. лет. С. 426, 431, 433, 434–435.
- ³⁴⁵ *Соловьев, I.* С. 806.
- ³⁴⁶ ПСРЛ. Т. XV (Твер. лет. сб.). С. 357; Новг. I лет. С. 229; *Пресняков.* Образование. С. 40.
- ³⁴⁷ Новг. I лет. С. 222, 223, 224, 243; Лавр. лет. С. 426, 427; ПСРЛ. Т. XV. С. 334.
- ³⁴⁸ *Соловьев, I.* С. 806.
- ³⁴⁹ Новг. I лет. С. 245–246; Лавр. лет. С. 446.
- ³⁵⁰ Новг. I лет. С. 197; ср.: *Рожков Н. А.* Политические партии в великом Новгороде XII–XV вв./Исторические и социологические очерки. Ч. II. М., 1906. С. 36 и сл.
- ³⁵¹ Ипат. лет. С. 741; Лавр. лет. С. 423.
- ³⁵² Лавр. лет. С. 426–427, 433.
- ³⁵³ Ипат. лет. С. 777; *Грушевский.* С. 249.
- ³⁵⁴ *Грушевский.* С. 253.
- ³⁵⁵ Лавр. лет. С. 422, 476; ПСРЛ. Т. VII. С. 128; XXIII. С. 68.
- ³⁵⁶ Лавр. лет. С. 423.
- ³⁵⁷ Там же. С. 426, 428–429.
- ³⁵⁸ Там же. С. 430; *Греков.* Волжские болгары... С. 17–18.

- ³⁵⁹ Лавр. лет. С. 430.
- ³⁶⁰ Голубинский. С. 599—600; Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Л., 1940. Т. III. С. 88—89.
- ³⁶¹ Лавр. лет. С. 421, 429—430, 444.
- ³⁶² Воронин. Памятники. С. 66—78.
- ³⁶³ Патерик. С. 76: Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. VI. Кн. 3. С. 229—233; Голубинский. С. 759.
- ³⁶⁴ Приселков. Лаврентьевская летопись. С. 120—121; Воронин. Рецензия на книгу А. В. Арциховского...; Лихачев. Русские летописи. С. 278—279.
- ³⁶⁵ Гудзий Н. К. Моление Даниила Заточника/История русской литературы. Т. II. Ч. 1. С. 35 и сл.
- ³⁶⁶ Хрущов. С. 240; Серебрянский. Указ. соч. С. 142—145; Лихачев. Русские летописи. С. 241—246.
- ³⁶⁷ ПСРЛит. Вып. 1. С. 241.
- ³⁶⁸ ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. С. 221.
- ³⁶⁹ Описные книги царских палат: Золотой и Грановитой, составленные Симоном Ушаковым в 1672 г. М., 1882. С. 5; Серебрянский. Указ. соч. С. 146—147 и прил., 87—89; Шилов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. Вып. 1. СПб., 1910. С. 62 и 66.
- ³⁷⁰ Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. СПб., 1896. С. XV (предисл. С. Ф. Платонова).
- ³⁷¹ Грибоедов. Указ. соч. С. 15—16; Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.
- ³⁷² Гизель И. Синописис. СПб., 1810. С. 114.
- ³⁷³ ПСРЛ. Т. II (изд. 1). СПб., 1843. С. 303, 305, 316.
- ³⁷⁴ Отрывки из жития см.: Доброхотов. Древний Боголюб-город. С. 87—89 и в ВГВ, 1871, № 20. С. 1, прим.; Сергей. С. 93.
- ³⁷⁵ Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 36.
- ³⁷⁶ Малицкий Н. В. Поздние рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Владимир, 1923. С. 19, прим. 1.
- ³⁷⁷ Там же. С. 20—21; Виноградов А. История Успенского собора в губернском городе Владимире. Владимир, 1905 (рисунок на обложке).
- ³⁷⁸ Татищев, III. С. 197.
- ³⁷⁹ Виноградов. Указ. соч., прил. С. 15—16.
- ³⁸⁰ Ломоносов М. В. Краткой российской летописец. СПб., 1760. С. 11.
- ³⁸¹ Хилков А. Я. (А. И. Манкиев). Ядро российской истории. М., 1770. С. 102.
- ³⁸² Татищев, III. С. 493, прим. 512.

- ³⁸³ *Шербатов М. М.* История российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1902. С. 252, 263, 266.
- ³⁸⁴ *Карамзин, П.* С. 32–33.
- ³⁸⁵ *Полевой Н. А.* История русского народа. Т. III. М., 1830. С. 75, 80.
- ³⁸⁶ *Погодин.* С. 9–10, 28.
- ³⁸⁷ *Забелин И. Е.* Первоначальная история Московской промышленной области // Живописная Россия. Т. VI. Ч. 1. С. 17 и сл. Его же. История русской жизни. Т. I. С. 31–32; Его же. Взгляд на развитие московского единовластия // Исторический вестник. 1881. Вып. 4. С. 248–268.
- ³⁸⁸ *Иловайский Д. И.* История России. Т. I. Ч. 2. М., 1880. С. 204–205.
- ³⁸⁹ *Костомаров Н. И.* Начало единовластия в Древней Руси/Исторические монографии. Т. XII. СПб., 1872. С. 62–67; Его же. Русская история в жизнеописаниях. Вып. 1. СПб., 1873. С. 88–89.
- ³⁹⁰ *Корсаков.* Указ. соч. С. 110–111.
- ³⁹¹ *Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М., 1898. С. 85.
- ³⁹² *Пресняков.* Лекции. С. 237; см. также: Голяшкин. С. 284–285.
- ³⁹³ *Покровский М. Н.* Русская история. Т. I. М., 1933. С. 90–91.
- ³⁹⁴ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.—Л. 1950. С. 183 и 187.

Содержание

От автора	7
I. Родина	10
II. Дед	20
III. Отец	26
IV. Владимирский самовластец	44
V. Меч духовный	63
VI. Литература	95
VII. Искусство и культура	112
VIII. «Русская земля»	122
IX. Развязка	138
X. Всеволод Большое Гнездо	143
XI. Накануне нашествия	167
XII. Суд потомков	183
Заключение	197
<i>Примечания . . . . .</i>	<i>202</i>

- В75   **Воронин Н.**
Андрей Боголюбский / Николай Воронин. — М. : Ломоносовъ. — 2022. — 224 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-692-7

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский — одна из самых недооцененных личностей в нашей истории. Правнук византийской принцессы, внук англосаксонского короля, сын половецкой княжны, он возмечтал об объединении Руси под своей властью. При нем центр раздираемой усобицами страны сместился на северо-восток, а Владимиро-Суздальское княжество, будущее ядро Российского государства, стало одним из сильнейших на Руси. Сделав своей столицей Владимир, он развернул здесь строительство и всего за несколько лет превратил город в соперника увядающего Киева. Оправдывая свое прозвище, князь основал множество храмов и учредил один из главных православных праздников — Покров Пресвятой Богородицы. Это послужило одной из причин того, что написанная Николаем Ворониным биография Андрея Боголюбского не смогла преодолеть рогатки советской цензуры. Автора обвинили в «поповщине», набор рассыпали, однако сохранился оттиск, который и лег в основу настоящего издания.

Николай Воронин (1904–1976) — доктор исторических наук, лауреат Сталинской и Ленинской премий.

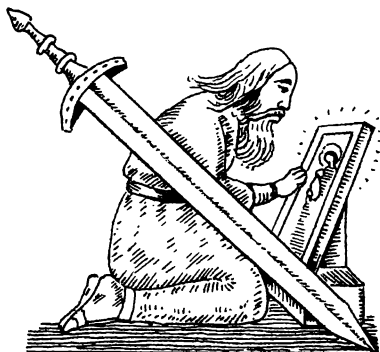
УДК 94(47).027
ББК 63.3(2)43

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Николай Воронин

Андрей Боголюбский

Редактор В. Аккурский

Верстка А. Петровой

Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 23.09.2021.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ 6768

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru, e-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87

- 177 Владимир Новиков. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РУССКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ
УСАДЬБАМ
- 178 ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЖЕСТВА. X — XIII века
- 179 Юрий Звягин. ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ВРЕМЕН
КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА
- 180 ПЕТР ОБРАЗЦОВ. ПРИЧУДЫ ГЕОГРАФИИ. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
О СТРАНАХ САМЫХ РАЗНЫХ
- 181 Нельсон Кэрел Дибвойз. ПАРФЯНСКОЕ ЦАРСТВО
- 182 КАДЕТЫ, ГАРДЕМАРИНЫ, ЮНКЕРА.
МЕМУАРЫ ВОСПИТАННИКОВ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ XIX века
- 183 СТЕПАН ВЕСЕЛОВСКИЙ. РОД И ПРЕДКИ А. С. ПУШКИНА.
XIII — XVII века
- 184 ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА
- 185 Алексей Казаков. ЦЕРКОВЬ И РАЗВЕДКА.
О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ
- 186 Виктор Бердинских, Владимир Веремьев. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ГУЛАГА
- 187 Лафкадио Хирн (Коидзуми Якумо). Япония эпохи Мэйдзи
- 188 Владислав Петров. ВСЯКИЙ, ДАРОВИТЫЙ ИЛИ БЕЗДАРНЫЙ,
ДОЛЖЕН УЧИТЬСЯ... КАК ВОСПИТЫВАЛИ ДЕТЕЙ
в Древней Греции
- 189 Юлия Козлова. Путешествие Петра I в Западную Европу.
1716—1717 годы
- 190 РУССКИЙ БЫТ XIII—XV веков
- 191 Джон Феннел. КРИЗИС СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ. 1200—1304
- 192 Николай Болгов. ОТ ГЕТЕРЫ ДО ИГУМЕНИ.
ЖЕНЩИНА в Ранней Византии: мир чувств и жизнь тела
- 193 Наренда Кришна Синха, Анил Чандра Банерджи. ИСТОРИЯ ИНДИИ
ОТ АРИЕВ ДО НАЧАЛА КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭРЫ
- 194 Александр Амфитеатров. ДЬЯВОЛ в БЫТУ, ЛЕГЕНДАХ
и ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ
- 195 Иван Грозный. ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ
- 196 КУЛЬТУРА ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ
- 197 Илья Шифман. ЦЕЗАРЬ АВГУСТ
- 198 Наталия Иофан. КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ
- 199 Алексей Казаков. ЖУРНАЛИСТЫ И РАЗВЕДКА.
РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

- 200 Алексей Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения
- 201 Виктор Бердинских. Русь крестьянская.
Зримый мир русской деревни
- 202 Мария Сергеевко. Люди и нравы древней Италии
- 203 Гибель императора Александра II в материалах следствия
и суда, сообщениях прессы и свидетельствах очевидцев
- 204 Вера Бокова. Отроку благочестие блюсти...
Как наставляли дворянских детей
- 205 Русский быт накануне Петровских реформ.
Жилище, еда, одежда, деньги, занятия русских людей
в XVII веке
- 206 Детство в купеческом доме
- 207 Алла Ястребицкая. Западная Европа XI—XIII веков.
Эпоха, быт, костюм
- 208 Дарья Трынкина. Японская демонология
- 209 Жизнь итальянского города. Через Средние века
к Возрождению
- 210 Александр Мишулин. Античная Испания
до образования римских провинций
- 211 Уильям Монтгомери Уотт, Пьер Какиа.
История мусульманской Испании
- 212 Борис Владимирцов. Чингисхан и монголы его времени
- 213 Иван Мейендорф. Византия и Московская Русь
- 214 Лев Карсавин. Культура Средних веков
- 215 Михаил Барг. Шекспир и история
- 216 Герман Бенгтсон. Эллинистический мир в биографиях
- 217 Зигмунд Фрейд. Этот человек Моисей
- 218 Джеймс Хедли Биллингтон. Век русской дворянской культуры.
Середина XVIII — середина XIX века
- 219 Марк Батунский. Русь и ислам. X—XVI века
- 220 Тира Соколовская. Капитул Феникса и другие русские
масонские общества. 1778—1822 годы
- 221 Анри Александр Валлон. История рабства
в Древней Греции
- 222 Анна Павловская. Кухня первобытного человека.
Как еда сделала человека разумным
- 223 Теодор Мейер-Штейнег, Карл Зудгоф. История врачевания
в древности и Средние века
- 224 Андрей Дёмкин. Екатерининские орлы. Статские чины

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте
www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Николай
Воронин
Андрей
Боголюбский

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский — одна из самых недооцененных личностей в нашей истории. Правнук византийской принцессы, внук англосаксонского короля, сын половецкой княжны, он возмечтал об объединении Руси под своей властью. При нем центр раздираемой усобицами страны сместился на северо-восток, а Владимиро-Суздальское княжество, будущее ядро Российского государства, стало одним из сильнейших на Руси. Сделав своей столицей Владимир, он развернул здесь строительство и всего за несколько лет превратил город в соперника увядающего Киева. Оправдывая свое прозвище, князь основал множество храмов и учредил один из главных православных праздников — Покров Пресвятой Богородицы. Это послужило одной из причин того, что написанная Николаем Ворониным биография Андрея Боголюбского не смогла преодолеть рогатки советской цензуры. Автора обвинили в «поповщине», набор рассыпали, однако сохранился оттиск, который и лег в основу настоящего издания.

Николай Воронин (1904–1976) — доктор исторических наук, лауреат Сталинской и Ленинской премий.

ISBN 978-5-91678-692-7

9 785916 786927

Андрей Боголюбский

Николай Воронин

